

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Буваев Д.А. Современное состояние курганного могильника «Элистинский».....	2
Тепкеев В.Т. Манжи-Ялбо и борьба за власть в правящем доме торгутов в начале 60-х гг. XVII в.....	10
Гунаев Е.А. Государственные символы Калмыкии в XX – начале XXI вв: исторические и политико-правовые аспекты.....	14
Белоусов С.С. О проблеме возвращения в пользование Республики Калмыкия земель, временно используемых хозяйственными субъектами Астраханской области и Республики Дагестан.....	21
Соловьева А.А. Многоликий демон: образ демонологических персонажей в фольклоре Китая и Монголии.....	27
Улзий М.С. Монгол орны хутагт хувилгаадын тухай эргэцүүлэн өгүүлэх нь (размышления о хувилганах Монголии).....	36
Кукеев А.Г., Шантаев Б.А. О ступах школы Кагью, построенных в Калмыкии.....	39

ФИЛОЛОГИЯ

Кичикова Б.А. Калмыки в мире Пушкина.....	42
Мулаева Н.М. Модальность желательности (на материале современного калмыцкого языка).....	50
Бачаева С.Е. Флористическая терминология в «Калмыцком словаре» Г. Рамстедта.....	53

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Шарманджиев Д.А. Самоидентификация личности и некоторые ценностные предпочтения в картине мира жителей Калмыкии.....	56
Намруева Л.В. Конфессиональный фактор в идентификационных процессах (по итогам опроса 2008 года в Калмыкии).....	59
Убушаев М.Б. (Элиста). Миграционные процессы в Республике Калмыкия в постсоветский период.....	65
Бадмаева Н.В. Внутрорегиональные миграционные процессы в Республике Калмыкия.....	69
Иджаева Б.В. Современная политическая оппозиция в сознании электората: методология исследования.....	72
Джеваков М. В. Об основных этапах становления и развития классической геополитики как науки.....	75

ЭКОЛОГИЯ

Ташнинова Л.Н., Ташнинова А.А. Экосистемы Калмыкии: ландшафтно-экологические аспекты сохранения биоразнообразия.....	80
Богун Н.М. Геоботанические исследования экотонной зоны реликтовых солёных озёр Маньчской озерной группы.....	89
Санджиева А. Г. Ретроспективный анализ и современное состояние озера Маньч-Гудило.....	94

БИБЛИОГРАФИЯ

Ташнинова Л.Н. Уникальное издание о научном наследии Карла Бэра.....	98
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	99
--------------------	----

Сведения об авторах.....	102
--------------------------	-----

Content

HISTORY, ETHNOLOGY AND RELIGIOUS STUDIES

Buvaev D.A. The Modern state of «Elistinskiy» burial mound

Tepkeev V.T. Manzhi-yalbo and race for power in the ruling house of Torguts at the beginning of the 60th years of the XVIIth century

Gunaev E.A. State symbols of Kalmykia in the XXth-beginning XXIth century: historical, political and legal aspects

Belousov S.S. About the problems of returning in the use of the Republic of Kalmykia earths temporally used by the economic subjects of the Astrakhan area and Republic of Daghestan

Solov'eva A.A. The many-faced demon: appearance of demonological characters in folklore of China and Mongolia

Ulziy M.S. Reflections about khubilgans of Mongolia

Kukeev A.G., Shantaev B.A. About the stupas of Kag'yu school constructed in Kalmykia

PHILOLOGY

Kichikova B.A. The Kalmucks in the world of Pushkin

Mulaeva N.M. Modality of desirability (on material of modern Kalmuck language)

Bachaeva S.E. Floristic terminology in the «Kalmuck dictionary» of G. Ramstedt

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Sharmandzhiev D.A. Self-identification of the person and some valuable preferences in a picture of the world of residents of Kalmykia

Namrueva L.V. Confessional factor in the identification processes (on results of questioning of 2008 in Kalmykia)

Ubushaev M. V. Migratory processes in Republic of Kalmykiya in postsoviet period

Badmaeva E.N. Internal regional migratory processes in Republic of Kalmykia

Idzhaeva B.V. Modern political opposition in consciousness of electorate: methodology of research

Dzhevakov M. V. About the basic stages of becoming and development of classical geopolitics as science

ECOLOGY

Tashninova L.N., Tashninova A.A. Ekosystems of Kalmykia: landscape-ecological aspects of conservation of biodiversity

Bogun N.M. Geobotanical researches of ekotonn area of relict salt lakes of Manych lake group

Sandzhieva A. G. Retrospektiv analysis and modern state of Manych-gudilo lake

BIBLIOGRAPHY

Tashninova L.N. Unique edition about the scientific legacy of Charles Ber

Scientific life

Information about authors

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ББК 63.4

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА «ЭЛИСТИНСКИЙ»

Д.А. Буваев

В статье представлены результаты археологических разведок могильника «Элистинский», частично раскопанного в 1964 г. Выполнено описание современного состояния памятника, составлена археологическая карта могильника с указанием сохранившихся и утраченных курганов.

Ключевые слова: курган, могильник, материалы дистанционного зондирования, археологические раскопки.

The article deals with the results of archaeological investigations of sepulchre «Elistinskiy» partially excavated in 1964. The author gives the description of present situation of this monument, its archaeological card with instructions of the remained and lost burial mounds.

Keywords: a burial mound, sepulchre, materials of remote sounding, archeological excavations.

Летом 2008 года Государственным учреждением «Центр охраны историко-культурного наследия» Министерства образования, науки и культуры Республики Калмыкия были проведены археологические разведки курганного могильника «Элистинский», расположенного на северо-западной окраине г. Элисты. Полевые работы выполнены в рамках инвентаризации объектов историко-культурного наследия, на основании Открытого листа № 227 (форма № 3), выданного 16 мая 2008 г. отделом полевых исследований Института археологии РАН на имя Буваева Дмитрия Алексеевича.

Научным обоснованием археологических разведок 2008 г. стали охранные раскопки данного могильника в 1964 г., проведенные профессором Саратовского государственного университета Синицыным Иваном Васильевичем и заведующим сектором антропологии и этнографии Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ) Эрдниевым Урюбджуром Эрдниевичем. Вся курганная группа в 1964 г. находилась под угрозой разрушения в связи с проведением железной дороги Дивное – Элиста. Результаты раскопок опубликованы в 1971 г. [1]. На план курганного могильника Элистинский указанными исследователями нанесено 47 (сорок семь) насыпей, из которых 37 (тридцать семь) были пронумерованы и раскопаны, а 10 (десять) насыпей не имели нумерации и не отражены в публикации.

Основные задачи археологических разведок 2008 г.

- исследование современного состояния курганного могильника «Элистинский», находящегося в зоне активной хозяйственной деятельности;
- составление точного плана курганного мо-

гильника с включением как ранее обследованных курганов, так и вновь выявленных археологических объектов;

- описание технического состояния ранее исследованных и вновь выявленных курганов.

При проведении археологических разведок 2008 г. применена методика дешифрирования материалов дистанционного зондирования Земли (МДЗЗ) в условиях степного ландшафта.

Основные географические характеристики территории месторасположения курганного могильника «Элистинский»

Курганный могильник «Элистинский» расположен в северо-западной части г. Элиста, на одном из водораздельных хребтов Ергеней, по линии восток-запад, ограниченном с юга балкой Элиста, с севера – балкой Салын. С этого хребта, одного из самых высоких на Ергенинской возвышенности (отметки плюс 205–210 м по Балтийской системе высот), берут начало притоки р. Яшкуль: реки Элиста (южный склон), Гашун-Сала, Салын (северный склон) и Джурак-Сал – приток р. Дона. По балкам устроены пруды с пресной водой. Северная часть водораздела плавно понижается к балке Салын на протяжении 2–3 км; южная часть резко обрывается вниз, в долину р. Элиста. На склонах хребта имеется большое количество родников, часть их утрачена в связи с современной хозяйственной деятельностью, часть сохранилась. Могильник расположен вдоль северного борта склона на расстоянии 50–200 м от его края и с него открывается панорама на столицу Калмыкии и соседние хребты Ергенинской возвышенности. Таким образом, благоприятные физико-географические характеристики балки Элиста обуславливали удобство проживания, о чем свидетельствует высокая кон-

центрация курганных объектов в долине Элисты, объединенных в курганные группы, одной из которых является могильник «Элистинский».

Результаты охранно-археологических исследований 1964 г. курганного могильника «Элистинский»

Охранно-археологические исследования курганного могильника «Элистинский» проводились в 1964 г. в связи со строительством железной и автомобильных дорог, их инфраструктуры, производственных и складских комплексов, создавших угрозу разрушения курганной группы. В охранных раскопках принимали участие археологическая экспедиция КНИИЯЛИ, Элистинского музея краеведения и Саратовского государственного университета. Авторами исследований 1964 г. изучена часть северного склона возвышенности вдоль балки Элиста, в пределах которой ими отмечено наличие в Элистинском курганном могильнике свыше 50 курганов. За полевой сезон 1964 г. раскопано 37 курганов, из них 3 больших, высотой до 5-6 м. В раскопанных курганах обнаружено 123 разновременных погребения. Из них 97 погребений относится к бронзовому веку (принадлежат носителям ямной и катакомбной культур предкавказского варианта), 12 – скифо-сарматской культуре, 14 – поздним кочевникам. Большой заслугой авторов является огромный объем археологических работ, выполненных за полевой сезон 1964 г., обработка результатов раскопок и введение в научный оборот значительного объема ценной археологической информации по древней и средневековой истории Калмыкии и г. Элисты.

План Элистинского курганного могильника [1, рис. 1, с.17] с указанием раскопанных и не раскопанных курганов представляет собой схему расположения курганов без привязки к топографии местности и градостроительным опорным объектам. Указана только «дорога на Элисту». Исчисленная по плану общая протяженность могильника составляет около 1,8 км. Ориентировка плана 1964 г. смещена на 20 градусов к северо-западу.

Методика раскопок 1964 г. предполагала постепенный снос насыпи кургана бульдозером с перемещением грунта в отвал за пределы памятника. Об этом можно также судить по сохранившимся раскопам, имеющим прямоугольные размеры. Центральная бровка не оставлялась, о чем свидетельствуют также полевые натурные наблюдения сохранившихся раскопов. На чертежах в [1] центральная бровка указана, но очень условно и не в масштабе. Фотографии бровки отсутствуют. Все раскопы в настоящее время представляют собой прямоугольные выемки в центре кургана шириной от 8 до 14 м и вдвое большей длины. Грунт

последовательно сыпался по ходу движения бульдозера, иногда в сторону соседнего кургана. Например, отвалы из раскопа кургана №5 достигают ровика кургана №6 и частично его засыпают. В небольших курганах площадь раскопа меньше. Вероятно, они раскапывались вручную, «колодцем», в центре кургана (курганы №№6, 7). При такой технологии раскопок оставались не изученными внутренние профили бровок курганов и прикуранные ровики, заваленные грунтом из центральной части.

Таким образом, в результате археологических работ, проведенных в 1964 году, большая часть курганов Элистинского могильника подверглась охранным раскопкам. Меньшая часть сохранилась до настоящего времени. Методика курганных раскопок 1964 г., исходя из требований современных Методики и Положения [2, 3], не была достаточно совершенна. Прежде всего, обращает внимание выборочность раскопок, при которой часть курганов не была охвачена охранными раскопками. Они обозначены на плане 1964 г. черными точками [1, рис. 1, с. 17] и, как показали разведки 2008 г., все указанные курганы (кроме №38) были разрушены при строительстве железной дороги и автодороги «Элиста – пос. Салын», не подвергшись охранным раскопкам. Вскрытие курганных насыпей производилось только в центральной части с помощью землеройной техники (бульдозером). Ориентировка раскопов осуществлялась как по линии север–юг, так и восток–запад (курган № 5), а также с отклонениями от строгой ориентировки по сторонам света (курганы №№4, 10). Независимо от ориентировки раскопа профиль центральной бровки схематично указан на всех планах раскопок курганов 1964 г. по линии север–юг (даже при раскопках траншеей по линии восток–запад и оставлением южного и северного секторов насыпи) [1, рис. 2, 6, 36 и др.]. Фактически профили курганов даны с восточного фаса по линии восток–запад даже в тех случаях, когда центр насыпи раскапывался по линии север–юг с оставлением восточного и западного секторов. Снятия всей насыпи в большинстве случаев не производилось. Поэтому в сохранившихся краевых сегментах насыпей может сохраниться какая-то часть археологического материала. Несомненно, оставшаяся часть курганных насыпей требует дополнительного исследования в части изучения сегментов насыпей и погребенной почвы. Это также относится и к раскопкам ровиков, практически оставшихся неизученными. Также не нашло отражения в [1], при введении в научный оборот результатов археологических исследований 1964 г., наличие курганных насыпей в западной части Элистинского могильника (западнее кургана №16), хотя они визуально отчетливо прослеживаются и отражены на топографических картах.

**Современная антропогенная нагрузка
на территорию курганного могильника
«Элистинский» и оценка технического
состояния объекта**

В настоящее время вдоль северной части могильника построена асфальтовая дорога «Элиста – пос. Салын», которая примыкает с запада, за железнодорожным мостом, к федеральной автодороге М-6 «Элиста – Волгоград» на северном выезде из Элисты. Восточная часть курганного могильника Элистинский расположена в 2 км к западу от федеральной трассы. Дорога «Элиста – пос. Салын» проходит фактически параллельно простиранию курганной группы, по линии восток–запад. Расстояние от южного среза кювета дороги до внешнего северного края ровиков курганов составляет от 10 до 60 м. Некоторые раскопы курганов (№№2, 29) повреждены кюветом и насыпью дороги «Элиста – пос. Салын», другие полностью уничтожены ею (№№1, 14 – 20, 22, 26, 30).

Южный сектор насыпи нераскопанного кургана №38 (нумерация дана в 2008 г.) частично разрушен устроенной ранее, до строительства автодороги «Элиста – пос. Салын», старой полевой непрофилированной дорогой.

С восточной стороны Элистинского могильника расположены охраняемая территория размещения резервуаров и территория строительно-торгового комплекса. С южной стороны могильника по линии восток–запад параллельно простиранию курганных насыпей сооружена однопутная железная дорога «Элиста – Дивное – Ставрополь». Дорога проложена вдоль склона хребта, на расстоянии от 50 до 200 м от насыпи курганов. Раскоп кургана №13 наполовину срезан при сооружении железной дороги.

Сразу за насыпью железной дороги к югу, вниз по склону, расположены садово-дачные участки. С северной стороны дороги «Элиста – пос. Салын» в центральной части курганного могильника находится учреждение УФСИН «Элиста». Данный объект представляет собой особо охраняемую территорию размерами 350х410 м, а также жилые и производственные здания, складскую зону.

Западная часть Элистинского могильника расположена на богарном поле. На момент проведения разведок 2008 г. поле было распахано. Большая часть небольших курганов подвергается регулярной распахке, за исключением курганов №№ 44 и 47, высотой более 3 м, имеющих задернованную поверхность.

Таким образом, курганный могильник «Элистинский» полностью оказался в зоне активной хозяйственной деятельности различной интенсивности по воздействию на сохранность насыпей. Наиболее пострадала восточная часть могильника. Часть мест раскопов курганных насыпей 1964 г.

обнаружить не удалось. Естественный рельеф территории расположения могильника в значительной степени преобразован в аграрно-сельскохозяйственный ландшафт с устройством систем коммуникаций.

Курганы, расположенные на богарных полях, постепенно нивелируются ежегодной распахкой, и их насыпи очень слабо проявляются в рельефе местности. Установить их точное местоположение удалось по координатам на топографических картах и путем дешифрирования МДЗЗ высокого разрешения. Таким же комплексным методом удалось определить прежнее местонахождение нескольких курганов, в настоящее время несохранившихся (№№ 57 – 61).

На месте раскопов курганов №№ 8, 9, 30 были устроены грунтовые карьеры. В настоящее время эти карьеры представляют собой несанкционированные свалки строительного и бытового мусора. Места раскопов курганов №№ 1, 18, 20 находятся на особо охраняемой территории и доступ к ним невозможен; на местах раскопов курганов №№ 14 – 17, 19 построена автодорога с твердым покрытием «Элиста – пос. Салын».

Современное состояние могильника в целом следует признать аварийным, при этом может быть безвозвратно утрачена большая часть сохранившихся нераскопанных курганов могильника «Элистинский».

**Методика и технология проведения
археологической разведки 2008 г. территории
курганного могильника «Элистинский»**

1. Изучение архивных материалов и публикаций результатов охранно-археологического исследования сезона 1964 г. курганного могильника «Элистинский».

2. Камеральное тематическое дешифрирование МДЗЗ, последующие полевые наземные разведки с составлением картографического отчетного материала.

3. Сопоставление «Плана Элистинского курганного могильника. Раскопки 1964 г.» с общим планом 2008 г. курганного могильника «Элистинский» в едином масштабе для определения местоположения курганов, отмеченных на плане 1964 г., но отсутствующих в настоящее время. Наложение выявило условность в составлении плана 1964 г. и некоторое несоответствие избранному масштабу. Указание направления на север могильника на плане 1964 г. также не соответствует действительности: смещение ориентировки плана 1964 г. составило 20 градусов к северо-западу (рис. 1).

4. Методика полевых разведок: сплошное обследование территории расположения курганного могильника Элистинский вдоль северного борта балки Элиста с опорой на результаты археологического дешифрирования и привязку объектов на местности с помощью космической навигационной системы.

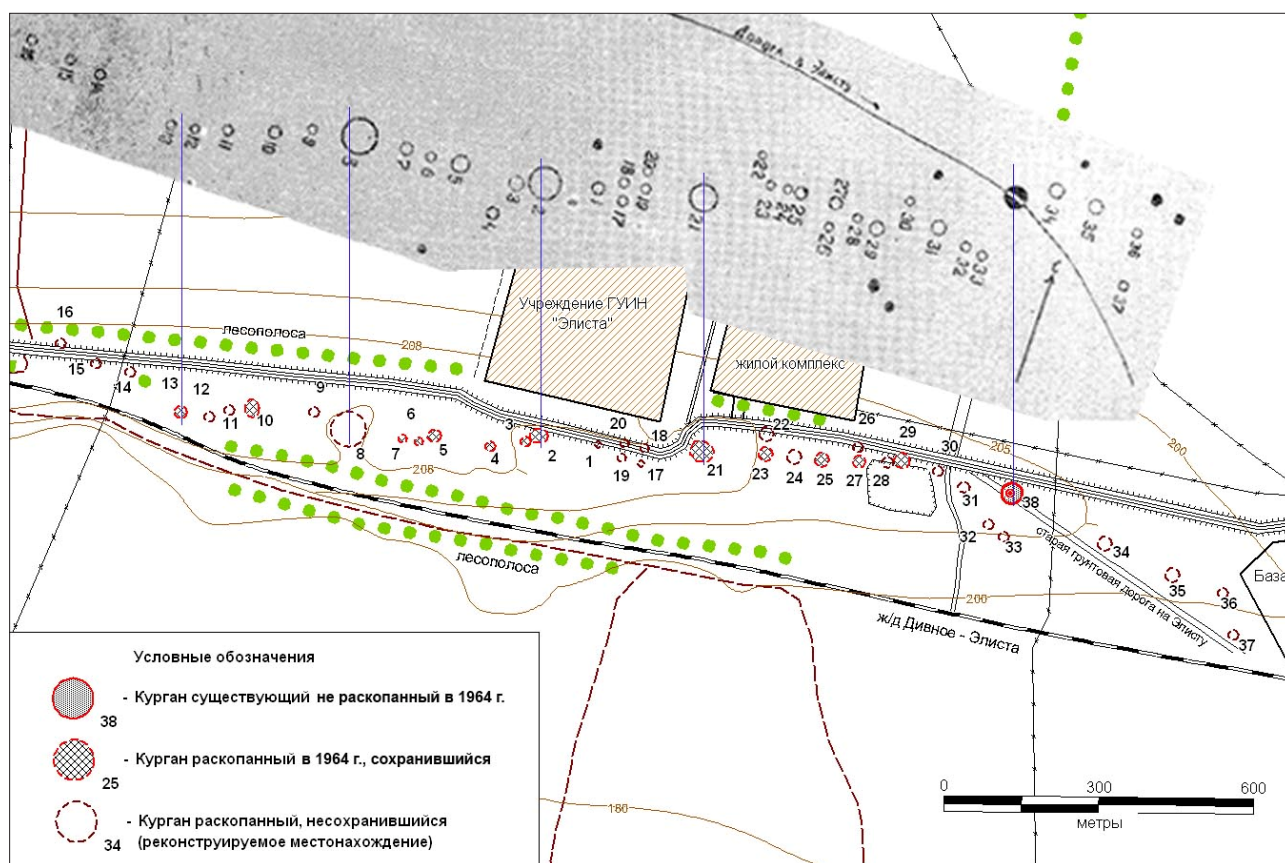

Рис. 1. Совмещение части плана курганного могильника «Элистинский» 2008 г. (внизу) с экспликацией плана могильника 1964 г. (вверху). Вертикальными линиями обозначены крупные опорные курганы. План 1964 г. был неверно ориентирован на север (повернут на 20° на северо-запад)

Археологические разведки 2008 г. проводились в два этапа:

I этап. Выявление археологических объектов на архивных топографических картах и аэрофотоснимках высокого разрешения методом визуального дешифрирования по методике, указанной в [4]. По результатам камеральной обработки МДЗЗ составлена маршрутная карта. На ней в масштабе нанесены выявленные объекты: курганы и места их возможного размещения, разработан оптимальный маршрут движения. Данная карта послужила основой составления детального плана могильника «Элистинский». Все работы по выявлению объектов и созданию итогового картографического материала выполнены в программах ГИС: географическое позиционирование топографических карт и аэрофотоснимков в пакете ERMapper_6.0; построение итоговых планов могильника в программе MapInfo_6.0; вычерчивание планов курганов в программе AutoCAD_2006.

II этап. Наземные исследования проводились по схеме, намеченной в маршрутной карте. Методика предварительного дешифрирования позволила более эффективно и в краткие сроки провести полевые исследования. Географическое позиционирование выполнено в системе координат WGS-84.

В результате проведенных разведок на обследуемой территории определены координаты курганов, подвергшихся охранным раскопкам 1964 г., зафиксировано их современное состояние. Кроме этого, выявлено дополнительно 18 (восемнадцать) курганов и 5 (пять) объектов, являющихся предположительно остатками насыпей курганов, не указанных на плане Элистинского курганного могильника в [1]. Данные следы курганов выявлены при дешифрировании МДЗЗ, но в рельефе местности не выражены.

В процессе археологических разведок курганного могильника «Элистинский» никаких земляных работ – раскопок, зачисток и закладки разведывательных шурфов – не производилось.

Результаты археологической разведки курганного могильника «Элистинский» в 2008 г.

Нумерация тридцати семи раскопанных курганов на плане 1964 г. начинается с № 1, расположенного в центре курганного могильника. На запад от него расположены курганы №№ 2 – 16; на восток: №№ 17 – 37. Еще 10 (десять) курганов, отмечены как нераскопанные (черным цветом). Нумерация их отсутствует. Здесь за основу принята нумерация курганов, взятая из [1], с последующим продолжением ее на вновь открытые

памятники, т.е. с № 38 и далее до № 61. Для систематизации описания Элистинской курганной группы результаты разведок 2008 г. представлены не по возрастанию нумерации, которая дана

в 1964 г. «вразброс», а по направлению с востока на запад. Результаты исследований и техническое состояние курганов могильника «Элистинский» приведены в таблице № 1.

Таблица 1. Результаты полевых исследований курганного могильника «Элистинский» (2008 г.)

№ кургана	Диаметр, м	Высота, м	Техническое состояние на момент обследования
1			Раскопан в 1964 г., не сохранился
2	до 40	1,8	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
3	16	1,1	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
4	14	1,2	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
5	30	0,8 – 1,0	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
6	12	1,2	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
7	12	1,2	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
8			Раскопан в 1964 г., не сохранился. На месте кургана карьер d = 80-90 м, глубиной до 1,5 м
9			Раскопан в 1964 г., не сохранился
10	25 – 30	0,8 – 1,2	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
11			Раскопан в 1964 г., не сохранился
12			Раскопан в 1964 г., не сохранился
13	8	1,0	Раскопан в 1964 г., наполовину нарушен кюветом железной дороги
14			Раскопан в 1964 г., не сохранился
15			Раскопан в 1964 г., не сохранился
16			Раскопан в 1964 г., не сохранился
17			Раскопан в 1964 г., не сохранился
18			Раскопан в 1964 г., не сохранился
19			Раскопан в 1964 г., не сохранился
20			Раскопан в 1964 г., не сохранился
21	40		Раскопан в 1964 г., частично сохранился
22			Раскопан в 1964 г., не сохранился
23			Раскопан в 1964 г., не сохранился
24			Раскопан в 1964 г., не сохранился
25	25x30	0,5	Раскопан в 1964 г., частично сохранился
26	16	3,1	Раскопан в 1964 г., на месте - отвалы перемещенного грунта
27	14	2,4	Раскопан в 1964 г., на месте - отвалы перемещенного грунта
28	14	2,4	Раскопан в 1964 г., на месте - отвалы перемещенного грунта
29	60x27	4,0	Раскопан в 1964 г., на месте - отвалы перемещенного грунта
30			Раскопан в 1964 г., не сохранился
31			Раскопан в 1964 г., не сохранился
32			Раскопан в 1964 г., не сохранился
33			Раскопан в 1964 г., не сохранился
34			Раскопан в 1964 г., не сохранился

35			Раскопан в 1964 г., не сохранился
36			Раскопан в 1964 г., не сохранился
37			Раскопан в 1964 г., не сохранился
38	30	2,3	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, частично нарушен полевой дорогой
39	15	1,0	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован
40	12	1,4	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован
41	12	1,3	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован
42	16	1,2	Сохранился, задернован
43	12	0,8	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован
44	36	4	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован, расположен на пашне
45	16	1,0	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
46	16	0,6	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
47	30	3,0	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, задернован, расположен на пашне
48	12	0,8	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
49	12	0,6	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
50	12	0,6	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
51	12	0,4	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
52	18	0,5	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
53	20	0,5	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
54	16	0,4	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
55	16	0,3	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
56	24	0,6	Раскопкам 1964 г. не подвергался, сохранился, распахан
57			Раскопкам 1964 г. не подвергался, не сохранился
58			Раскопкам 1964 г. не подвергался, не сохранился
59			Раскопкам 1964 г. не подвергался, не сохранился
60			Раскопкам 1964 г. не подвергался, не сохранился
61			Раскопкам 1964 г. не подвергался, не сохранился

Из десяти нумерованных курганов, отмеченных, но не раскопанных в 1964 г., сохранился только курган № 38 (см. рис. 1)

Таким образом, первоначальное общее количество памятников в составе курганного могильника «Элистинский», до охранных раскопок 1964 г., составляло не менее 70-ти курганов:

- 47 курганов – отмечены на плане 1964 г., из них 10 курганов не подверглись охранным раскопкам, их состояние не отражено в [1].

- 23 кургана – выявлены в 2008 г, не подверглись охранным раскопкам.

В настоящее время в составе курганного могильника «Элистинский» сохранилось 32 (тридцать два) кургана, из них:

- 14 раскопок курганов – подверглись охранным раскопкам в 1964 г. в различной степени сохранности;

- 18 курганов – не были охвачены охранными раскопками 1964 г. и не включены в реестр историко-культурного наследия.

Протяженность Элистинского могильника, исчисленная по плану 1971 г. в [1, рис. 1, с. 17], составляет 1,8 км. Фактическая протяженность, по данным разведки 2008 г., составляет 4,7 км.

Заключение

Вторично обследованный в 2008 г., спустя 44 года после охранных раскопок 1964 г., курганный могильник «Элистинский» расположен в уникальном месте Калмыцкой степи: на стыке степной номадической и северо-кавказской оседло-земледельческой цивилизаций. Количество курга-

нов и расположение могильника «Элистинский» свидетельствуют о высокой плотности проживания древнего населения в этом месте, обусловленной благоприятными физико-географическими условиями и выгодным местоположением.

В результате археологических работ, проведенных в 1964 году, большая часть курганов могильника подверглась охранным раскопкам, часть насыпей сохранилась до настоящего времени. Хотя в 1964 г. был получен обильный вещевой материал, несовершенная методика раскопок, графической фиксации и картирования не позволила в полной мере исследовать курганы, при этом часть археологического материала, возможно, осталась в нераскопанных боковых секторах курганов. Не менее ценными объектами, неизученными в 1964 г., являются участки погребенного почвенно-растительного горизонта, перекрытые участками курганной насыпи. Наличие курганов в западной части могильника «Элистинский» (западнее кургана № 16, №№ 39 – 56) также не нашло отражения в [1].

Методика дешифрирования МДЗЗ высокого разрешения и топографических карт с применением ГИС позволила более детально и в краткие сроки провести полевые исследования, а также

составить точный план курганного могильника «Элистинский». Данная методика позволила также реконструировать местоположение утраченных в настоящее время археологических памятников (рис. 2-5).

В настоящее время курганный могильник «Элистинский» расположен в зоне активной хозяйственной деятельности различной интенсивности, способствующей дальнейшему разрушению сохранившихся археологических объектов. При таком положении может быть безвозвратно утрачена большая часть сохранившихся курганов могильника «Элистинский». Требуется проведение охранно-спасательных археологических мероприятий – охранных раскопок для доисследования оставшихся секторов насыпей частично раскопанных курганов, взятие образцов погребенной почвы на почвенно-фитолито-палинологические анализы, исследование нераскопанных курганов по современной методике и технологии.

Целесообразно также на основе результатов разведок 2008 г., с опорой на материалы исследований 1964 г., предусмотреть составление учетной документации на курганный могильник «Элистинский» и проектирование охранных зон памятника.

Рисунки 2-5.

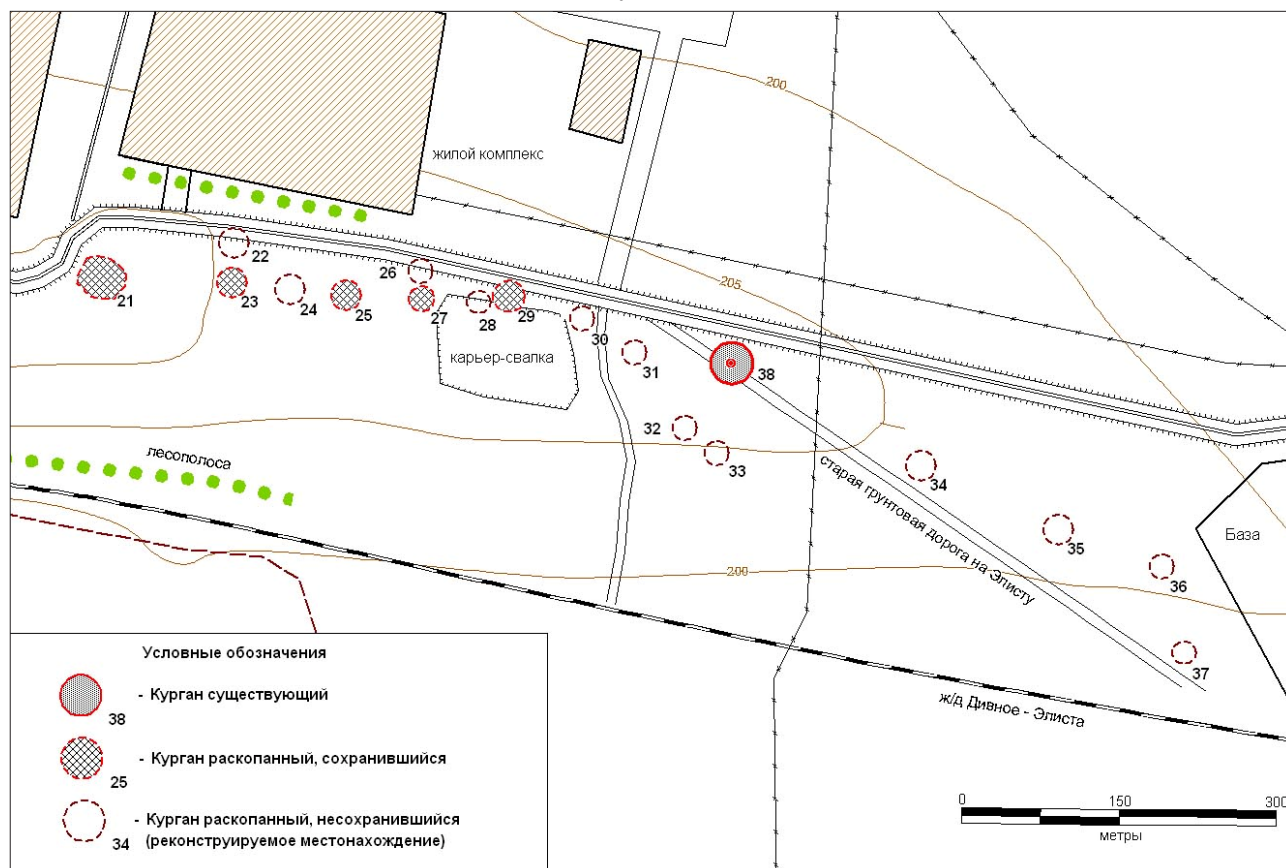

Рис. 2. План восточного участка курганного могильника «Элистинский» между курганами №№ 37 – 21 с реконструкцией местонахождения не сохранившихся раскопок и курганов.

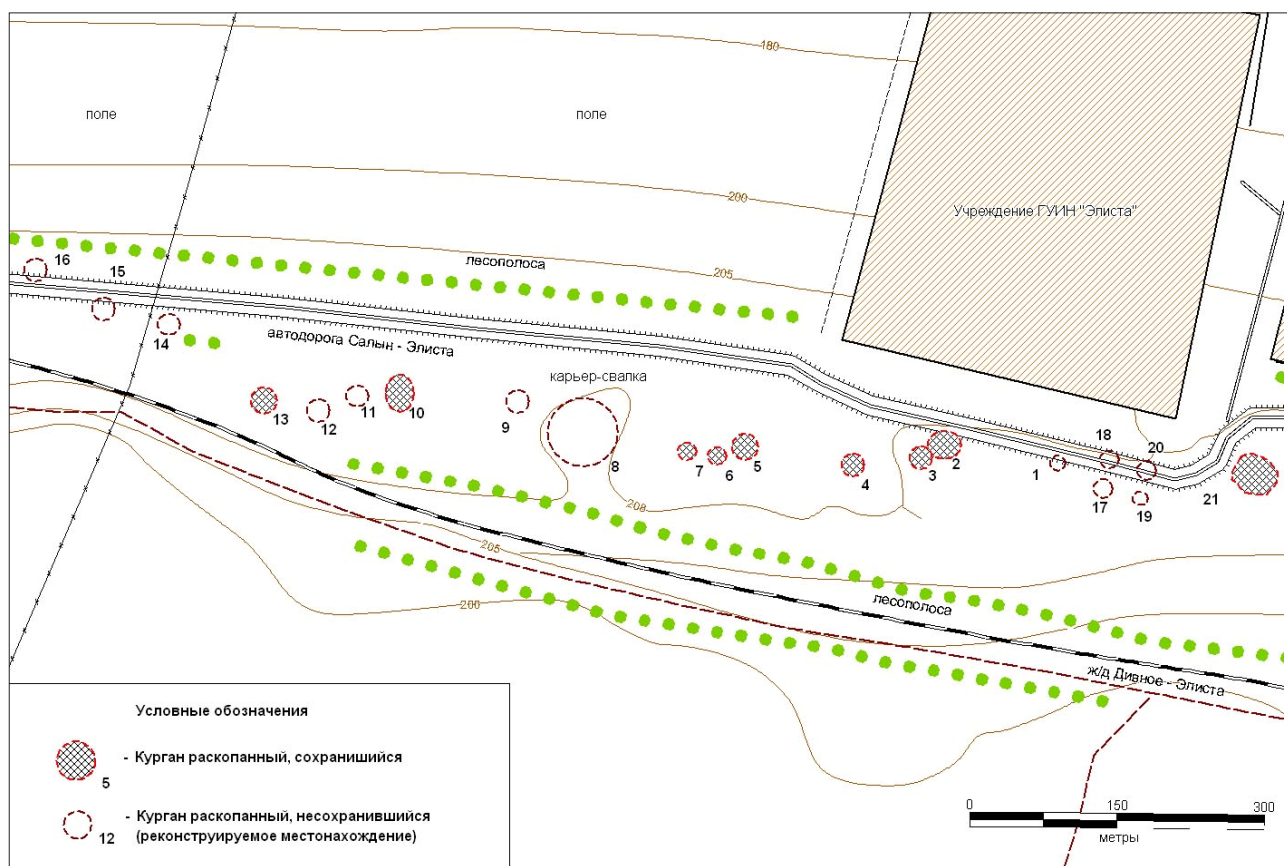

Рис. 3. План центрального участка курганного могильника «Элистинский» между курганами №№ 21 – 16 с реконструкцией местонахождения несохранившихся курганов.

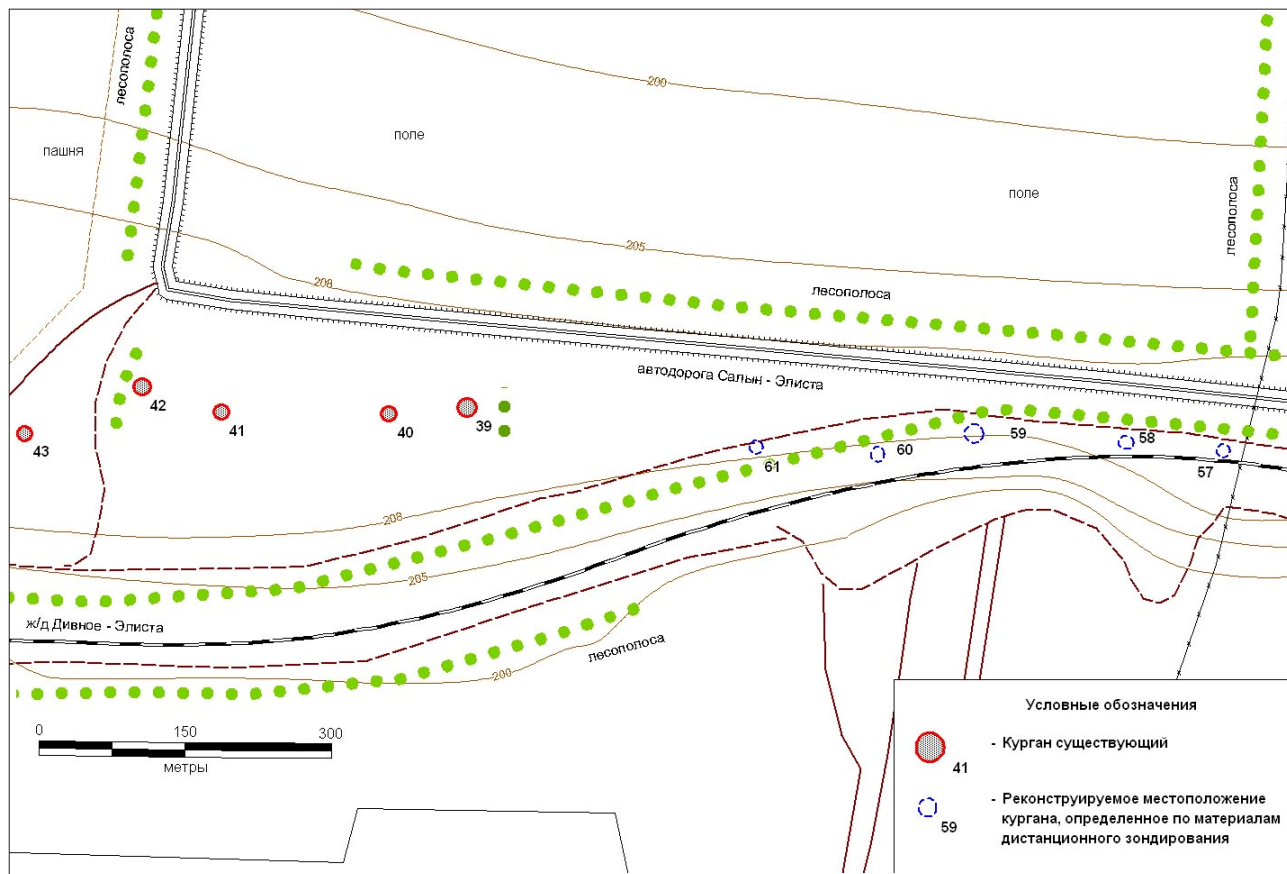

Рис. 4. План центрального участка курганного могильника «Элистинский» между курганами №№ 57 – 43 с реконструкцией местонахождения несохранившихся курганов №№ 57 – 61.

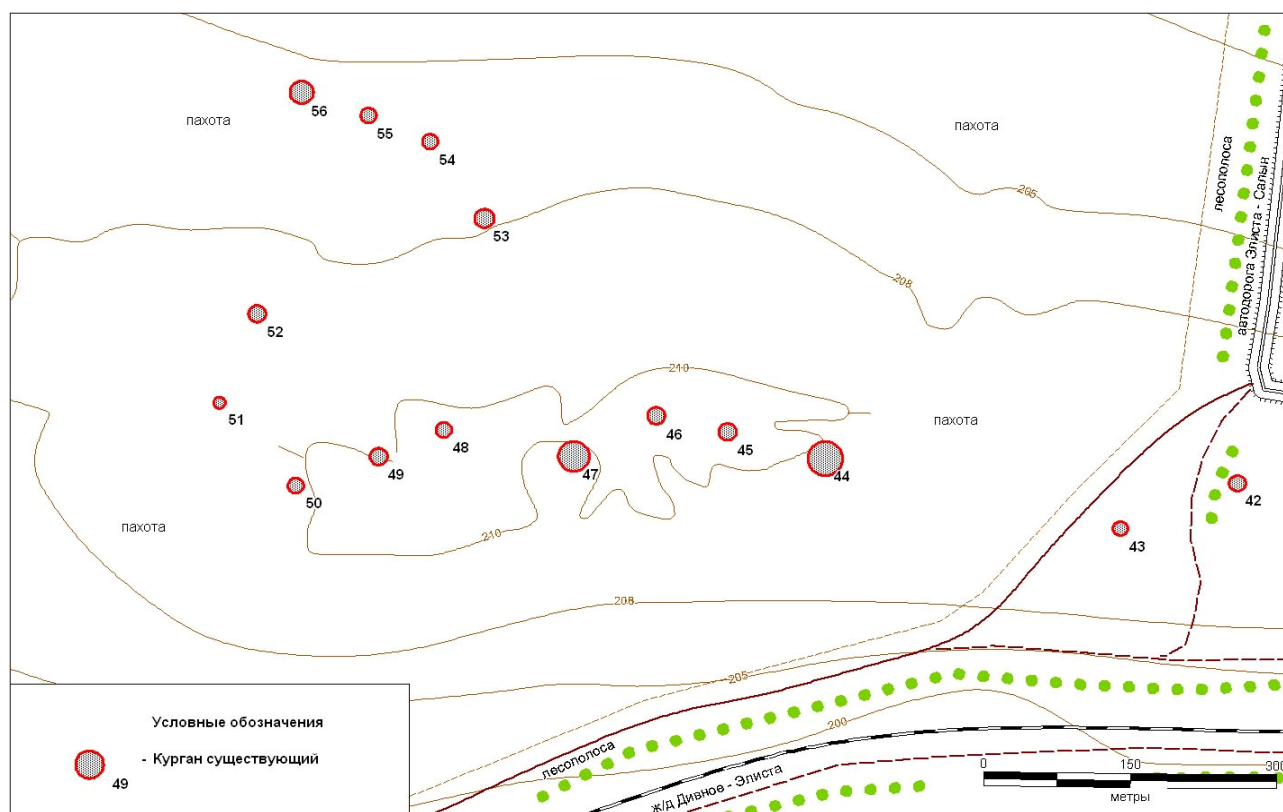

Рис. 5. План западного участка курганного могильника «Элистинский» между курганами №№ 42–56.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) // Труды КНИИЯЛИ и КРКМ музея. Вып. 3. Элиста, 1971. 143 с.
2. Методика полевых археологических исследований // Институт археологии РАН. Л.: Наука, 1989. 104 с.

3. Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации // Институт археологии РАН. М., 2006. 32 с.
4. Цуцкин Е.В. Некоторые направления космической археологии // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 114 – 133.

ББК 94 (470.47)

МАНЖИ-ЯЛБО И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПРАВЯЩЕМ ДОМЕ ТОРГУТОВ В НАЧАЛЕ 60-х гг. XVII в.

В.Т. Тепкеев

Статья посвящена одному из переломных моментов в истории волжских калмыков в начале 60-х гг. XVII века. В результате кратковременной борьбы за власть в правящем доме торгутов Манжи-Ялбо потерпел поражение, а калмыцкое общество приобрело сильного правителя в лице Мончака, опиравшегося на поддержку большинства народных масс и российского правительства.

Ключевые слова: XVII век, междоусобица, калмыки, Дайчин, Манжи-Ялбо, Мончак, хошуты, дербеты, торгуты.

The article is devoted to one of turning-points in the history of the Volga Kalmyks in the beginning of 60th of the XVIIth century. Following a short-term struggle for rule in Torgut ruling house of Manzhi-Jalbo has suffered defeat, and the Kalmyk society has got the strong governor in the name of Monchak, supported by the majority of the people and the Russian government.

Keywords: XVIIth century, civil strife, Kalmyks, Dajchin, Manzhi-Jalbo, Monchak, Khoshuts, Derbets, Torguts.

Манжи-Ялбо приходился старшим сыном покойному Даян-Эрке (1916–1944 гг.), на которо-

го, как известно, в свое время возлагал большие надежды Дайчин. В сентябре 1644 г. Даян-Эрке

при загадочных обстоятельствах умирает, что вызывает множественные слухи в калмыцких улусах и версии его преждевременной кончины в историографии. Соответственно, если бы он был жив, то власть в торгутском доме принадлежала ему после Дайчина. В историографии утвердилось мнение, что Аюка, старший сын Мончака, был любимым внуком деда Дайчина. Но, судя по русским документам, видно, как трепетно Дайчин относился и к своему первому внуку от старшего сына.

30 марта 1657 г. Мончак и Манжи-Ялбо совместно шертовали под Астраханью на подданство России за себя, Дайчина и других калмыцких тайшей. Таким образом, мы видим, что в торгутском правящем доме существовал своего рода «триумvirат» – Дайчин, Мончак и Манжи-Ялбо. Большую роль в определении властных полномочий здесь уже играла поддержка правящей калмыцкой элиты, народных масс и русского правительства. Например, по сообщению татар в Астрахани осенью 1661 г., улусные калмыцкие люди Дайчина и Манжи-Ялбо «ни в чем не почитают и не слушают, а во всем де почитают и слушают Мончака тайшу... и калмыки де и татары владеет он Мончак» [1].

В целях организации нового наступления калмыков на крымском направлении астраханский воевода Г.С. Черкасский 6 ноября 1661 г. в урочище Берекети (в 60 верстах от Астрахани) созвал русско-калмыцкий съезд. Здесь присутствовали практически все калмыцкие тайши, кроме Манжи-Ялбо, а также ногайские, едисанские, джемболукские и малибашские мирзы. В результате стороны приняли решение – с началом ледостава на Волге отправить новые калмыцкие отряды в Крым. Мончак как глава калмыцкого представительства дал клятву астраханскому воеводе за отца, сыновей, племянников и других тайшей и мирз в том, что будут «в вечном послушании и на государевой службе» [2; 3]. В результате русско-калмыцких переговоров 9 декабря 1661 г. Мончак подписал новый текст шерти, более развернутый по сравнению с июньской шертью. В новой шерти калмыцкие тайши взяли на себя обязательства «с турским султаном и с кызылбашским ханом и с крымским ханом и с азовским беем и с Темрюки и с Табаны и с Бесленейцы и с Кумыки нам тайшам... в ссылке, и в соединенье, и в миру не быть» [4]. Тайши обязались не помогать им оружием и лошадьми, не посылать им в помощь людей. Такие же обязательства были и по отношению к другим «иноземцам», которые «великому государю не послушны» [4]. По мнению В.И. Колесника, таким решением Мончак единолично замыкал на себе все контакты на высшем уровне с северным соседом, оттесняя отца и племянника от очень

важного направления внешней политики [5]. После июньской и декабрьской шертей 1661 г. правительство 12 лет не требовало от калмыцких тайшей их подтверждения, что указывает на вполне достаточную уверенность в калмыцкой военной службе [6; 7].

Единственным из калмыцких тайшей, кто отказался участвовать в дальнейшей войне против Крыма на стороне России, был именно Манжи-Ялбо. Но его антирусские настроения ограничивались не только этим демаршем. Утром 29 декабря 1661 г. под Терским городком появились калмыки из улуса Манжи-Ялбо под командованием Мангуш-Кашки. Они захватили здесь ногайские улусы кейкувата Ямгурчея-мирзы Янмаметева и его брата Сеит-Мамбета. Ввиду того, что указанные ногайские мирзы на тот момент являлись царскими подданными, Г.С. Черкасский срочно сообщил об этом инциденте старшим тайшам. Все это вызвало в среде правящей калмыцкой верхушки полное недоумение, а некоторые попытались даже оправдать молодого тайшу. 18 января 1662 г. в Астрахань прибыл калмыцкий посланец Каши от супруги Мончака – Уралмы. Она сообщила, что люди Манжи-Ялбо захватили ногайских мирз на Тереке, якобы, без ведома своего тайши, а Дайчин «такова дела не хвалит... и на Ялбу тайшу в том добре досадует» [2, л. 36-37]. Внуку пришлось отдать всех захваченных ногаев деду, а тот затем всех их вернул в Астрахань и на Терек [2, л. 48-49].

Дальнейшие действия Манжи-Ялбо показали, что этот эпизод был отнюдь не случайностью. 25 января 1662 г. келечинские татары, находящиеся в подчинении у Манжи, отогнали у юртовских татар из-под Астрахани 500 лошадей. 26 января за 3 часа до рассвета калмыки и татары указанного тайши в очередной раз отогнали скот и лошадей у горожан. Причем их уже лично возглавляли Манжи-Ялбо, мирзы Навруз и Кучюк Алатуевы, Салтанбек Сеитеев и другие. Пришедшие калмыки и татары стояли за рекой Болда в полной боевой готовности. Воеводе Г.С. Черкасскому пришлось вывести практически весь гарнизон города навстречу пришедшим вооруженным калмыкам, демонстрируя им таким образом полную готовность. Но на бой Манжи-Ялбо так не решился и увел войска обратно в улусы. Вооруженные мелкие стычки произошли только в окрестностях города и в большинстве случаев закончились в пользу астраханцев. Сторонники Манжи потеряли часть своих людей убитыми, ранеными и даже пленными. Среди убитых, например, были «чюраский» (возможно, цоросский – В.Т.) тайша Далжин, племянник Дайчина по матери, а также Каракучу с братом (из рода керейт). Некоторые из калмыцких плен-

ников умерли от ран, другие утонули при бегстве в водоемах. В числе пленных, например, оказался и калмыцкий дархан Чагатай Бахтуев, который был «у Дайчиновой бабки приставлен у костей». Под пыткой он сообщил, что Манжи-Ялбо, находясь под Астраханью с 3-тысячным отрядом, 500 человек отправил в загоны для захвата лошадей и скота. Причиной его столь недружелюбных выходок, как оказалось, было и то, что «от великого государя жалованье и честь менши Мончака тайши, а он, Ялба, таков же, что Мончак тайши». Причем его дед Дайчин и другие тайши и мирзы всячески «унимали его» от конфликта с русскими, но он их не послушал и все сделал по-своему. Мончак в это время в улусах отсутствовал, направившись охотиться за зверем в дальние кочевья [2, л. 60-66].

Узнав истинную причину подобных действий Манжи-Ялбо, воевода Г.С. Черкасский отправил к нему дополнительное жалованье: 2 панциря, 2 соболя шубы, саблю, пищаль, жемчуг, а его мирзам – по шубе и сукну. Но незадолго до этого князь отправил своего племянника Каспулата в улус Мончака с сообщением о событиях, произошедших на Тереке в конце года. 9 января Каспулат прибыл в улус Мончака и до 26 января ждал возвращения с охоты тайши. А уже 4 февраля вместе с К. Черкасским в Астрахань прибыли посланцы Мончака – Малай и Доржи. Тайша очевидно был явно зол на своего племянника, и он откровенно высказал воеводе, что Манжи-Ялбо «зло учинил над ними», а не над русскими. Мончак обещал властям, что после возвращения 500 своих воинов из крымского похода он обязательно предпримет должные меры к своему племяннику [2, л. 36-37, 69-70, 78.].

В документах не прослеживаются подробности разбирательств дяди и племянника, только известно, что в 1662 г. Мончак захватил Манжи-Ялбо, а его улус присоединил к себе [8]. Дайчин в это время находился в дальнем походе против чакарских калмыков и, таким образом, ничем не мог помочь своему внуку. Данное событие, видимо, произошло в конце года после русско-калмыцкого съезда в октябре месяце. При передаче своего племянника в Астрахань Мончак и воевода Г.С. Черкасский договорились, «чтоб ево Ялбу без ево Мончакова ведома никому не отдавать». А своим людям Мончак приказал не распространяться на тему, где находится Манжи-Ялбо, а сам он «и впредь не будет и тужить об нем не станет, хотя де он вечно пропадет» [9]. Г.С. Черкасский со своей стороны позаботился о надежной охране молодого тайши в Астрахани и приказал своим людям обходительно относиться к знатному калмыцкому пленнику: «держали честь и ласку, и привет, и береженье большое» [10].

Но весть о нахождении под арестом в Астрахани Манжи-Ялбо быстро распространилась по калмыцким улусам. Первая же реакция Дайчина – незамедлительно освободить внука. Не обладая достаточными для такого мероприятия силами, в январе 1663 г. он пытался склонить хошутского тайшу Кунделен-Убаши и дербетских тайшей к совместному походу под Астрахань для освобождения Манжи-Ялбо. Очевидцы отмечали, что престарелый Дайчин в решении этого вопроса находился под сильным влиянием своей жены Батыр-Каныш, являвшейся матерью покойного Даян-Эрке. Уралма, супруга Мончака, сообщала Г.С. Черкасскому о влиянии на Дайчина группы людей, которые сильно ненавидели ее мужа [9, л. 52, 154]. У Дайчина было несколько жен, но Батыр-Каныш, приходившаяся мачехой Мончаку, являлась старшей супругой. Именно она, как мать Даян-Эрке, и ее сторонники активно выступали за передачу власти внуку Манжи-Ялбо после Дайчина, но эта идея не имела поддержки среди большинства калмыцкой элиты и народных масс.

Мончак также пресек все попытки отца привлечь прибывших дербетов и хошуттов к семейному спору в торгутском правящем доме. Не последнюю роль здесь сыграла и поддержка Мончака его зятем – хошутским тайшой Доржи, старшим сыном Кунделен-Убаши, имевшим влияние на своего отца. Для убедительности Мончак недвусмысленно пригрозил новоприбывшим дербетским и хошутским тайшам, что в случае поддержки ими его отца по вопросу Манжи-Ялбо он «надо всеми над ними учинит то ж, что учинил над племянником своим» [9, л. 53, 69]. Хошутские тайши даже дали шерть Мончаку, «что им отца ево, Дайчина, к дурной мысли никакой не пристать» [9, л. 207]. Совместные действия Мончака и Доржи являются ярким свидетельством прихода к власти в ойратском обществе нового поколения политиков, фактически контролировавших ситуацию в своих собственных нутугах (кочевьях), в отличие от формального владения ими отцами.

Мончак полностью контролировал ситуацию, а его люди жили в улусе Дайчина «тайным обычаем» и следили за каждым шагом престарелого тайши. Большинство улусных людей Дайчина также были на стороне его сына и в любом случае не выполнили бы приказ его отца. Мончак отмечал в своих письмах к Г.С. Черкасскому, что «отец ево Дайчин в древних летах, хотя ему и впрямь идти, и у него подъем тяжелый» [9, л. 67]. В случае «неадекватных» действий своего отца тайша обещал собственными же силами быстро окружить отцовский улус и всячески его отговаривать от этой мысли. Если бы ситуация вышла из-под контроля, то Мончак

рассчитывал уже на военную помощь Астрахани [9, л. 207].

Из сообщения Солом-Церена к Г.С. Черкасскому известно и о попытке Дайчина в начале января 1663 г. организовать наступление против Астрахани и Мончака, однако, узнав о свадьбе другого своего внука, Аюки, и племянницы Г.С. Черкасского, Обелханы, отменил поход, сказав, что «непошто ему одною бессильною головою ийти к сильным» [9, л. 76]. Действительно, 6 января в Астрахань за невестой для Аюки, Обелханой Муцаловной Черкасской, прибыли родственники Мончака – Эмчи, Топчи, Доржи и Малай (все из рода керейт). Невесту в калмыцкие улусы провожали кабардинские уздени Чепал с 20 товарищами [9, л. 93-94].

С января месяца Дайчин постоянно отправлял своих посланцев в Астрахань с просьбой вернуть ему внука. Для этого он предлагал взамен выдать всех живущих у него башкирских повстанцев, принять лично русское подданство и ходить с Манжи-Ялбо на войну против Крыма. В противном случае Дайчин угрожал сойтись с крымским ханом и башкирскими повстанцами, подвергнув нападению русские города. Единственными, кто поддерживали престарелого тайшу, были дербетские тайши – братья Аючей (зять Дайчина) и Аюкей. 13 февраля Дайчин вновь пытался двинуться со своими людьми под Астрахань, но, узнав о приближении к его улусу крупных военных сил двух тайшей, сразу же отменил этот поход. Один из его приближенных, лама Эрке, всячески отговаривал Дайчина, мол, «лутче ему ныне беречь своих людей» [11]. В марте отец попытался договориться с сыном, отправив к нему того же ламу Эрке для организации встречи, чтобы напрямую просить содействия в освобождении Манжи-Ялбо [9, л. 82-84, 119, 206]. Из отписки от 15 февраля 1663 г. Федора Омачина из Красного Яра астраханскому воеводе А.Я. Дашкову стало известно о намерении сторонников Манжи-Ялбо захватить в плен для обмена астраханского архиепископа Иосифа во время его поездки в Москву [11]. Однако, неизвестно, насколько достоверны были эти сведения.

Действия Мончака против Манжи-Ялбо можно рассматривать не только как ревностное соблюдение заключенных русско-калмыцких договоров, но и как возможность расчистить дорогу к будущей власти для своего сына Аюки. Неудивительно, что брак его сына и племянницы князя Черкасского был еще одним дополнительным козырем в укреплении власти Мончака в калмыцком обществе, поскольку поддержка Москвы имела также ключевое значение. Летом 1663 г. в Сарпинских песках произошла очередная встреча воеводы Г.С. Черкасского с

Мончаком. Здесь также присутствовали хошутские послы Кунделен-Убаши и его сына Доржи, выразившие пожелание принять, как и Мончак, русское подданство. Хошуты готовы были также предоставить свои военные силы и против Крыма. По мнению М.Л. Кичикова, дербетско-хошутская группировка Кунделен-Убаши, таким образом, вошла в состав Калмыцкого ханства, признав над собой верховную власть Мончака и Москвы [12]. Но в действительности, судя по русским документам, прибывшие хошуты и дербеты не входили в состав торгутского владения, а располагались рядом на предоставленных торгутами восточных кочевьях. Более того, они так и не приняли участия в крымской кампании. По сведениям В.М. Бакунина, у Кунделена-Убаши и четырех его сыновей по прибытию к торгутам в общей сложности насчитывалось 4 тыс. улусных людей [8, с. 22].

В русских документах не прослеживается дальнейшая судьба Манжи-Ялбо. Но из путевых записок голландского посла Николаса Витсена начала 1665 г. становится известно, что молодого тайшу перевезли из Астрахани в Москву. Под видом купца Н. Витсен проник в охраняемый стрелецкой стражей двор Манжи-Ялбо, названного голландцем *Тайчжи Йалба Доис*, и затем описал довольно любопытную встречу с ним: *«Тайчжи - человек очень некрасивый, коричневатого-желтый, с плоским широким лицом, лоб у него высокий, черные волосы, сзади коса. Он протянул нам руки, посадил нас и сразу собственноручно подал нам два раза чаю. Его уже одели по-русски... В комнате, где мы сидели, стало очень жарко; он снял шубу, обнажил грудь и бесстыдно чесался при нас; его тело и лицо в прыщах... Этот правитель, который у себя на родине может привести на поле боя 30 тысяч человек, теперь был предан своим дядей и с его коварной помощью вывезен русскими из своей страны во время боя. Здесь его держат как пленного; он же, говорят, предлагает царю все, что у него есть, за что будет пожалован титулом князя-царевича. Может быть, он примет русскую веру, иконы уже висят в его комнате, он уже умеет креститься, и тогда он станет русским придворным, подобно другим крещеным татарским князьям... Тайчжи - это его титул, что означает как бы главный управитель; его имя - Йалба, а Доис - имя его отца. Прежде он имел другое имя (Манжи - В.Т.), но он все время болел и, считая, что причиной болезни является имя, переименовал его. На некоторые вопросы он отвечал, что еще молод и мало что слышал. «Наша страна, - сказал он, - простирается до страны Могола», думаю, что он имел в виду хана [Монголии], а эта страна простирается до Китая; сказал, что его отец и дед с этим же Моголом были в Китае... Он показал мне свою местную письменность в*

продолговатой молитвенной книжечке, тщательно написанной; они читают и пишут, как у нас... Он завернул свои книжечки в платок и обмотал их лентой, очень крепко, крест-накрест. Бумага похожа на ту, которую привозят из Турции. Под его правой рукой висела на кожаном ремешке коробочка, где он хранил свиток своих молитв, который ежедневно вынимал, и, держа в руках прямо перед головой, стоя на коленях, 9 раз кланялся до земли... На мой вопрос о его вере он ответил, что молится Богу, который наверху; не знал он ни о Христе, ни о Магомете. У него были с собой странного вида четки, в виде мелких бусинок, по которым он отсчитывал молитвы Богу...» [13].

По всей вероятности, Манжи-Ялбо, находясь в московском плену, в конечном итоге, видимо, был вынужден принять православие и закончить свою жизнь на чужбине. Тот же Н. Витсен свидетельствовал, как врач-иностранец вылечил молодого тайшу, которого царские приставы уверяли, будто его болезнь случилась от тоски по родине, и что если он хочет вылечиться, то не должен тосковать. Приходя к Манжи-Ялбо, доктор часто заставлял его за молитвой; сидя на полу, он читал какие-то листки, похожие на игральные карты, и щелкал пальцами «назло дьяволу» [13, с. 167].

В результате кратковременной борьбы закончился относительно бескровный переход власти в торгутской правящей семье Дайчина от династической линии Даян-Эрке в лице Манжи-Ялбо к линии Мончака. Последний, являвшийся только третьим по старшинству сыном Дайчина, благодаря умелым политическим действиям сумел закрепить за собой первенствующее положение в торгутском доме и обеспечить условия для будущего правления своего старшего сына Аюки. Сложившаяся в начале 60-х гг. XVII в. об-

становка ясно показала и расклад политических настроений национальной элиты, народных масс и царского правительства в определении центральной фигуры в калмыцком обществе. Вместе с этим произошла и смена поколений среди калмыцких политиков, определившая дальнейшую ойратскую историю в последней трети XVII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 119. Оп. 1. 1661 г. Д. 1. Л. 56.
2. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1662 г. Д. 1. Л. 52–53.
3. Кичиков М.Л. Образование Калмыцкого ханства. Элиста, 1994. С. 107.
4. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. СПб., 1830. С. 540–541.
5. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003. С. 87.
6. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50 – 60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1960. Вып. 1. С. 79.
7. Очерки истории Калмыцкой АССР: Докладный период / под ред. Н.В. Устюгова. М., 1967. С. 122.
8. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста, 1995. С. 23.
9. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1663 г. Д. 1. Л. 7, 59, 81.
10. РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1665 г. Д. 2. Л. 93.
11. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 178. Д. 4538. Л. 1.
12. Кичиков М.Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов. Элиста, 1966. С. 129–130.
13. Витсен Николаас. Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 200.

ББК 67.400

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ КАЛМЫКИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Е.А. Гунаев

Статья посвящена истории государственных символов Калмыкии (флага, герба, гимна) с 1917 г. по настоящее время. Рассматриваются также политико-правовые аспекты назначения государственной символики субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: символы, флаг, герб, гимн, Калмыкия

The article is devoted to the history of the state symbols of Kalmykia (the flag, the emblem and the anthem) from 1917 till the present days. Political and law aspects of the purpose of the regional state symbols are also considered.

Keywords: symbols, flag, emblem, anthem, Kalmykia

Государственные символы Калмыкии как субъекта Российской Федерации – это ее флаг, герб и гимн [1]. В 1917 г. после Февральской революции была создана Степная область кал-

мыцкого народа. В этой связи В.Н. Сапрыков отмечает, что «26 марта 1917 г. собравшиеся в Астрахани представители волжских калмыцких улусов приняли знамя Калмыцкого степного земского управления – красное бархатное полотнище с изображениями солнца, Будды, надписями: «Свобода, Равенство, Братство». Автор флага – архитектор В. Вальдовский-Варганик» [2]. 4 ноября 1920 года была образована автономная область Калмыцкого трудового народа, которая 20 октября 1935 года была преобразована в Калмыцкую АССР в составе РСФСР. В 1920-х годах официальные газеты Калмыцкой Автономной Области выходили с эмблемой «юндэн» (свастики), на которую были помещены буквы «РСФСР» в окружении венка из колосьев и под пятиконечной звездой в красном ромбе. Такая же эмблема была на нарукавных нашивках калмыцкой красной милиции в 1920-1925 годах. Тибетский знак «юндэн» (по-монгольски – «хас тэмдэг») связан с культом солнца, он выступал как солярный знак и символизировал идею плодородия, благополучия, счастья. В буддийской традиции «юндэн» стал олицетворением бесконечного (естественного, полнокровного) круговорота жизни, вечности бытия [3]. На печатях сельсоветов Калмыкии тех лет изображались различные символы труда: грабли, коса, сноп пшеницы.

20 октября 1935 года Калмыцкая Автономная Область была преобразована в Калмыцкую Автономную ССР. В 1935-1937 годах герба и флага у Калмыцкой АССР не было. 23 июня 1937 года была принята Конституция Калмыцкой АССР, в главе X которой были описаны герб и флаг Калмыцкой АССР. Статья 111 гласила: «Государственным гербом Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики является государственный герб РСФСР, который состоит из изображения золотых серпа и молота, помещенных крест на крест, рукоятками книзу, на красном фоне в лучах солнца и в обрамлении колосьев с надписью «РСФСР» и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на русском и калмыцком языках, с добавлением под надписью «РСФСР» буквами меньшего размера надписи «Калмыцкая АССР» на русском и калмыцком языках» [4]. Калмыцкий вариант названия республики до введения кириллицы выглядел так: «ХАЛЬМГ А.С.С.Р.». Герб КАССР повторял герб РСФСР, но дополнялся названием республики по-русски и по-калмыцки: «КАЛМЫЦКАЯ АССР - ХАЛЬМГ АССР» и девизом на калмыцком языке: «ЦУГ ОРН-НУТГУДЫН ПРОЛЕТАРМУД, НЕГДЦХЭТН!». На красном флаге КАССР образца 1937 года помещались золотые надписи: «Р.С.Ф.С.Р. R.S.F.S.R. Калмыцкая А.С.С.Р. ХАЛЬМГ А.С.С.Р.» (рис.1).

Рис.1

В Конституции Калмыцкой АССР 1937 года флаг описывался в статье 112: «Государственным флагом Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики является государственный флаг РСФСР, состоящий из красного полотнища, в левом углу которого, у древка наверху, помещены золотые буквы «РСФСР» на русском и калмыцком языках, с добавлением под надписью «РСФСР» буквами меньшего размера надписи «Калмыцкая АССР» на русском и калмыцком языках». Изображение флага КАССР утверждено Указом Президиума Верховного Совета КАССР от 5 августа 1938 года. В 1940 году калмыцкая письменность была переведена с латинизированного алфавита на русский, и в соответствии с этим изменились надписи на гербе и флаге Калмыцкой АССР – «КАЛМЫЦКАЯ АССР. ХАЛЬМГ АССР».

В 1943-1956 гг. в результате сталинских репрессий калмыцкое население было выселено в районы Сибири и Дальнего Востока, а республика упразднена. 9 января 1957 года указами Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР была восстановлена Калмыцкая Автономная Область в составе Ставропольского края, преобразованная 29 июля 1958 года в Калмыцкую АССР с восстановлением действия Конституции Калмыцкой АССР 1937 года. 29 октября 1958 года Указом Президиума Верховного Совета КАССР утверждено Положение о государственном флаге Калмыцкой АССР.

Новая Конституция КАССР была принята внеочередной 8-й сессией Верховного Совета КАССР шестого созыва 30 мая 1978 года. С принятием 30 мая 1978 года новой Конституции Калмыцкой АССР описания её герба и флага принципиально не изменились. Герб республики (статья 157) претерпел такие же изменения, как и герб РСФСР: добавлена красная звезда в верхнюю часть (рис.2)

Рис.2

Калмыцкий текст девиза в 1978 году имел вид: «ЦУГ ОРН-НУТГУДЫН ПРОЛЕТАРМУД, НЕГДЦХЭТН!». Название республики помещалось на гербе в одну строку: «КАЛМЫЦКАЯ АССР – ХАЛЬМГ АССР». Флаг (статья 158) остался неизменным [5]. 14 июня 1979 года Указом Президиума Верховного Совета КАССР внесены необходимые изменения в Положение о флаге (1958 г.), а Указом Президиума Верховного Совета КАССР от 20 августа 1981 года утверждено новое Положение о государственном флаге Калмыцкой АССР. 24 марта 1982 года Постановлением Совета Министров Калмыцкой АССР утверждена «Инструкция по применению Положения о Государственном флаге Калмыцкой АССР». Согласно тексту Положения о флаге 1981 года: «...Государственным флагом Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики является Государственный флаг РСФСР, представляющий собой красное прямоугольное полотнище со светло-синей полосой у древка во всю ширину флага, которая составляет 1/8 длины флага. В левом верхнем углу красного полотнища изображены золотые серп и молот и над ними красная пятиконечная звезда, обрамленная золотой каймой, а под ними золотыми буквами помещается надпись «Калмыцкая АССР» на русском и калмыцком языках. Отношение ширины флага к его длине - 1:2. Серп и молот вписываются в квадрат, сторона которого равна 1/4 ширины флага. Острый конец серпа приходится посередине верхней стороны квадрата, рукоятки серпа и молота упираются в нижние углы квадрата. Длина молота с рукояткой составляет 3/4 диагонали квадрата. Пятиконечная звезда вписывается в окружность диаметром в 1/8 ширины флага. Надписи «Калмыцкая АССР» на русском и калмыцком языках размещаются горизонтально в две строки одна под другой ниже рукояток серпа и молота на расстоянии 1/12 ширины флага в прямоугольнике, длина которого равна 1/3 длины флага, а высота 1/8 ширины флага. Расстояние между строками равно половине высоты строки» (рис.3).

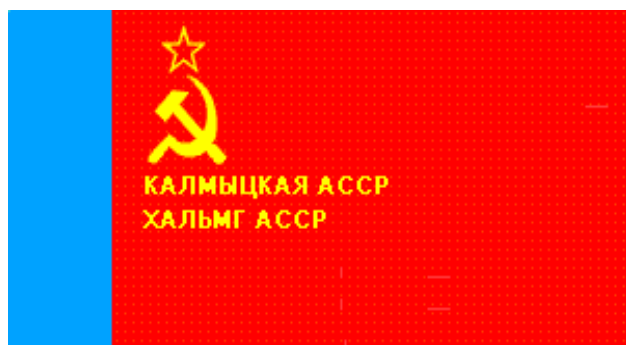

Рис.3

В октябре 1990 года Верховный Совет Калмыкии объявил о провозглашении суверенитета республики. 18 октября 1990 года Верховный Совет Калмыцкой Автономной ССР принял Декларацию о государственном суверенитете, в соответствии с которой Калмыцкая АССР была преобразована в Калмыцкую ССР – Хальмг Тангч. Отражения на гербе и флаге это изменение не нашло. Постановлением Верховного Совета от 20 февраля 1992 года № 336-IX Калмыцкая ССР была переименована в Республику Калмыкия – Хальмг Тангч. В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч от 7 июня 1991 г. № 243-П-IX в республике был объявлен конкурс по созданию новых государственных символов Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч [6]. В связи с введением института президентства было решено, что республика учредит свои новые государственные символы к тому дню, когда избранный народом Президент будет принимать присягу [7]. В ходе обсуждения на страницах периодической печати выдвигались самые разнообразные мнения, прежде всего, относительно флага республики. Например, предлагались следующие цвета для государственного флага – синий, белый, желтый [8]. Приводилось мнение против флага в виде триколора. Согласно данной точке зрения, «в мире существует множество триколоров, и в этом случае флаг Калмыкии был бы неоригинален, одним из многих, ничем не выделяющимся из общей массы». Предлагался однотонный фон с символикой посередине (лотос, буддийский знак и др.) [9]. Был и такой вариант флага: бело-черный круг свастики на красно-сине-желтом полотне. В то же время оппоненты утверждали, что свастика стала чаще всего в мире ассоциироваться с германским фашизмом, и данный знак не следовало бы устанавливать в качестве государственного символа [10]. В итоге Верховным Советом Республики Калмыкия – Хальмг Тангч 28 октября и 30 октября 1992 года были утверждены Государственный флаг и Государственный гимн Республики Калмыкия – Хальмг Тангч [11]. По Государственному гербу Президиум Верховного Совета принял Постановление о продолжении конкурса. Итоги конкурса должны были быть подведены 20 января 1993 года [12]. Однако окончательные итоги конкурса по гербу республики были подведены в июле 1993 года.

Государственный флаг был утвержден Постановлением Верховного Совета Республики Калмыкия-Хальмг Тангч от 30 октября 1992 г. и получил закрепление в Конституции республики отдельным Законом Республики Калмыкия-Хальмг Тангч от 30 октября 1992 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч» [13]. В результате,

ст. 158 Конституции была изложена в следующей редакции: «Государственным флагом Республики Калмыкия – Хальмг Тангч является прямоугольное полотнище из трех горизонтальных полос: верхней – лазоревого цвета, средней – золотисто-желтого цвета и нижней алого цвета. В центре средней полосы золотисто-желтого цвета, в круге, диаметром, равным $1/4$ ширины флага, расположен знак в виде пламени огня над двумя волнистыми линиями. Знак и окружность алого цвета. Отношение ширины полос лазоревого и алого цветов к ширине полосы золотисто-желтого цвета – $1/2$. Отношение ширины флага к его длине – $1/2$ » (рис.4).

Рис.4

Автор флага – П.Ц. Биткеев. «Флаг был создан П.Ц. Биткеевым, – утверждает В.А. Ломанцов, – на основе флага Всевеликого войска Донского. Длина полотнища флага вдвое больше его ширины, сверху лазоревая полоса, в середине золотисто-жёлтая, внизу – красная; в центре жёлтой полосы, ширина которой вдвое больше остальных, изображён иероглиф красного цвета, означавший в старомонгольской письменности 1648-1924 годов слово «калмык». Однако, данные сведения не соответствуют историческим фактам. Флаг не был создан на основе флага Войска Донского, также в центре флага изображен не «иероглиф», а знак, символизирующий в старокалмыцкой письменности понятие «начало» или «человек». По мнению автора настоящей статьи, символ в виде пламени огня в определенной степени напоминает традиционный монгольский символ по системе письменности «соёмбо» (луна, солнце, очаг (языки пламени), который получил в свое время отражение в Государственном гербе Монгольской Народной Республики. «Соёмбо» изображен также на Государственном флаге и Государственном гербе Республики Бурятия. Огонь означает жизнь, свет, возрождение, благополучие, очаг [14].

В качестве Государственного гимна было утверждено музыкально-поэтическое произведение «Хальмг Тангчин частр» (музыка А. Манджиева, слова В. Шуграевой). Государственный гимн был утвержден также отдельным Законом Республики Калмыкия – Хальмг Тангч от 4 ноября 1992 года «О дополнении Конституции

(Основного Закона) Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч ст. 158-1» [15].

11 апреля 1993 года президентом Республики Калмыкии-Хальмг Тангч был избран К.Н. Илюмжинов. По его поручению в апреле 1993 года активизировалась работа по созданию герба республики и началась разработка нового флага. К 100-дневному юбилею его избрания флаг был разработан и принят [16]. 30 июля 1993 года Парламент Республики Калмыкия – Хальмг Тангч своим постановлением № 64-IX утвердил новый государственный герб Республики Калмыкия-Хальмг Тангч: «Государственный герб Республики Калмыкия – Хальмг Тангч – Шюльде (знак, герб) представляет собой изображение «улан зала» и «хадыг» в круге золотисто-желтого цвета в обрамлении национального орнамента «зег» на голубом фоне, в основании которого лепестки лотоса. В верхней части герба – изображение древнего символа «Дербен Ойратов» – четыре скрепленных между собой круга».

Новый флаг республики утвержден постановлением парламента № 65-IX от 30 июля 1993 года. Флаг «Улан залата хальмг» состоит из золотисто-жёлтого полотнища, в центре которого изображён голубой круг с белым цветком лотоса, состоящим из 9 лепестков. Длина флага вдвое больше его ширины, отношение радиуса круга к ширине флага равно $2:7$. Золотистый цвет символизирует буддизм, солнце; голубой – цвет неба, вечности и постоянства, лотос – традиционный символ чистоты, счастья, духовного возрождения. Пять лепестков лотоса, направленные вверх, символизируют пять континентов, четыре направленные вниз – четыре стороны света. То есть в данном случае, полагает В.А. Ломанцов, лотос можно трактовать, как символ дружбы людей всего мира. Интересно отметить, что еще в 1939 году к 500-летию калмыцкого эпоса «Джангар» художник Владимир Фаворский подготовил памятный знак с изображением на фоне голубого цветка лотоса богатыря Джангара, с кисточкой «улан-зала» на шлеме.

Автор флага и герба – Б.Б.Эрдниев. Флаг получил наименование «Улан залата хальмг», а герб – имя «Шюльде». Как полагает В.А. Ломанцов, было допущено несоответствие названия флага его изображению. «Улан зала» – название красной кисточки на головном уборе, которую в XV веке обязаны были носить все ойраты (калмыки). Согласно точке зрения В.А. Ломанцова, именно эта кисточка и является основным элементом герба. На флаге же изображён лотос, никак не связанный с кисточкой головного убора. Это несоответствие послужило основанием для В.А. Ломанцова предположить, что калмыцкие названия флага и герба в русском переводе были

перепутаны. Однако, это не так. Термин «улан залата хальмг» означает самоназвание калмыцкого народа, которое было призвано отличать их от других монголоязычных народов [17]. В последующем государственный флаг Калмыкии получил новое наименование «Хальмг Тангчин туг» (по-калм. «туг» – флаг), а герб – новую транскрипцию «сюлде», что более точно отражает калмыцкий вариант произношения (по-калм. «сюлд» – герб, знак, эмблема).

Постановлением № 66-IX Парламент Республики Калмыкия – Хальмг Тангч в тот же день принял Закон Республики Калмыкия-Хальмг Тангч «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Калмыкия – Хальмг Тангч», который был немедленно в зале заседаний подписан президентом К.Н. Илюмжиновым. В соответствии с этим законом в статьях 157 и 158 Конституции республики описания герба и флага были заменены новыми [18]. 8 февраля 1994 года постановлением Парламента Республики Калмыкия – Хальмг Тангч № 148-IX были утверждены Положения о государственном флаге, о государственном гербе и о государственном гимне [19]. 5 апреля 1994 года была принята новая Конституция республики – Степное уложение. 10 февраля 1996 г. в Конституцию РФ 1993 г. внесено современное название – Республика Калмыкия. 11 июня 1996 года был принят Закон № 44-І-3 «О государственных символах Республики Калмыкия» (в ред. Закона РК от 29.12.2008 г. № 72-IV-3) [20]. В данный Закон вносились поправки, однако они не касались самих символов. Указанным Законом в соответствии со Степным Уложением (Конституцией) Республики Калмыкия определяется порядок, место и время использования государственных символов Республики Калмыкия. Официальное описание флага дается в статье 2: «Государственный флаг Республики Калмыкия – Хальмг Тангчин туг представляет собой прямоугольное полотнище золотисто-жёлтого цвета, в середине которого изображен голубой круг с белым цветком лотоса, состоящим из девяти лепестков. Верхние пять лепестков лотоса олицетворяют пять континентов земного шара, четыре нижних лепестка – четыре стороны света, символизирующие стремление народов республики к дружбе, сотрудничеству со всеми народами мира. Государственный флаг Республики Калмыкия – Хальмг Тангчин туг прикрепляется к древку, увенчанному наконечником красного цвета в форме «языка пламени» с контурными очертаниями на нем древнего символа Дербен Ойратов - четырех скрепленных между собой кругов, в основании которого «улан зала». Отношение ширины флага к его длине - 1 / 2. От-

ношение радиуса круга к ширине флага - 1 : 3,5. Отношение длины наконечника к ширине флага - 1 / 4,5» (рис.5).

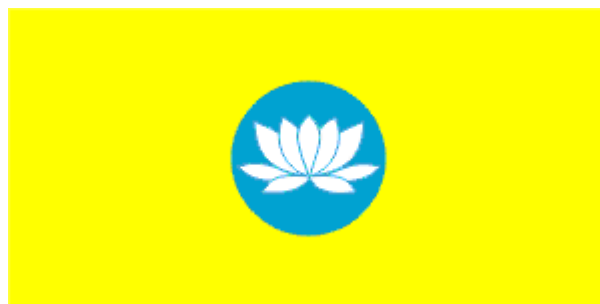

Рис.5

В ст.9 Закона Республики Калмыкия «О государственных символах Республики Калмыкия» содержится следующее описание герба республики: «Государственный герб Республики Калмыкия - Хальмг Тангчин сюлде представляет собой изображение «Улан зала» и «Хадак» в круге золотисто-желтого цвета в обрамлении национального орнамента «зег» на голубом фоне, в основании которого лепестки цветка белого лотоса. В верхней части герба - изображение древнего символа Дербен Ойратов - четыре скрепленных между собой круга» (рис.6).

Рис.6

Четыре скрепленных между собой круга - символ племенного союза этнических предков калмыков. Улан зала - красная кисточка на головном уборе, которую в 1437 году правитель Тогон-тайша приказал в обязательном порядке носить всем ойратам (калмыкам). Хадак - белый шелковый шарф, подношение верующих в храме, символ мирных взглядов, добра, щедрости, изобилия. «Хадак» изображен на гербах Республики Тыва и Агинского Бурятского автономного округа (ныне - Агинский Бурятский округ в составе Забайкальского края). Золотистый цвет - цвет ламаизма, солнца; голубой - цвет неба, вечности и постоянства. Изображение в гербе Калмыкии национального орнамента «зег» идентично на-

циональному орнаменту «тумен насан» в гербе Монголии и бурятскому орнаменту «алхан хээ» на флаге Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (ныне – Усть-Ордынский Бурятский округ в составе Иркутской области).

Герб Калмыкии внесен в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 150, флаг под № 151 [21]. Следует отметить, что «внесение знака в Государственный геральдический регистр не является актом утверждения или вступления знака в силу. Внешение знака в Регистр служит введению знака в единое информационное пространство Российской Федерации; обеспечению знаку юридической защиты на территориях и в ситуациях, когда не действует акт владельца знака о его утверждении; подтверждению и закреплению в федеральном масштабе прав владения и использования знака за тем, кем (для кого) данный знак утвержден» [22].

Вместе с тем в литературе отмечается, что символика субъектов Российской Федерации имеет сугубо определенное предназначение. Государственные символы субъектов Российской Федерации, как правило, отражают исторические, культурные, национальные и иные особенности субъекта Российской Федерации. В них находят свое выражение специфические черты государственно-правового устройства, политические, экономические, социальные и культурные традиции населения, а также самобытность народов, населяющих данные территории. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П, в частности, проверялось положение Конституции Республики Алтай (ст.162), в котором было закреплено, что ее государственные символы: герб, флаг, гимн – выражают не только самобытность и традиции ее многонационального народа, но и суверенитет Республики Алтай. В своем решении Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «в силу своего конституционного статуса (ст. 65 и 66 Конституции РФ 1993 г.) республика, как и другие субъекты Российской Федерации, вправе самостоятельно устанавливать свои символы, выражающие исторические и иные ценности и традиции народов, проживающих на соответствующей территории, придавать им статус официальных отличительных атрибутов, определять порядок их официального использования. Флаг, герб и гимн наряду с наименованием республики призваны самоидентифицировать ее внутри Российской Федерации и по своему предназначению не могут служить иным целям». Следовательно, они не могут выражать суверенитет [23]. Согласно ст.1 Закона «О государственных символах Республики Калмыкия» от 11 июня 1996 г., государственные символы

Республики Калмыкия выражают «национальные особенности, общественно-политический и государственный строй республики».

Исследуя вопрос о республиканской символике, необходимо ответить на вопрос о том, как она сочетается с политикой в сфере международных отношений. Приведем следующую точку зрения. М.В. Глигич-Зототарева считает, что, как правило, государственная символика республик – субъектов РФ – содержит символику «титulyного этноса», игнорируя, таким образом, действительный национальный состав республик. По ее мнению, «основные вопросы вызывает не столько наличие в рамках официальной символики элементов символики «титulyных» наций, что в принципе нормально, сколько стремление ... ими и ограничиться. Неприятие вызывают отнюдь не национальные орнаменты, а отсутствие свидетельств о многонациональном характере народов республик, подтвержденном в большинстве их конституций» [24]. Отчасти данный упрек справедлив. Однако, необходимо помнить, что новые государственные символы республик разрабатывались в период после распада Советского государства, с его жестко централизованным, фактически унитарным устройством. Новые символы должны были символизировать национальное возрождение, возвращение народа к своим истокам, традициям. В советскую эпоху, как мы видим, национального, связанного с обычаями, традициями, в официальной символике практически не было. Государственные символы республик самоидентифицируют республику как национально-государственное образование. Национальный характер государственности отражен лишь в названии республики, государственных символах и праве устанавливать свой государственный язык наряду с русским. К тому же, государственные символы республик, равно как и других субъектов Российской Федерации, не заключают в себе политического или религиозного смысла, по крайней мере, в официальной трактовке. Например, на гербе г. Москвы изображен Святой Георгий Победоносец – один из православных символов. Однако, в официальной трактовке упоминаются лишь «исторические традиции», но не религиозный характер символа [25]. Точно так же золотисто-желтый цвет и цветок лотоса на флаге Калмыкии не являются в официальной трактовке символами буддийской веры, ламаизма и т.п. Более того, как уже отмечалось, лотос на флаге символизирует «стремление народов республики к дружбе, сотрудничеству со всеми народами мира». Лепестки лотоса изображены и на гербе республики, что имеет, как представляется, тот же смысл. О дружбе

народов говорится и в тексте гимна Республики Калмыкия. В этой связи, на взгляд автора, необходимо внести изменения в республиканский закон «О государственных символах Республики Калмыкия» от 11 июня 1996 г. В частности, необходимо установить, что гимн Республики Калмыкия имеет два идентичных по смыслу официальных текста – на калмыцком и русском языке, т.к. в республике два государственных языка. На сегодняшний день имеется текст гимна только на калмыцком языке. К примеру, гимн Республики Бурятия имеет два текста – на бурятском и русском языках [26]. В заключение отметим, что государственная символика субъекта Российской Федерации отражает исторические и культурные традиции, и не следует видеть в ней какого-либо политического характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственных символах Калмыкии см.: Сапрыков В.Н. Государственная символика регионов России. М., 2004. 95 с.; Сметанников И.С. Гербы и флаги субъектов Российской Федерации. М., 2003. 111 с.
2. Сапрыков В.Н. Белый лотос Калмыкии // Наука и жизнь. 1994. № 12. С. 18–22. Здесь и далее использованы материалы статей по Калмыкии Российского центра флаговедения и геральдики: URL <http://www.vexillographia.ru/russia/index/htm> (автор статьи – В.А. Ломанцов (г. Оренбург); URL <http://www.heraldicum.ru/russia/index/htm> (автор статьи – В.Н. Ревнивцев (г. Ангельс)).
3. Гербы автономных республик РСФСР // URL <http://www.heraldry.hobby.ru/gub/assr.html>
4. Конституция (Основной Закон) Калмыцкой АССР 1937 г. Элиста., 1938. С. 23–24.
5. Конституция (Основной Закон) Калмыцкой АССР 1978 г. Элиста., 1978. С. 43.
6. НА РК. Ф. Р-1. Оп.4. Д. 2548. Л. 128.
7. О флагах, гимнах и гербах // Известия Калмыкии. 1991. 4 окт.
8. Сельвин Б. Наши цвета – синий, белый, желтый // Известия Калмыкии. 1991. 24 дек.
9. Продолжаем разговор о гос. символике // Известия Калмыкии. 1992. 22 мая; Овьянов А. Наш древний символ // Там же.
10. Бабкин С. Флаг как символ государства // Известия Калмыкии. 1992. 12 июня.
11. НА РК. Ф. Р-1. Оп.4. Д. 3079. Л. 70–71; Постановление Верховного Совета Республики Калмыкия-Хальмг Тангч «Об итогах конкурса по созданию Государственного флага Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» от 5 ноября 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 19 дек.; Постановление Верховного Совета Республики Калмыкия-Хальмг Тангч «Об утверждении Государственного гимна Республики Калмыкия-Хальмг Тангч» от 4 ноября 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 17 нояб.; Вихоцкий Л., Куменова Н., Шалхакова С. Утвержден Государственный гимн Республики Калмыкия // Известия Калмыкии. 1992. 30 окт.
12. Постановление Президиума Верховного Совета Республики Калмыкия – Хальмг Тангч «О продолжении конкурса по созданию Государственного герба Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» от 15 декабря 1992 г. // Конкурс продолжается // Там же. 1992. 17 дек.; Объявлен конкурс на создание Герба Калмыкии // Там же. 1993. 15 апр.; Положение и условия конкурса по созданию Государственного герба Республики Калмыкия – Хальмг Тангч // Там же. 1993. 8 июня.
13. Постановление Верховного Совета Республики Калмыкия – Хальмг Тангч «Об утверждении Государственного флага Республики Калмыкия-Хальмг Тангч» от 30 окт. 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 20 нояб.; НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2996. Л. 47.
14. О гос. флаге и гербе Бурятии см.: <http://www.statesymbol.ru/russymbols/regions/20050418/34594849.html>.
15. Закон Республики Калмыкия – Хальмг Тангч «О дополнении Конституции (Основного Закона) Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч ст. 158-1» от 4 ноября 1992 г. // Известия Калмыкии. 1992. 13 ноября; Гимн Республики Калмыкия – Хальмг Тангчин частр (на калм. языке) // Хальмг үнн. 1992. 11 нояб.
16. Есть герб и флаг республики // Известия Калмыкии. 1993. 22 июля; Шакуев В. Как рождался герб Калмыкии // Там же. 28 июля; Утверждены герб и флаг республики // Там же. 31 июля; Куменова Н. Белый лотос или пламя огня? // Там же. 3 авг. См. также: Известия Калмыкии. 1993. 4 авг.
17. Митиров А.Г. Улан залата хальмг // Вопросы сравнительной этнографии и антропологии калмыков. Элиста, 1980. С. 112–116.
18. Закон Республики Калмыкия – Хальмг Тангч «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Республики Калмыкия – Хальмг Тангч» от 30 июля 1993 г. // Известия Калмыкии. 1993. 11 авг.
19. Постановление Парламента Республики Калмыкия – Хальмг Тангч «О Государственном флаге, Государственном гербе и Государственном гимне Республики Калмыкия-Хальмг Тангч» от 8 февр. 1994 г. // Известия Калмыкии. 1994. 16 февр.
20. Закон Республики Калмыкия «О государственных символах Республики Калмыкия» от 11 июня 1996 г. // Ведомости Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия. 1997. № 2. С. 113–121.
21. Указ Президента РФ «О государственном геральдическом регистре Российской Федерации» (в ред. от 25.09.99 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 13. Ст. 1307; 1999. № 39. Ст. 4591.
22. Борисова М.М., Нудин К.В. Геральдическая служба в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. // Консультант Плюс.
23. Собрание законодательства Российской

Федерации. 2000. № 25. Ст. 2728. Конституционное право субъектов Российской Федерации / Отв. ред. В.А. Кряжков. М., 2002. С. 132, 228.

24. Золотарева М.В. Законодательство субъектов Российской Федерации: национальный аспект // Конституционное законодательство субъектов Российской Федерации: проблемы совершенствования

и использования в преподавании / под ред. С.А. Авакьяна. М., 1999. С. 65–66.

25. Закон г. Москвы «О гербе г. Москвы» от 11 июня 2003 г. // КонсультантПлюс.

26. Закон Республики Бурятия «О государственном гимне Республики Бурятия» от 20 апреля 1995 г. // КонсультантПлюс.

ББК 66.3 (2Рос) 6

О ПРОБЛЕМЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ ЗЕМЕЛЬ, ВРЕМЕННО ИСПОЛЪЗУЕМЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ СУБЪЕКТАМИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

С.С. Белоусов

В статье исследуется проблема, связанная с возвращением в пользование Республики Калмыкия земель, временно используемых хозяйствами Астраханской области и Республики Дагестан.

Ключевые слова: *Республика Калмыкия, Астраханская область, Республика Дагестан, территориальный спор, Чёрные земли.*

The article is devoted to the problem connected with returning for usage to the Republic of Kalmykia of lands temporarily are in use of Astrakhan area and the Republic of Daghestan.

Keywords: *Republic Kalmykia, Astrakhan area, Republic Daghestan, territorial dispute, «Black grounds».*

Среди проблем, оставшихся в наследство от советской эпохи Калмыкии, – проблема возвращения части территории республики, административно принадлежащей ей, но используемой на протяжении нескольких десятилетий хозяйствами Астраханской области и Республики Дагестан. Данная проблема была порождена сталинской депортацией калмыцкого народа и ликвидацией республики 27 декабря 1943 года, территория которой была распределена между соседними областями и краями.

Указом Верховного совета СССР от 9 января 1957 года калмыцкая автономия была восстановлена в прежних границах, за исключением двух её бывших районов – Лиманского (Долбанского) и Приволжского, большая часть территорий которых остались в составе Астраханской области. В пользовании совхозов и колхозов соседних с Калмыкией субъектов осталась и значительная часть региона под названием Чёрные земли, хотя юридически она вошла в пределы восстановленной в 1957 году Калмыцкой автономной области.

В 1957 году было проведено описание границ между Калмыцкой и Астраханской областями, которые должны были быть установлены в соответствии с указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» от 9 января 1957 года. В ходе этой процедуры астраханская сторона высказала своё несогласие с проведением административной гра-

ницы с Калмыцкой областью в западной части Лиманского района по линии железной дороги Кизляр-Астрахань на участке от станции Басинская до разъезда №8. Её не устраивало то обстоятельство, что граница разрезала надвое землепользование 5 колхозов Лиманского района, и они лишались основной части своих угодий, которые отходили к Калмыцкой области. Астраханское руководство считало целесообразным установить границу по фактическому землепользованию колхозов и других землепользователей Лиманского района[1]. Можно предположить, что жёсткая позиция астраханской администрации в этом вопросе повлияла на то, что описание административной границы между двумя субъектами так и не было утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР. Это дало основание областному руководству впоследствии оспаривать принадлежность территорий временного землепользования к Калмыкии.

К юридической несогласованности следует отнести и сохранение принятых до восстановления калмыцкой автономии законодательных актов о предоставлении хозяйствам в «вечное пользование» территорий, отошедших к Калмыцкой АССР. Эти территории под названием «Чёрных земель» традиционно использовались животноводами для содержания скота на подножном корму в зимний период времени и после ликвидации республики были переданы с 1946 года в долгосрочную аренду колхозам и совхозам Ростовской, Астраханской, Сталинградской

областей и Дагестанской АССР. Пользование «Чёрными землями» на правах арендаторов позволило хозяйствам нарастить поголовье овец, но в тоже время лишило их стимула к обустройству арендуемых земель, к организации системы правильной эксплуатации пастбищ и к проведению мероприятий по рекультивации земель. Именно эта причина вызвала появление 28 мая 1954 года постановления Совета Министров СССР «О закреплении за колхозами зимних пастбищ госфонда «Чёрные земли» и «Кизлярские пастбища», где определялся порядок их землепользования и новый статус. Согласно постановлению, используемые под зимние пастбища колхозами земли поступали в их «вечное пользование», и это право юридически закреплялось за ними выдачей государственных актов на владение.

С восстановлением автономии Чёрные земли (3582 млн га.) перешли под юрисдикцию Калмыкии, но экономическая деятельность на них хозяйств соседних областей и Дагестана не прекратилась, причём деятельность эта осуществлялась без взимания в пользу КАССР арендных денег. Количество используемых ими земель Калмыкии исчислялась цифрой в 2,5 млн га, что составляло треть территорий КАССР [2]. На топографических картах после 1957 года территория землепользования соседних субъектов в Калмыкии всегда обозначалась в её административных пределах, и факт её принадлежности к КАССР не оспаривался. Признавался он и руководством Астраханской области, которое дважды – в 1982 и в 1986 годах – вместе с руководством калмыцкой республики проводило согласование административной границы между двумя субъектами. На основе этих согласований в 1988 году калмыцкий филиал «ЮжНИИгипрозема» провёл работы по восстановлению в натуре административных границ Калмыкии с Астраханской областью.

Оставление в пользовании колхозов и совхозов соседних субъектов части земельного фонда Калмыцкой АССР не внесло существенных изменений в порядок эксплуатации пастбищ, хотя принятые высшими органами государственной власти РСФСР на протяжении 50-70 годов XX века постановления нацеливали землепользователей на переход к новой, научно обоснованной и природосберегающей системе ведения хозяйства. Несоблюдение норм нагрузки на пастбища и сроков пользования ими привели в итоге к деградации земель, положив начало их опустыниванию. Ухудшение состояния пастбищ отрицательно сказалось на положении овцеводства землепользователей: содержание скота на Чёрных землях постепенно преврати-

лось в дорогостоящее и невыгодное предприятие. По этой причине хозяйства Ростовской области и Ставропольского края с 1972 года прекратили пользование Чёрными землями, предоставив их в распоряжение созданным на освобождённых территориях специализированным овцеводческим и кормопроизводственным совхозам КАССР. Во второй половине 80-х годов XX века по этой же причине отказались от ведения животноводства на отгонных пастбищах и хозяйства Черноярского и Енотаевского районов Астраханской области.

После ухода с территории Калмыкии хозяйств Ростовской области и Ставропольского края правительство РСФСР приняло постановление об освобождении отгонных пастбищ хозяйственными структурами Астраханской области, а в качестве компенсации выделило области средства для создания кормопроизводственной базы на своей территории [3]. Несмотря на это, астраханцы землепользование калмыцкими землями не прекратили. Поскольку животноводство уже не приносило прежних доходов из-за сильной выбитости пастбищ, их начали распахивать под посевы бахчевых, что усилило и ускорило деградацию земель. Ежегодно астраханские хозяйства распахивали около 5 тысяч га под бахчевые и после эксплуатации земель в течение двух лет забрасывали; в результате этого к 1990 году из сельскохозяйственного оборота было выведено 50 тысяч га отгонных пастбищ Калмыкии [4].

В пределах Калмыцкой АССР, помимо хозяйств Астраханской области, экономическую деятельность осуществляли и хозяйства Дагестанской АССР, которые использовали территорию Калмыкии под отгонные пастбища.

В новую фазу территориальный спор вступил в начале 90-годов XX века. В условиях начавшихся в стране рыночных реформ проблема возвращения под контроль республики временно используемых её соседями принадлежащих ей территорий для калмыцкого животноводства приобрела большую актуальность, так как республика остро нуждалась в дополнительных источниках доходов, прежде всего для поддержания приходящей в упадок социально-экономической сферы. К более решительным действиям власти подталкивало и подтолкнуло вследствие подъёма уровня Каспийского моря и разрушения гидротехнических сооружений на Ставрополье, значительной части Каспийского района и примерно трети пастбищ Черноземельского районов Калмыкии.

По состоянию на 1 ноября 1991 года в пользовании соседних с Калмыкией субъектов находилось 572586 тыс. га земель; из них 375349 га ис-

пользовались хозяйствами Астраханской области и 197237 га – Дагестана [5]. На территории Калмыкии хозяйственную деятельность осуществляли 8 колхозов и 7 совхозов Астраханской области и 23 колхоза и 17 совхозов Дагестана. В начале 90-х годов XX века степень деградации используемых астраханскими хозяйствами пастбищ Калмыкии достигла 99,8%, из них 75,6% находились в сильной и очень сильной степени опустынивания [5, л.139].

Землепользователи Астраханской области и Дагестана не вносили арендной платы ни в бюджет Калмыкии, ни её районов, на территории которых они осуществляли экономическую деятельность. Все попытки калмыцкого руководства перейти на арендно-договорные отношения с землепользователями руководство области и Дагестана игнорировало, ссылаясь на неотменённость правительственных постановлений 1946-1955 годов. Астраханская администрация вообще отказалась признать право Калмыкии на территории, находившиеся в пользовании астраханских хозяйств, и предложила установить административную границу с Калмыкией, исходя из существующего фактического землепользования. В доказательство своей правоты она ссылалась на отсутствие правительственного документа утверждающего описание административных границ между двумя субъектами. Калмыцкая сторона указывала на неприемлемость такого подхода, обращая внимание на то, что на всех утверждённых Геодезическим комитетом СССР картах данная территория всегда обозначалась в пределах Калмыкии, и что совершаемые на ней преступления расследовались калмыцкими органами внутренних дел, да и само астраханское руководство ежегодно с калмыцкими властями проводило согласование запредельного землепользования астраханских хозяйств, тем самым как бы признавая принадлежность этих территорий республики.

Правительство Республики Калмыкии готово было рассмотреть в качестве одного из вариантов сохранение на определённый срок землепользования хозяйствами соседних субъектов, но обязательно на условиях аренды, выручка от которой могла существенно пополнить республиканский и районные бюджеты.

Упорное нежелание хозяйств соседних субъектов перейти на договорные отношения побудило Верховный Совет Республики Калмыкия принять 12 ноября 1992 года постановление о немедленном прекращении землепользования на территории Калмыкии хозяйств Астраханской области и Дагестана и войти в Верховный Совет Российской Федерации с предложением

рассмотреть вопрос об отмене либо признании утратившими силу правительственных постановлений за период с 1946 по 1955 годы.

Принятое калмыцким руководством решение о немедленном прекращении землепользования, однако, исполнено не было. Несмотря на деградацию земель, землепользователи были заинтересованы в дальнейшей их бесплатной эксплуатации, так как собственных земельных ресурсов у них было недостаточно для ведения расширенного животноводства. Учитывая это обстоятельство, Министерство экономики РФ рекомендовало руководству хозяйств и правительствам Астраханской области и Дагестана заключить до 1 января 1993 года арендные договора с правительством Калмыкии о землепользовании и в последующем осуществлять его под контролем республиканских органов власти.

В 1993 году между Республикой Калмыкия, с одной стороны, и Астраханской областью и Республикой Дагестан – с другой, были заключены соглашения сроком на 5 лет (до 1998 года), что позволило ввести процесс землепользования в правовое русло. Вместе с тем, как показали последующие события, проблему взыскания платежей за аренду договора в целом не решили.

В большей мере дело урегулирования землепользования продвинулось с Дагестаном, руководство которого не оспаривало принадлежность Чёрных земель Калмыкии. В ходе переговоров удалось договориться о платежах за аренду и поэтапном освобождении калмыцких пастбищ дагестанскими хозяйствами. В качестве первого шага Дагестан обязался освободить 22,4 тыс. га пастбищных угодий в Каспийском районе уже к 1 октября 1993 года [6].

К 1998 году общая площадь используемых Астраханской областью и Республикой Дагестан земель в пределах Калмыкии составила 548 тысяч гектаров, или 7,3% её территории. Астраханские хозяйства вели хозяйственную деятельность в пределах Калмыкии на площади в 390 тыс.га, дагестанские – в 158 тыс.га. Землепользователи по-прежнему не вносили плату за эксплуатацию юридически не принадлежавших им земель органам государственной власти Калмыкии, при этом сумма арендного долга со стороны астраханских хозяйств к 1998 году выросла до 1800 млн. рублей, а дагестанских – до 777,8 тыс. рублей. В то же время только в 1998 году первые перечислили в качестве платежей за эксплуатацию калмыцких земель в бюджет своей области 65 млн. рублей, вторые – 20 млн рублей в бюджет Дагестана [7].

Пользование Чёрными землями должно было осуществляться на основе арендных договоров землепользователей с органами государ-

ственной власти Калмыкии, но на практике хозяйства уклонялись от их заключения или же их заключали, но не платили арендной платы. Так, дагестанские хозяйства на зимовку общественного поголовья 1992-1993 годов заключили договоры с государственными структурами Калмыкии на сумму в 16 млн.рублей, но выплатили всего 3,6 млн рублей, на зимовку 1993-1994 годов договорная сумма составила уже 16,2 млн рублей, однако уплачено не было ни копейки. В последующие годы не было заключено ни одного договора с дагестанскими хозяйствами. Что касается астраханских хозяйств, то они вообще наотрез отказывались входить в договорные отношения с Калмыкией, считая Чёрные земли принадлежностью Астраханской области [8]. На калмыцкой территории астраханские власти ввели прописку населения и стали выдавать документы о праве собственности на землю, но в то же время они всячески препятствовали попыткам граждан республики осуществлять на своей территории экономическую деятельность.

Неурегулированность вопроса отрицательно сказывалась на проведении природоохранных и восстановительных мероприятий на спорной территории. Особенно негативно это отражалось на сохранности сайгака, отстрел которого браконьерами на спорной территории принял наиболее массовый характер. Для охраны сайгака в пределах примерно одной и той же территории калмыцкой и астраханской сторонами были созданы Тингутинский и Степной заказники, однако из-за несогласованности в действиях органов власти двух субъектов переломить ситуацию не удалось.

12 декабря 1995 года вышло постановление правительства РФ «Об упорядочении использования Чёрных земель и Кизлярских пастбищ», где в очередной раз указывалось на необходимость урегулирования пользования Чёрными землями на основе договорных отношений между субъектами, но оно, как и предшествующие, не было исполнено.

В 1998 году истекли сроки заключённых в 1993 году договора по использованию земель в пределах Калмыкии с Дагестаном и соглашения с Астраханской областью. Руководство Калмыкии не видело больше смысла продлевать эти договоры, так как их условия землепользователями всё равно не выполнялись. Особую обеспокоенность у калмыцкого руководства вызвал факт передачи астраханской администрацией спорных территорий в аренду Каспийскому трубопроводному консорциуму. По этой территории на протяжении 87 километров планировалось проложить часть международного тран-

зитного нефтепровода «Тенгиз-Новороссийск», арендная плата за который должна была пойти в бюджет Астраханской области. Поскольку речь шла о десятках миллионов рублей арендных денег, то руководство Калмыкии активизировало усилия по возвращению под свой контроль принадлежащих республике земель.

В 1998 году Президентом Республики Калмыкия К.Н.Илюмжниковым была образована межведомственная комиссия по проверке экономической и санитарно-эпидемиологической обстановки на территории Черноземельского района, используемой астраханскими землепользователями. В самом Черноземельском районе была создана рабочая группа из представителей районной администрации, которая в 1998 году обследовала землепользование хозяйств и граждан Лиманского и Наримановского районов Астраханской области в пределах Калмыкии. Из 195 осмотренных жилых и производственных объектов 71 объект оказался в разрушенном состоянии и без населения [9]. На сохранившихся объектах проживали и содержали личное поголовье скота в основном бывшие работники развалившихся колхозов и совхозов, при этом большинство из них не вносило никому никакой арендной платы. С их слов, на обследованных рабочих группой территориях бывшего землепользования астраханских колхозов находилось 11192 считавшихся общественными голов овец и 43387 личных овец [9, л.67]. Члены рабочей группы обнаружили значительные площади распашки пастбищ под бахчевые культуры, многие из которых были заброшены, изрезаны каналами, траншеями и засорены отходами производства.

В 1999 году группа провела 14 рейдов по тем же территориям. В ходе их осуществлялись перерегистрация права землепользования администрации Черноземельского района и проверка соблюдения правил паспортного режима. Было установлено, что на территории отгонных пастбищ на бывших животноводческих стоянках проживает более 300 человек, занимающихся преимущественно животноводством. Более 70% из них являлись чеченцами, 27% - представителями других северокавказских народов, остальные - русскими, казахами, чувашами, татарами и белорусами [10]. На территории отгонных пастбищ, кроме того, располагался один населённый пункт – село Басы, насчитывавший 353 двора и 1029 человек преимущественно русского населения [10, л.27].

В ходе рейдов рабочей группы были признаны незаконными и изъяты правоустанавливающие документы и договора на землю у 5 крестьянско-фермерских хозяйств и одно сви-

детельство на право постоянного пользования землёй ООО фирмы «Хлеб», выданных главой администрации Лиманского района, и 6 арендных договоров между колхозом «Победа» Наримановского района и гражданами, ведущими индивидуальное хозяйствование [11]. Многие из осуществлявших хозяйственную деятельность в пределах Калмыкии жителей Астраханской области отказались предоставлять юридические документы, сославшись на запрет администрации Лиманского и Наримановского районов.

При обследовании отгонных пастбищ рабочая группа также вскрыла факты незаконной добычи соли колхозом «Степной» и администрацией села Басы на территории опытного участка Калмыцкого НИИСХ. Платежи за эксплуатацию соляных озёр они направляли в бюджет Астраханской области. В 1999 году для добычи соли на озере «Малое Басинское» с калмыцкой стороны был организован КФК «Данара», для охраны которого от попыток лиманской администрации воспрепятствовать его деятельности был учреждён пост из 3 милиционеров [11, л.41]. Помимо этого, правительством Республики Калмыкия в целях усиления контроля над отгонными пастбищами на самой их границе в посёлке Нарын-Худук в 2000 году был создан пункт милиции.

Активизация деятельности калмыцкого руководства на отгонных пастбищах не прошла незамеченной. Астраханская администрация опротестовала действия калмыцкой стороны, обратившись в органы прокуратуры РФ, и выступила с инициативой передачи Чёрных земель непосредственно под юрисдикцию российского правительства и установления административных границ с Калмыкией по фактическому землепользованию [7, л.6]. Одновременно, пользуясь зависимостью республики от источников водо- и газоснабжения Астраханской области, с целью оказания давления на калмыцкое руководство она ограничила поставки воды и газа республике.

В ответ калмыцкая сторона организовала летом 1999 года выездное заседание республиканского правительства непосредственно на спорных территориях, вблизи с. Басы, на котором было принято постановление «О соблюдении законодательства правительства Российской Федерации и Республики Калмыкия по использованию земель отгонных пастбищ в административно-территориальных границах Республики Калмыкия». В нём ряду республиканских министерств, ведомств, организаций были даны конкретные поручения по усилению контроля над территориями астраханских землепользователей.

Вопрос о спорных территориях едва не накалился в период подготовки всероссийской переписи населения 2002 года. Опасность такого развития событий стала вероятной после включения калмыцким руководством села Басы в Нарынхудукское муниципальное образование Черноземельского района. Это село располагается и имеет землепользование в пределах Республики Калмыкии на самой административной границе с Астраханской областью, но административно подчиняется астраханской администрации. Такое положение возникло с момента восстановления калмыцкой автономии в 1957 году, и в годы советской власти на это несоответствие никто особого внимания не обращал. В 1988 году в селе Басы был учреждён колхоз «Степной» и образован сельский Совет, подчинявшиеся администрации Лиманского района Астраханской области. С точки зрения закона, включение села Басы в состав одного из муниципальных образований Калмыкии было правомерным актом, однако проблема заключалась в том, что жители этого населённого пункта привыкли считать себя астраханцами и были против распространения на них юрисдикции властей Калмыкии. Попытки изменить сложившееся положение вызвали бы болезненную реакцию со стороны жителей села Басы и обострение ситуации. Осознав возможные негативные последствия этого шага, калмыцкое руководство отказалось от своих первоначальных намерений включить это село в Нарынхудукское муниципальное образование и провести в нём перепись населения.

Параллельно практическим действиям на спорных территориях обе стороны предпринимали попытки заручиться поддержкой центральных и высших федеральных органов государственной власти. Спор был вынесен на рассмотрение Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, затем дело передали в Астраханский областной арбитражный суд, который вынес решение в пользу астраханской стороны. В свою очередь, позицию калмыцкого руководства поддержал Госкомзем России, признавший спорные территории принадлежностью Калмыкии. 10 января 2007 года президиум Высшего Арбитражного суда РФ вынес решение в пользу астраханской стороны, однако калмыцкое руководство с этим решением не согласилось.

Более благоприятно для Республики Калмыкия складывается ситуация с дагестанскими землепользователями. Дагестанское руководство не оспаривает принадлежности отгонных пастбищ Калмыкии, и, хотя неохотно, постепенно освобождает используемые территории

своего соседа. В 2003 году дагестанцы по решению правительства Республики Калмыкия освободили 24380 га пастбищ, в 2004 году ещё 26641 га, кроме того, 4300 га были переданы, согласно межреспубликанскому соглашению, для возрождения села Улан-Хол Лаганского района Калмыкии.

В административно-территориальных границах Республики Калмыкия по состоянию на 01.01.2007 г. в пределах Лаганского района РК (Уланхольская зона) землепользование осуществляли 16 хозяйств из 7 районов Республики Дагестан (далее - РД), за которыми закреплено 101222 гектара земель зимних пастбищ. Помимо этого, около 30 тыс. га пастбищ использовались хозяйствами РД без юридического оформления. В этой зоне на зимовку 2007-2008 годов размещено 207,2 тыс. голов овец и коз и 7905 голов КРС (с учетом поголовья частного сектора) [12]. Позиция правительства Республики Дагестан позволяет надеяться на постепенное полное освобождение дагестанскими животноводами территории Калмыкии.

Что касается проблемы возвращения в пользование Республики Калмыкии части её территории, используемой гражданами и хозяйствами Астраханской области, то она ещё далека от разрешения. Речь идёт о территории в 390 тыс.га. Юридически эти земли являются принадлежностью Калмыкии, но сложившийся многолетний порядок пользования ими и некоторые юридические упущения и несоответствия, позволяющие астраханской стороне трактовать их в свою пользу, фактически вывели их из-под контроля республики. Астраханская сторона не признаёт их принадлежности Калмыкии, ссылаясь на законодательные акты второй половины прошлого века, передавшие их в постоянное пользование хозяйственным субъектам области, и неутверждённую запись описания границ с Калмыкией правительством РСФСР. Для Калмыкии восстановление суверенитета над частью своей территории является крайне важным, так как это позволит увеличить налогооблагаемую базу республики за счёт установления арендной платы за пользование сельскохозяйственными угодьями и прокачку нефти по трубам Каспийского международного консорциума. Спор, таким образом, носит ярко выраженный политико-экономический характер, и связан с сохранением целостности границ республики и с возможностью извлечения из территории экономических выгод.

Решать вопрос с отгонными пастбищами Калмыкии, находящимися в пользовании отдельных граждан и хозяйств Астраханской области, необходимо в том же русле, как и в случае с дагестанскими землепользователями калмыцких земель. С дагестанцами были заключены арендные договоры и начался поэтапный вывод их хозяйств с калмыцкой территории. Федеральному центру необходимо заняться правовым урегулированием данного вопроса: провести ревизию всех прежних правовых актов по пользованию отгонными пастбищами и устранить юридические несоответствия, порождающие различное толкование законов. Затягивание в решении данной проблемы создаёт опасный прецедент во взаимоотношениях между субъектами Российской Федерации и порождает правовой нигилизм.

Разблокирование ситуации имеет шанс на успех, так как проживающее на отгонных пастбищах население малочисленно и сосредоточено в основном по чабанским стоянкам. На животноводческих стоянках живут, в основном, мигранты с Северного Кавказа, занимающиеся личным хозяйством на условиях аренды, переоформление которой не должно привести к обострению обстановки. Единственным исключением является село Басы, которое располагается на территории Республики Калмыкия, но жители которого привыкли считать себя астраханцами. В случае продолжения затягивания решения вопроса по отгонным пастбищам ситуация, вероятнее всего, будет продолжать развиваться в русле административного противостояния руководства двух субъектов, и вероятность возникновения межэтнического конфликта будет оставаться небольшой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Национальный архив Республики Калмыкия. Ф.Р-309. Оп.4.Д.1.Л.14
2. Там же. Ф.Р-604. Оп.1.Д.647. Л.93
3. Там же. Ф.Р-604. Оп.1.Д.445.Л.1
4. Там же. Ф.Р-309. Оп.1.Д.2129.Л.85
5. Там же. Р-1. Оп.4.Д.2558.Л.143-144
6. Там же. Р-604. Оп.1.Д.602.Л.183
7. Там же. Р-604. Оп.1.Д.646.Л.6
8. Там же. Р-604. Оп.1.Д.254.Л.72
9. Там же. Р-604. Оп.1.Д.449.Л.66
10. Там же. Р-604. Оп.1.Д.685.Л.4
11. Там же. Р-604. Оп.1.Д.663.Л.40
12. Riadagestan@dagestan.ru

МНОГОЛИКИЙ ДЕМОН: ОБРАЗ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ФОЛЬКЛОРЕ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

А.А. Соловьева

В статье рассматриваются демонологические представления как важная составляющая фольклорной традиции. Они обладают сложным характером и занимают особое место, имея, с одной стороны, связь с «высокой» мифологией – с другой, непрерывно актуализируясь в повседневной жизни человека. Данная статья апеллирует к монгольскому и китайскому материалу.

Ключевые слова: *традиция, демонологический персонаж, совокупность признаков, облик, пластичность признаков, функционально-эмоциональный код.*

Demonological views are an important part of a folklore tradition. They are complicated very much. The place of demonology is particular: on the one hand, it relate to the classical mythology, on the other hand, it continuously update with an everyday life. The article is founded on Chinese and Mongolian materials.

Keywords: *tradition, demonological character, constellation of attributes, appearance, plasticity of attributes, functional-emotional reference designation.*

Образ демонологического персонажа обладает определенным набором признаков, определяющих его положение в традиции. Важным признаком персонажа является его облик, своеобразный способ репрезентации, имеющий сложную структуру. Характеристики облика персонажа связаны с его функциональным и семантическим значением в традиции.

Не менее важным, чем понимание набора и соотношения признаков внутри персонажа, представляется рассмотрение и анализ самих признаков (имени, облика, функций, атрибутов). Выделенные признаки могут служить не только критериями сравнения персонажей, но и являться самостоятельными объектами изучения, обладающими собственной семантической ценностью. Например, кривизна (как характеристика облика персонажа) может иметь на уровне текста несколько значений: 1) высокая степень уродства демонологического персонажа, акцентирующего страх перед этим злым демоном, духом (в текстах нагромождение таких «неестественных» черт, включая кривизну, асимметрию, играет роль «страшилок», например, описанием внешности демонов в аду *Эрлик-хана* пугают душу больного человека, чтобы она поскорее вернулась); 2) принадлежность к потустороннему миру [23], признак чуждости; 3) намек на происхождение того или иного персонажа (в китайском и монгольском фольклоре содержится целый сонм демонов-инвалидов, без рук, ног, с проломленной головой, а то и вовсе без нее, с выпученными глазами и вздувшимся языком - это духи людей, умерших тяжелой или неестественной смертью, самоубийцы, казненные преступники). При этом, в традиции присутствует синонимия признаков. Обращение к одному из них ставит вопрос о том, как еще

принадлежащее ему значение может выражаться в данной традиции, чему соответствует в других традициях. Так синонимичным выражением принадлежности к потустороннему миру может выступать цвет (одежды, волос, лица), зооморфные черты, невидимость или «слепота» персонажа. Важным может стать и степень распространенности, и сам факт наличия или отсутствия такого признака.

В традиции облик демона как существа, противоположного живому человеку, представляется как оппозиционный «нормальному», «принятому», «человеческому» состоянию. Поэтому характерной чертой персонажа может служить также отклонение от принятого в традиции нормативного визуального образа: растрепанность, распушенные волосы у женщин (в китайских текстах нередко этим признакам сопутствуют атрибуты, например, петля на шее), отсутствие пояса у мужчин и женщин, отсутствие украшений.

С персонажем связан ряд атрибутов-примет, сопутствующих, а иногда и замещающих отсутствующий в конкретной ситуации визуальный облик. В тексте они нередко выступают идентифицирующими чертами конкретного вида демона или духа и самого факта его появления. К таким маркерам, регулярно упоминающимся в тексте, относятся звуки, свет, температура и даже запахи, которые испускают духи.

Специфичные звуки - очень противный, судя по эпитетам, свист или писк демонов и ходячих покойников, с помощью которого они, по традиционным представлениям, общаются между собой или реагируют на раздражающие их факторы.

Еще одной такой приметой является резкое

сильное похолодание в комнате, где появляется дух или демон, холодом веет и от его дыхания. Запах также выдает демона [11, с. 166; 11, с. 173; 11, с. 215; 3, с. 23; 3, с. 28; 3, с. 37 и др.].

В монгольской традиции демоны сами не выносят дурных запахов, и справиться с ними можно подожженным по четырем сторонам света человеческим или собачьим аргалом [6, 198; 16]. А разрубленный демон *ада* пахнет луком. В китайской традиции для разновидностей демонов разработана целая классификация запахов: так, призрак утонувшего человека пахнет козлом, а погибших на суше - бумажной золой [5, 12; 19, 108].

Признаки персонажа, какими бы они ни были (от железного клюва до отсутствия головы), нередко являются «говорящими» и показывают одну из функций персонажа. Так, монгольская демоническая женщина *муу шубуун* (буквально «дурная птица»), имеющая железный клюв, который она скрывает рукавом платья, заманивает идущих по лесу путников и потом этим клювом их пожирает [9, 332]. А китайский *гуи* с отрубленной головой специализируется на отрывании голов у своих жертв, которые он потом складывает у себя в логове и таким образом компенсирует «недостачу» [5, с. 7; 3, с. 86; 3, с. 116 и др.].

Такой признак, как кривизна, является крайне популярным для демонологии. Им могут обладать самые разные, злобные и лояльные к человеку существа. По одному или три глаза у монгольского духа огня, китайских духов земли (нередко у последних они располагаются вообще «не там, где надо», на ладонях рук, а руки где-то в области ушей), одноглазых демонов засухи (*гэ*); кривизной в некоторых случаях обладают упомянутые выше *алмас* и демон *шулам* (нередко представляемая как одногрудая и одноглазая).

Большое количество персонажей-«инвалидов» в китайском и монгольском фольклоре составляет наиболее злобное, опасное для человека демоническое «воинство». Для духов, умерших несчастной смертью, людей, не успокоившихся и мстящих, одной из функций становится «охота» на живущих.

Таковы популярные в фольклоре *шуй-гуи*, духи воды, выжидающие момента, чтобы ухватить свою жертву за ногу, или показываясь на поверхности, чтобы напуганный человек сам к ним свалился и стал заменой (*ти, цзяо-ти, дай, цзяо-дай*). Духи повесившихся своим появлением даже у «благополучных» людей вызывают жуткую тоску и стремление к самоубийству, а если этого не происходит, собственноручно пытаются это исполнить [12, с. 148; 3, с. 117 и др.]. Знаковыми становятся атрибуты (веревка, даже балка на которой повесился покойник, жертвенные деньги,

которые, по представлениям китайцев, имеют хождения в мире мертвых).

Несмотря на свою доминирующую зловередную функцию, эта группа духов может также выступать в качестве покровителей местности (и, при соблюдении обряда и подношений, помогать ее жителям) или исполнять функцию духов-помощников (которые, как правило, бывают у специалистов – колдунов и шаманов, но ситуативно, за оказанную услугу, могут соотноситься и с обычным человеком). Такие помощники, учитывая их способности, считаются одними из наиболее сильных (у бурят разные духи-*заяны*: без голов, без рук, без ног, с выколотыми глазами, половинными телами, вырезанной грудью, ребрами, - «*һүүжэ үгэй дохолонууд, хабирга үгэй сүмэрхэйнүүд*» - «хромые без таза, дырявые без ребра» [20, с. 96]; это обращение как часть призывания приводит Хангалов [9, с. 96]). В монгольских шаманских призываниях к ним обращены отдельные молитвы.

Девять буйных.

Девять игривых,

Девять безруких,

Девять безногих (калек),

Девять немых (без языка),

Девять глухих,

Девять глупых;

На шее глаза,

На брюхе рог,

На подошве (ноги) с печатью.

На спине с письменами.

Без головы комолой,

Без руки, безрукий,

Без ноги, калека.

Свойства и характерные черты облика таких покровителей нередко распространяются и на самих магических специалистов, которые прибегают к их помощи. «По мнению нынешних бурят, большие и сильные шаманы отсекают свою голову и ходят без нее, иногда отсеченную голову кладут на столб и ездят при этом верхом или работают. Это бывает, если шаман имеет происхождение, в котором упоминаются предки духи-*заяны* с отсеченной головой» [9, с. 125 - 127].

Иногда демон предстает в облике лишь одной части тела - черепа (популярный персонаж китайского фольклора), черных рук или ноги.

«Инь Ган-ло и еще несколько жителей Люйлина гуляли как-то вечером по берегу озера Сицзяху. Они ели соленые сливы, а в рот черепу, лежащему у дороги, наложили камней, приговаривая при этом: «Не находишь ли их часом солеными?». Потом они отправились дальше и подошли к длинному рву. И тут при свете луны они увидели, что за ними катится

черный шар и кричит: «Они соленые, соленые!» [13, с. 62; 3, с. 41].

В калмыцком фольклоре мы находим родственный мотив:

«Давным-давно это было. Жил-был старик, у него не было старухи. И он решил попросить у заячи-покровителя старуху для себя. По пути к своему заячи-покровителю увидел человеческий череп. Сел он на череп, вытащил трубку, вычистил ее, а остатки табака приложил к глазницам черепа и спрашивает: “Жжет?”. А череп отвечает: “Да, жжет!”. Старик сильно испугался и убежал» [15].

По мере необходимости демон может представлять в виде той части тела, которая ему в данный момент необходима: черные руки невидимых посланников *Яньло-вана (ша)* вталкивают душу обратно в тело, на кухне из воздуха появляется голова и начинает пожирать тушу свиньи, черная нога может поставить подножку в горах.

Существует представление о том, что для человека физическое соприкосновение с такими демонами не проходит бесследно (рука или часть тела, до которой дотронулся демон, чернеет).

Поверья, связанные с костями как местом обитания или появления демонов и духов, об их особой связи представляют особый интерес.

В монгольской традиции бытует представление о том, что из берцовой или тазобедренной кости человека после его смерти появляется демон (*чотгор (чутгур)*, иногда *буг*). При этом многие демонологические персонажи (*ад*, *шудхер*, *боохолдой*) при воздействии на них или умерщвлении превращаются в старую тазобедренную кость. Многие из этих персонажей, среди прочего, являются духами умерших родственников.

Некоторые данные предоставляют языковые материалы.

В монг. языке «яс» (ст. монг. *jasu*) означает и «кость», и «род». Из (от) кости («ясаас» или «ясны» - быть какой-либо кости) происходит и человек (в значении принадлежности к какому-либо роду или национальности) и демон. Подобное соотношение может свидетельствовать о возможном отражении представлений о связи живых и мертвых членов рода и пр.

В кит. демонологии также существует представление об особой значимости костей покойника, особенно тазобедренных. В частности, для того чтобы принять облик конкретного покойника, лисе-оборотню необходима его тазобедренная кость, которую она и добывает в могиле. Возможно, это также получило отражение в языке: в китайском «гу», кость, значит также «человеческие качества», «характер», «натура», «свойства человека» [26, с. 184 - 185].

Другим популярным в фольклоре признаком является зооморфизм демонологических персонажей.

Им обладают духи покровители - монг. *лус-савдаг* (*лусы* связаны с водой и представляются в образе рыбы, змеи; *савдаг*, покровитель горный и лесной, нередко имеет вегетативный образ дерева), кит. *чэн-хуаны* и *туди* (последние чаще имеют в той или иной степени антропоморфный вид, но могут также изображаться в образе черного барана, поедающего мертвецов).

Духи-хозяева озер в Монголии часто принимают облик быка: синего быка (один из образов духа оз. Хубсугул), желто-пестрого быка с большими глазами. Вот что рассказывают о хозяине оз. Туймал: «На берегу озера Туймал жил богатый человек Цогбадрах. У него было много скота. Однажды он привел к озеру на водопой свой скот. Из озера вышел бык, обычного размера, но глаза были размером с кастрюлю. Он был желто-пестрый (шар-цохор). Он пошел за одной коровой. Когда его увидел человек, бык убрался обратно в озеро. У коровы родился теленок, похожий на этого быка, и умер. Из его шкуры сделали коробку, которая приносила богатство (хишигийн сав). Эти люди стали еще богаче. Много потомства, счастливые дети» [17, информанты Баточир и Дужий].

У китайцев в образе «князя с коровьей головой» представляется помощник духа-покровителя города, в таком же виде этот помощник обычно изображается рядом с ним.

«Чжуан Гуан-юю, крестьянину из Лияна, приснилось, что оборотень с рогами на голове постучался в двери и вошел в дом.

- Я великий князь с коровьей головой, - сказал он. - Верховный владыка приказал мне есть здесь жертвенную пищу. Поставь в доме мое изображение и приноси мне жертвы, наградой за это тебе непременно будет счастье» [13, с. 247].

Зооморфные признаки имеют злобные опасные демоны. Эти черты нередко отражают хищный характер нечисти. Таковы монгольские персонажи *ада* (клюв и когтистые лапы) и *муу шубуун* (клюв).

Ада, дух-оборотень, появляющийся из души рано умершей незамужней девушки. Она опасна для своих благополучных сестер и маленьких детей, которых она душит своими когтистыми лапами.

Ада появляется то в образе маленького зверька, имеющего один глаз на лбу и один зуб во рту, то в образе косой женщины, прикрывающей рукой окровавленный рот и единственный зуб [9, с. 330].

Несмотря на зловещий образ, в некоторых местных традициях она сочетается в себе также функции домашнего духа, помогает своей

хозяйке по дому и везде ее сопровождает [9, с. 332]. Об *аде* как домашнем духе известно, что она «обитает и даже размножается в темных местах в доме своей хозяйки», «боится сердитых или расторопных людей, которые резкими движениями могут прищемить его между дверью и дверным косяком», «нечаянно убитый, он (*ада*) превращается в лоскутки старой кошмы или обрубков старой кости» [20, с. 13-14].

Ада является также духом болезней - детских болезней и смертности, опасна для взрослых, так как, поплевав, когда в доме никого нет, на пищу, заражает людей лихорадкой и чахоткой [Там же].

Муу шубуун значит буквально «дурная птица», ею становится заблудившаяся в лесу женщина или незамужняя девушка. Она «имеет обыкновенно человеческий вид, вид женщины, только губы становятся большими, красными и вытягиваются наподобие клюва»; «*му шубун* может обращаться в животных, но губы при этом не изменяются» [9, с. 332 - 335]. *Муу шубуун* опасна для человека, может выступать в качестве духа болезни и людоеда. О ней существует любопытное представление. Такой несчастно погибшей дочери отец кладет в гроб огниво. Превратившись в *му шубун* она «под правой мышкой держит огниво, если отобрать у ней огниво, то она кричит: «смотри в руке», но смотреть не должно: если посмотреть, то огниво превратится в червей, а не посмотреть, то можно сделаться богатым» [Там же].

Зооморфными чертами также обладают наиболее злобные демоны и духи помощники.

Хищные «летающие монахини» представляются в образе зеленых гусей со здоровенными клювами и человеческими глазами [11, с. 78]. Они причиняют вред рыбакам, могут нападать, часто выклеивают глаза. О них говорится, что «это - водяная нечисть. Если принести им в жертву черную собаку и бросить сотканые из пятицветных нитей ленты, то они сами улетят. Сделали так - оказалось верно» [13, с. 319].

Рога, звериные морды, копыта, клыки, когти и другие звериные черты принадлежат демонам-служащим и грозным посланникам за человеческими душами владыки ада (*Эрлик-хан* в монгольской традиции, *Яньло-ван* в китайской) [2].

Некоторые шаманские *онгоны* и *заяны* имеют вид (или отдельные черты) орла, волка и медведя.

«Жил некогда знаменитый шаман Зонок-хажи, которого враги не могли сжечь на костре, убить мечами, пристрелить из лука и отрубить ему голову. Однажды он шаманил в течение девяти суток у горы Гурбан-Чибя, и во время камлания ему с неба выпал бронзовый нож...

Засим спустились к нему духи с орлиными клювами, крыльями на руках, разветвленными как у сарлыка рогами, но в человеческом образе. Эти духи очень опасны, их следует кормить мясом и поить молоком, что проделывается в случае заболевания людей и скота. Эти духи принимают пищу как птицы и поэтому называются *сороха онгот* («сосущие духи»)» [24, с. 48].

Зооморфными признаками обладает описанный выше *алмас*-дикий человек - *хара-хун* (черный человек) или *цасны-хун* (снежный человек, последний термин относительно недавний).

«Мохнатость» является отличительной чертой и китайских зловещих демонов *цзян-ши*.

«*Цзян-ши* по прошествии значительного времени обретают способность летать и более не скрываются в гробах. Тогда они покрываются белыми волосами длиной в чи [0,32 м] и даже больше, которые растут беспорядочно» [10, с. 247].

В некоторых случаях имеет место перенос таких демонических признаков на соприкасающихся с «нечистой» людей.

В одном из рассказов Юань Мэя полный набор зооморфных предметов (лошадиную голову, рога, копыта, хвост и т.д.) от разных демонов получает чиновник, насмехавшийся над «нечистой силой» и отрицавший сам факт ее существования.

В монгольской традиции существуют сюжеты, в которых сопричастность шаманов миру духов и миру природы получает предметное выражение.

В первом случае шаман, спустившийся живым в мир мертвых к *Эрлику* и пробывший там какое-то время, возвращается домой, но уже с рогами и копытами (уподобившись тамошним демонам).

В другом случае переходная роль шамана воплотилась в его практическом «прорастании»:

«Жага зарин жил лет 20 тому назад; он имел на правом плече кедр в 12 см, на левом - ель такой же величины. Эти деревья выросли из халата, а может быть из самих плечей этого шамана. Я их видел собственными глазами, - рассказывал мне один старый лама. Засим из его рта торчали четыре клыка: два - вверх, два - вниз, их я тоже видел лично. Однажды один дархат решил пощупать своими руками эти клыки, но они оказались настолько острыми, что он поранил себе руки, отчего он тотчас же скончался. Этот шаман был из рода хара-дархат (черные дархаты)» [24, с. 49].

Признак зооморфности тесно связан с функцией оборотничества, которой в той или иной форме обладает подавляющее большинство демонических существ.

При этом в традициях выделяется особая группа персонажей, для которых оборотничество является доминантным признаком, сущностью образа.

В китайском фольклоре оборотничество носит тотальный характер, трудно отыскать вещь, будь то объект живой или неживой природы, который в подходящем контексте не проявил бы своих способностей оборачиваться. Принимать человеческий образ и вступать в контакты с людьми могут старые деревья, камни, предметы быта, веник, колотушка, старый горшок, сломанная игрушка (неваляшка у Юань Мэя). Этим свойством обладают дикие (тигр, волк, лисица) и домашние животные (собака, осел, старая лошадь), птицы, рыбы, насекомые и рептилии. При этом китайское оборотничество имеет свои специфические черты (в сильной степени отличные от европейской и славянской традиций), заключающиеся в исходной природе и облике оборотня (зооморфной или предметной) и вторичности принимаемой ими человеческой личины. Второй особенностью является связь оборотнических способностей с возрастом, «старостью». Это связано с представлением о накоплении течением времени «жизненных сил» (ци), дающих предметам и животным «особые» способности [25], «старость» в некотором смысле оказывается магически осмысленной: оборачиваются многовековые деревья, старые животные (для лисы в традиции имеется целая временная классификация свойств) [18, с. 75-142], старые, сломанные, потерянные вещи.

В монгольской традиции представление о способности демонологических персонажей к оборотничеству проявляется в несколько иных формах.

Ведьма *шулмус* в народной традиции имеет способность оборачиваться красивой женщиной и волком.

«Однажды охотник взял с собой на охоту сына.

Сынишка, увидев скелет верблюда, сказал:

- Папа, папа! Как эти кости похожи на хребет нашей матери!

Отец обомлел. Он стал расспрашивать сына. Сын рассказал:

- Когда вас нет дома, мама высовывает свой медный клюв и начинает расчесывать волосы.

Охотник испугался.

- А откуда она берет молоко и мясо?

- Когда вы уходите на охоту, мама вертится на пепле и становится синим волком. Она надаивает из двух грудей молока и заваривает им чай» [16, информант Намжил].

Подобные сюжеты странным образом коррелируют с китайским мотивом о том, что монголы, чаще женщины, способны оборачиваться

волками. В одном из текстов Юань Мэя старуха-монголка, сгорбленная, со стрелой между лопаток и зелеными глазами оборачивается волком.

В народных представлениях *шолмос* является также демоном-людоедом: «*Шолмос* появляется, если человек съест печень умершего. Если простой человек съест печень умершего, то он станет *шолмосом*. Просто человеческая печень очень вкусная¹. Жил один человек с женой. Муж съел печень и стал *шолмосом*. Потом съел жену и ее печень... *Шолмосы* - это людоеды» [17, информант Хандсурэн].

Способностью принимать облик животных обладают шаманы и колдуны. В монгольском фольклоре в образе комолой (безрогой коровы) или бесхвостой свиньи появляются шаманки и колдуны и нападают на людей, которым предназначена скорая смерть. Демоническое существо *зыхэ* принимает то образ маленькой старушки, то мохнатого зверька, похожего на хорька, и ночью высасывает вымя дойной коровы, после чего оно опухает, прекращается приток молока и заболевает теленок [20, с. 103].

В монгольском фольклоре также функционирует демон-оборотень неживых предметов, вещей - *буг*. Им становятся старые, забытые или потерянные вещи. Образ этого демона и соотношение его с китайской традицией наводят на мысль о возможном заимствовании персонажа.

По своей природе, способность принимать облик других существ или предметов принадлежит духам в целом. Есть некоторые типы таких обликов, характерных для разных ситуаций. Духи могут принимать облик людей, знакомых или свой собственный (прижизненный), духи-болезни нередко предстают в виде насекомых или рептилий, а души живых людей могут покидать тело в виде мух и пчел.

Один из текстов повествует о том, что душа покинула тело мужа, превратившись в муху, и полетела на базар за вяленой рыбой. Вернувшись, душа мужа велела жене забрать с порога рыбу и приготовить. Повернувшись в сторону, где сидело сонное тело мужа, женщина подумала, что он над ней смеется и, наказав более не дурачиться, шлепнула мужа рыбой по макушке. Когда душа хотела вернуться в тело, ей мешал рыбий запах и жир, оставшийся на темени и закрывавший проход. Так муж и умер [10, с. 280].

¹ К печени в монгольской культуре существует особое отношение. Согласно традиционным представлениям, она является одним из вместилищ сущности существ, и ее поедание обеспечивает переход качеств поедаемого к поедающему. В современной Монголии молодые преуспевающие монголы практикуют поедание печени волка (по сообщению Л.Г. Скородумовой).

А вот монгольский рассказ с подобным сюжетом, закончившийся более благополучно:

«Два бурята жили в одной юрте; раз один из них заснул днем, другой же не спал; вот он видит, как из носа спящего товарища выползает пчела (или оса) и начинает летать в юрте, а потом вылетела на улицу. Заинтересованный этим явлением бурят также вышел на улицу, чтобы следить, что будет делать пчела. Пчела летала около юрты, а потом полетела далее и, наконец, залетела в какую-то нору, где и оставалась некоторое время; затем выползла из отверстия и полетела обратно в юрту, здесь она стала ползать по краю корыта с водой и как-то упала в воду; выползши с трудом из воды, она возвратилась в нос спящего товарища.

Проснувшийся товарищ рассказал, что он видел сон: «будто я выхожу на улицу и нахожу большую яму, в которой много серебра, а потом пошел по берегу моря и, оборвавшись с крутого берега, чуть не утонул, с трудом выбравшись на берег; с тем я и проснулся», так говорил спавший товарищ. Между тем его товарищ, заметивший нору, в которую входила душа спавшего (в виде пчелы), отыскал нору и нашел там много серебра» [9, с. 193-199].

Вариативность внешности духов семантически сочетается с представлением об их невидимости. Отсутствие облика порождает его многообразие.

«Невидимость» также является одним из очень важных в китайской и монгольской традициях признаков нечисти.

Он включает в себя представление о невидимости и бестелесности духов. Это представление имеет место и в китайской, и в монгольской традиции. Согласно поверьям, духи, не имея тела, проходя не оставляют следов на песке, не сминают траву проходя по ней², не отбрасывают тени, могут беспрепятственно проходить сквозь стены и двери, проникать в замочную скважину, просачиваться в любую щель, прятаться в ноздре у лошади, в складках одежды и ушах человека.

Эти представления в фольклорной традиции соединены с противоположными характеристиками и дают подчас неожиданные сочетания. Дух вездесущ и преодолевает любые преграды, при этом от него можно защититься щитом, поставленным перед входом (в китайских домах и буддийских храмах), конским потником, положенным перед входом в юрту, или загородить вход злому духу в юрту, сидя (на корточках) так, чтобы левое колено находилось напротив двери. Объясняется это тем, что духи,

² В китайской культуре подобным свойством «легкости» обладают также и некоторые священные мифические животные, например, цилинь.

при всех их способностях, могут ходить только по прямой и предпочитают в обычных ситуациях, подобно людям, входить в дверь, или могут увязаться за каким-нибудь человеком и прийти в дом, спрятавшись у него в сапоге или в складках одежды.

Бестелесность духов сочетается с представлением о том, что они могут «давить», от чего людям (во сне) становится жарко и тяжело дышать, а лошади потеют и быстрее устают.

Такова одна из разновидностей *боохолдоев* (в некоторых местных традициях муу *хунээн*), духа, обитающего дома и «присматривающего» или вредящего своим домочадцам. Подобное же «давление» и ночные кошмары испытывают плохие китайские хозяйки по ночам, а днем они могут столкнуться с тем, что пустое ведро или чан с лапшей весят непомерно много. Могут это быть и проделки «чужих», злых духов, забредших в дом, или случиться вне дома - в дороге, в лесу, поле, степи. «Бросают вещи в доме, дерутся, прячут вещи, ранят ножами коней путников, отрывают притороченные сумки, сгоняют в ненужное место скот, вопят, стаскивают одежду». Но иногда они «наносит» и большой вред, «уводя» за собой живых: «Намжил Весельчак после смерти „увел“ за собой 20-30 человек» [7, с. 28].

Часто, не желая расставаться со своими ближними, духи умерших могут причинять им вред: после смерти мужа, женщина занемогла. Каждый раз, когда она садилась за стол, дух сжимал ее горло, не давая ни есть, ни пить и кричал при этом: «не могу расстаться! Не могу расстаться!» Внешне духа не было видно, но он так сильно сжимал горло женщине, что на ее шее оставались синяки. Исправить ситуацию смог только старый друг покойного, пристыдивший духа [11, с. 63].

Не имея тела, духи испытывают боль. Поэтому их можно побить, поцарапать, отрубить что-нибудь или закупорить в какую-нибудь емкость. Подобное «избиение» духов и демонов является общим местом в китайских текстах.

В монгольской традиции это связано с представлением о боязни духов колючек, козлов (острые рога) и острых предметов (существует запрет на использование ножа, связанный с огнем, ибо им можно поранить или выколоть глаз духу огня *Галын-хану*, также острых и колючих предметов боятся демоны-*шулмусы*).

«Однажды ночью шел человек, имевший способность видеть духов и говорить с ними. Он встретил трех духов и присоединился к ним. По пути он узнает от них, что они идут за душой сына богача. Бурят просил, чтобы и его допустили они принять участие в охоте за душой; духи согласились. Дорогой духи

спрашивают, *«отчего их спутник (живой человек) так ходит, что мнется трава и шелестят под ногами сухие листья»*. Бурят говорит, что это от того, что он недавно помер и не умеет ходить. Духи поверили. Вот пришли они к богатому человеку: один встал у двери, другой у дымового отверстия, а третий вошел в юрту и заставил больного сына чихнуть; в это время его душа выскочила и хотела убежать, но стоявший у двери дух ее поймал и не выпустил, несмотря на плач души, а понес на руках. На обратном пути живой человек спрашивает духов: «Чего они всего более боятся на свете?». Духи отвечали, что они всего более на свете боятся *шиповника и боярки [боярышник]*. «А ты чего более боялся, когда был живой?» – спрашивают духи. «Я больше всего при жизни боялся жирного мяса», отвечает находчивый бурят. Духи поверили и на этот раз. Идут дальше. Только бурят и говорит духам: «Дайте мне душу, я понесу, вы устали». Духи дали ему пойманную душу. Встретив по дороге боярку и шиповник, бурят бросился туда вместе с душой и залег среди колючих кустов. Духи не могли даже близко подойти к боярышнику и шиповнику и тщетно пытались выгнать бурята из кустов; наконец, догадались и стали бросать в кусты жирное мясо. Бурят стал кричать: «Боюсь, боюсь!», а сам поедая мясо. Видя неудачу, духи ушли, а бурят вышел из кустов и возвратил душу больному, за что получил вознаграждение» [9, с. 396].

В традиции представление о невидимости духов и демонов (*чотгор, гуй*) сосуществует, как уже говорилось, с представлениями об их подчас весьма ярком облике. Так уже упоминавшиеся *шулам, алмас, туди*, духи огня и воды, духи-покровители онгоны (изображение онгонов – одна из главных составляющих их культа), обладающие собственным обликом, визуализированным в культуре (существуют изображения этих персонажей, служащих для различных целей), одновременно могут считаться и невидимыми. Это выступает как один из признаков принадлежности к потустороннему миру.

Человек, оказавшийся в мире духов, приобретает аналогичные функции и свойства духа. В приведенном ниже тексте человек обладает невидимостью и способностью без особых усилий, одной своей «демонической природой», причинять вред:

«Один человек попал через яму в Нижний мир, там был такой же айл [поселение], как и на земле. Вошел в юрту и сел на почетное место [хоймор], но людей [сначала] не видел и удивлялся, что никто не появляется, чтобы предложить ему угощение. На самом же деле

он был чутгуром для обитателей Нижнего мира – поэтому его никто не видел. Он удержал за руку ребенка, чуть не упавшего в кипящий котел, и у того рука в месте прикосновения тут же распухла. Обитатели Нижнего мира позвали своего шамана (чтобы выдворить непрошенного «духа»)…» [16, информанты Оюун и Хубилай] (этот сюжет имеет многочисленные параллели в фольклоре других сибирских народов, см., например; [8, с. 34 - 37]).

В китайской традиции также имеет место сюжет попадания живого человека в мир духов и обретение им опасных для местных жителей свойства демона *гуй*. Чтобы обезвредить «человека-демона», духи собираются и с громким шумом и криками сначала выдворяют перепуганного человека за ворота города, затем кладут его в гроб, совершают подобие похоронного ритуала и вперед ногами вносят через ворота обратно [13; 1].

Способностью видеть духов часто обладают только магические специалисты (монгольские ламы и шаманы, китайские буддийские и даосские монахи, колдуны и шаманы) и некоторые особенные категории людей и животных: собака с рыжими пятнами над глазами (у монголов) и «очками» (у китайцев), дети до трех лет, люди в особом состоянии, «приближенном» к миру духов, тяжело болеющие, близкие к смерти и т.д.

«Я думаю, что нельзя стараться увидеть чутгура. Чутгура может увидеть только человек, у которого иссякла жизненная сила, у кого есть какая-то червоточина. А тот, у кого все в порядке, кто полон жизни и здоров, тот увидеть чутгура не может»; «Когда с человеком что-то не то, он видит всякие дурные вещи. А с кем ничего не случилось, тот ничего не видит» [7, с. 28].

Впрочем, в таком «незримом» облике духи и демоны продолжают выступать как активные персонажи:

- У Гимпэл-гуая завелись чутгуры.

- А что там происходит?

- Сегодня там творилось что-то странное.

Гэмпэл-гуай принес в юрту кусок замороженного бараньего мяса, чтобы он оттаял. Положил на ящик слева. Вдруг нога от этого куска отодралась и упала на пол. Он поднял её и снова положил на ящик. Тогда она прыгнула на правую стенку и упала, как будто её кто-то бросил, а никого не видно. Потом нож, которым старик режет мясо, когда ест, тоже прыгнул и прямо по рукоятку вошел в эту баранью ногу. Вот, что там творится.

- Врёшь. Не сходи с ума.

- Правда. Я сам видел. Мы с ним вышли из юрты. Смотрим, у юрты Гимпэл-гуая собралось много народу. Мы подошли ближе. Юрта ходуном

ходит. Как будто кто-то тянет её за перевязь, сжимает стенки. Юрта то вытягивается вверх, а то опадает. Шум внутри такой, будто там кто-то все кидает: тур-тар. Жамъянданзан говорит:

- Пошли войдём.

Я побоялся и остался. У меня дети болели, поэтому я не пошёл.

Назавтра я возвращался к себе из гостей и шел как раз мимо юрты Гимпэл-гуая. Смотрю - над землей летит кусок войлока величиной с кошму для тоно³. Я ещё подумал, что человека, который нёс бы её, не видно. Войлок долетел до юрты Гимпэл-гуая и заткнулся за её перевязь. И никого. Я удивился и пошёл домой подальше от этой юрты. Это - то, что я сам видел своими глазами. Да, и ещё одно видел. Все у нас стали говорить, что у Гимпэла завелись чутгуры. Что они разорвали четки Гимпэл-гуая и рассыпали их. Я к ним, вообще-то, не ходил. Но приходит ко мне как-то мой приятель Гэлэгпунцаг. Он был ламой, но хорошо боролся. Говорит, пойдем зайдем к Гимпэл-гуаю. Я не очень хотел идти, но было всё же любопытно, поэтому не сказал ни да, ни нет. Гэлэгпунцаг потащил меня силой, мы зашли в пристройку у дверей в юрту Гимпэл-гуая. Гэлэгпунцаг вошёл в юрту первым. Я - после него. Я ещё двери не успел закрыть, вижу - старик сидит в задней части юрты, как будто ничего не замечает, а с очага подпрыгнул топор и полетел в правую стенку. Я попятился и вышел, в это время ещё что-то с шумом пролетело. Гэлэгпунцаг выскочил, потирая плечо. «Чуть было спину не проломило», - говорит. Оказывается, топор потом врезался в спину Гэлэгпунцагу» [7, с. 28-29].

Одним из результатов гетерогенности персонажа, вариативности его амплуа (отчасти связанной с полисемантизмом признаков персонажа) является частичная функциональная синонимия различных персонажей внутри традиции, пересечение их семантических полей. Так покровители местности (монг. *лус-савдак*, кит. *чэн-хуаны* и *туди*) могут одновременно выступать в функции духов болезни, духов-помощников, зловредных демонов. А самые злобные и опасные призраки и демоны-людоеды (монг. *ада*, муу *боохолдой*, китайские *цзян ши*, *сюн*, *шань-хэшань* и *хай-хэшань* (горные и морские монахи) [13, с. 94; 13, с. 165; 13, с. 304; 13, с. 382; 5, с. 10] становятся домашними духами, покровителями местности, духами-помощниками.

Синонимия или смежность образов персонажей нередко может отражаться на языковом уровне, в образовании двойных имен - *шулмус-мангус*, *лус-савдак*, *зэтгэр-чотгор*. А само название демона может отражать его специализацию или характеристики (например, дух оспы у бурят, *вэнь*

гуй-дух эпидемий), *зэтгэр* («помеха, препятствие»). Характеристики персонажа проявляются и в эпитетах к нему, которые выступают в тексте как часть его имени. Эпитет «бестолковый» (*эргуу*), встречаемый в тексте по отношению к *мангасу* может быть сопоставим «с идеей кругообразного движения, очевидно в основе своей неосмысленного и хаотического, семантически сопоставим эпитет «бестолковый» (*эргуу*), тем же словом (*эргуу*) называется и заболевание скота (вертячка, веретеница), при котором животные начинают двигаться беспорядочными кругами» [21, с. 115 - 119].

Частичная синонимия персонажей в фольклорной традиции обусловлена представлением о единой сущности этих существ, стоящих в оппозиции к миру людей, что также получило отражение на языковом уровне.

В большей степени это становится видно при обращении к таким категориям, как «чотгор» (у монголов) и «гуй» (у китайцев). Они включают набор смыслов, среди которых определения разного уровня: дух как общевидовая категория - не человек; дух, призрак умершего - не живой; общее обозначение злых духов, заключающее оппозицию - что не «бурхан» (бог), то *чотгор*, что не *шэнь* (дух, божество), то *гуй*; название конкретного злого духа, демона.

Чотгор - злой дух, не умеющий четких очертаний, а потому могущий принимать самые разные облики, от человеческих (лама-*чотгор*), до неопределенных, бесформенных (что-то черное налетело на меня, стали драться) [16, информант Дуламноргим]. *Чотгором* называется и дух умершего, и душа шамана, покидающая его тело при камлании, и шаманский дух-помощник, и дух местности, и многочисленные злые демоны (*иолмос*, *буг*, *ад*, *мам*, *алмас*, *мангас*, *дзэдгэр*, *туйдгэр*, *тодгор*; о них см. подробнее [22; 23]).

Гуй - древний знак. Первоначально, как полагают, означал «человека с непомерно большой головой» [14, с. 47]. Второй элемент иероглифа («галочка» внизу) первоначально значил «вред, причиняемый разбойниками» [27, с. 564].

«Гуй» имеет следующие словарные значения, отражающие его полисемантическую функцию в культуре: душа умершего, умерший, принадлежащий умершему; душа предка, местное низшее божество (шань-гуй, шуи-гуй - горные и водные духи); оборотень, привидение, нечистая сила; злой дух, черт, бес, демон, дьявольский, чертов; синонимия образов демонологических персонажей нередко уживается в фольклорной традиции с представлением о дуальности мира духов.

«Хорошие покойники» - духи-хозяева, божества-покровители, их функции пересекают,

³ Верхнее отверстие в юрте, через которое выходит дым от очага. На ночь покрывается куском войлока.

образы смешаны, а иногда неразделимы, синонимичны. Действия могут носить амбивалентный характер, но часто получать иную интерпретацию - заслуженного «возмездия», установления справедливости, приобретают почти «воспитательные» характер. «Плохие покойники» - чужие, умершие дурной или трагической смертью, ассоциируются с опасностью, часто выступают в роли вредителей. При этом в отдельных локальных культурах, например у бурят, существует представление об исходной дуальности мира «нелюдей»: высшие (тенгерины) и низшие (духи местности - хаты, покровители и помощники - заяны, онгот) делятся по принадлежности к стороне света на благожелательных к людям (божества западной, «хорошей» стороны) и неблагоприятных, опасных (божества восточной, «дурной» стороны). При этом те и другие ведут постоянную борьбу. «Плохие покойники», также являющиеся духами местности (но уже «дурной местности», проклятого места), направлены на человека с определенными целями (замещения, возмездия, поедания в конце концов; особое внимание демонологических персонажей нередко бывает направлено на детей, молодых женщин, мужчин). «Нейтральные», проявляющиеся при случайном соприкосновении (в этом случае могущие нести различные последствия) - пространство «потустороннего мира» (которое, как известно, не отделено четко от мира людей и может оказаться поблизости в любой момент), на который случайно натывается человек.

Облик демона нередко отражает его характер и принадлежность к той или иной группе фольклорных персонажей, связан с его функциональными и семантическими особенностями. Вариант облика персонажа обусловлен его функциями и контекстом, актуализированным конкретным текстом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Опубликованные:

1. Ван Янь. Вести из потустороннего мира / пер., прим. и послесл. М.Е. Ермакова. СПб., 1993.
2. Видения буддийского ада / пер. А.Г. Сазыкина. СПб., 2004.
3. Гань Бао. Записки о поисках духов. СПб., 1994.
4. Гэ Хун. Баопу-цзы / пер. Е.А. Торчинова. СПб., 1999.
5. Миньсу. Т. 4. Шанхай, 1983.
6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб., 1883.
7. Рассказы о демонах-чутгурах из записей Ц. Дамдинсурэна / предисл., публ. и прим. А.Д. Цендиной // Живая старина. М., 2008. № 3. С. 27–30.

8. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / сост. Г.М. Василевич. М., 1936.

9. Хангалов М.Н. Собр. соч. Т. 2. Улан-Удэ, 1959.

10. Цзи Юнь. Записи из хижины «Великое в малом». СПб., 2003.

11. Чжунго гуй гуши. Пекин, 2001.

12. Чжунго гуйхуа. Шанхай, 1991.

13. Юань Мэй. Новые записи Ци Се. М., 1977.

14. Юэ Чжай. Цзы юань. Шанхай, 1953.

Неопубликованные:

15. Калмыцкая сказка о старике и черепахе (записала Т.Г. Борджанова от Т.М. Тягиновой).

16. Материалы российско-монгольской фольклорной экспедиции 2006 г. (А.С. Архипова, Б. Дайриймаа, А.В. Козьмин, С.Ю. Неклюдов [руководитель], Р. Чултэмсурэн, И. Санжааханд). Убурхангайский аймак (сомоны Худжирт, Дзунбаян-Улан, Улдзийт, Дзуйл); в рамках проекта «Фольклорный ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе», РГНФ - МинОКН Монголии, 06-01-91916 е/Г, 2006.

17. Материалы российско-монгольской фольклорной экспедиции 2007 г. (А.С. Архипова, А.В. Козьмин, С.Ю. Неклюдов [руководитель], А.А. Соловьева, Д. Дорж, И. Санжааханд). Хубсугульский и Булганский аймаки; в рамках проекта «Монгольские мифологические традиции: ареальный и сравнительно-типологический ракурсы», РГНФ - МинОКН Монголии, 07-01-92070 е/Г, 2007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

18. Гроот Я. де. Демонология древнего Китая. СПб., 2000.

19. Гроот Я. де. Война с демонами и обряды экзорцизма в древнем Китае. СПб., 2001.

20. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978.

21. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Наука, 1984. С. 115-119.

22. Неклюдов С.Ю. Экскурсы в область монгольской демонологии: автокомментарий эпического сказителя // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике: памяти А.Н. Журина. М., 1994. С. 262–268.

23. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология: от народных верований к литературе. М., 1998. С. 6–43.

24. Санжеев Г.Д. Дархаты: этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1930.

25. Maspero H. Le taoisme et les religions chinoises. Paris, 1977.

Справочные издания:

26. Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И.М. Ошанина. М., 1984. Т. 3.

27. Канси-но чиген. Токио, 1975.

МОНГОЛ ОРНЫ ХУТАГТ ХУВИЛГААДЫН ТУХАЙ ЭРГЭЦҮҮЛЭН ӨГҮҮЛЭХ НЬ (РАЗМЫШЛЕНИЯ О ХУБИЛАНХ МОНГОЛИИ)

М.С. Улзий

В статье автор рассматривает историю проникновения и развития буддизма в Монголии, проводит параллели отличий тибетского и монгольского буддизма. Автор дает распространенное определение термину «хутагт».

Ключевые слова: *Хутагт хувилгад, Монголия, религия, буддизм, происхождение.*

In the article the author considers the history of penetration and development of Buddhism in Mongolia and draws parallels of differences in the Tibetan and the Mongolian Buddhism. The author gives widespread definition of the term “khutagt”. “Khutagt” is a religious title granted to reincarnate lamas in recognition of their spiritual qualities. “Khubilgaan” is the Mongolian translation of the Tibetan term “sprul sku” and signifies the reincarnate manifestation “per se”.

Keywords: *Khutagt Khubilgaan, Mongolia, religion, Buddhism, development.*

Монгол орон дахь хутагт хувилгаадын үүсэл хөгжилийн тойм

Монголын нийгэмд хутагт хувилгаан гэх тусгай нэрийдэл эртнээс буй болохгүй нь мэдээж юм. Эртний монголчуудын ухамсар, танил таавурын хэр хэм дорой буурай бүхэнд үзэл бодол, ухаа санаагийнх нь эзэмдэн жолоодож, зүүд зэргэлээд нь тайлбар өгч, сүнс сүлдийнхэн сахиул болж, гай барчидыг арилган, чөтгөр шулмаст нь халх дарлаг болх ба цаашилвал тэнгэр газар уул усныхан эзэд сахиулсантай ямар нэгэн зам мөрөөр харьцаа холбоо гаргаж, санаа оноогоо хувилгаж чаддаг байсан тэрхүү онцгой үүрэг тушаалтаныг бөө удган хэмээн бөөрөнхийлөн нэрлэдэг байсныг бид мэднэ. Тэрхүү гартаа тал хэнгэрэг атгаж, биедээ нь гэгээн толь зааж, амнаасаа амьтанд мэдэгдэхгүй ая гаргасан, тэнгэр газар, эзэд сахиулсан хийгээд хүн төрөлхтөний хооронд хэл ул зулгуулдаг галзуу согтуу шинжтэй хүмүүс чухам хэзээгээс бий болсон нь тодорхойгүй боловч билиг ухаан, биелэл хөдөлгөөн үргэлжилүүлсээр байсан бөө удганы тухай тэмдэглэл «Монголын нууц товчоон» жишээ түүнээс нэлээд сүүлийн үеийн сурвалж бичгүүдэд бүр гарч байсан юм. Зүүднээ тайлбарлаж Тэмүүжин Бөртэ Үжинтэй ураг холбосон Дай Сэчэн, заарины төрхийг шинжиж Тэмүүжин улсын эзэн болохыг зөгнэсэн Хорчи Хүйтэний хатгалдаанд эд хэрэглэсэн Буйраг хан, Худуг хоёр, Байрны Усун өвгөнийг бэх өргөмжилөөд цагаан дээл өмсгөж, цагаан морь унуулж дээр суудалд суулгаж он сар үзүүлэх болгосон, мөнх тэнгэрийн зарлиг, хан заарины өгүүллийг мэддэг Хөхэчү гэв тэнгэр хирээ мэдэхгүй аашилж ам алдсан, Өгөөдэй хан өвчлөн ам хэл алдран алжаахад бөө бөөлүүлж төлөг төлөгдүүлэн, Тулуйг золиосонд гаргасан (272) гэхчилэн дурдагдах зүйлст ямар нэгэн бодит бөө удганы бараа сүүдэр буюу аль эсхүл тэдний зан үйлийн онцгой ийм тэмдэг тодрон байгаа нь илэрхий.

«Монголын нууц товчоо»-ны үе хүртлэх бөө удган нь ерийн хүмүүсээс зөн совин, үйл чадавхи

хэмээх хоёр талаар онцгойг байсан шинжтэй. Тэд нар байгаль орчны хувьсал хийгээд шидсэн хүний биед тохиох янз бүрийн хувьслыг ямар нэгэн хэмжээнд урьдчилан бэлгэддэг ой совин, байгаль орчны гай барчид, гамшиг, зудаас шалтгалаж хүн амьтанд нөлөөлсөн өвчин зовлон, үхэл сүйдлийг ямар нэгэн хэмжээнд ангаан домнож, алгасхин тайвшируулж чаддаг чадвараараа тухайн нийгэмийн хүмүүст өргөн хүндлэгдэж байсан нь өргөмжлөн тахигдах хэмжээнд хүрсэн байжээ. Хамаг Монголын язгуур шүтлэгийн чухал нэгэн гишүүн болсон төдийгүй хамаг шүтээний тахил тавиглалын аливан зан үйлийг эзэгнэн гүйцэтгэх үүрэг хариуцлага, тусгай тушаалтан болсон бөө удганууд, хожим нь бурхан шашны соёлын ширүүн дайралтад учирснаар итгэл хүндийг алдаж байр суур нь булаагдах хувь тавиланд зайлшгүй тулгарчээ. Түмэд Алтан хаан төвдийн Содномжамцтай Хөхнуурын Чавчаалд болсон уулзалт дээр тунхагласан төр шашныг тэтгэн хөгжүүлэх цаазын бичигт бөө удганыг гадуурхан үйл ажиллагааг нь хязгаарлаж, бурхан шашныг эрхэмлэн тахиж лам хуврагыг хүндэтгэн дээдлэх чиглэлтэй дурдлага нуудыг гаргасан байжээ. Түүний тухай «Эрдэний товчоо»-нд «тэдний бүгд хамгийг мэдэгч. Алтан хаан хоёр эхлэн. Түйд эхэл, хад, харлигууд, хотлоор зөвшөөн, урьд Монголын улс хүн үхвээс, чинээ чинээгээрээ тэмээ мориог алж, Хойлог хэмээн хамт булах бөлөө. Өдгөө түүнийг тэтчиж чинээ чинээгээрээ, номын зүгт зоригтугай» гэж тэмдэглэсэн байхад, «Алтан хааны тууж»-д «гайхамшигт номын Алтан хаан эхлэн хотол бүгдээрээ сүсэг бишрэлийг үүсгэж бүрин, гадаад онгод цэлигүүдийн эндүүрсэнийг түймэрдээд, гань мунхаг бөө удганыг дуруйдуулын устгаж, гавиат дээд номын төрийг хив зангиа мэт болгож» хэмээн тэмдэглэсэн зүйлс буй.

Эхний тэмдэглэлд үхэж өнгөрсөн хүний хойдох оршуулга тавилганы ажиллагаанд олон тооны амь хороож байсан хэрцгий балмад үйлс хориглогдож, хойдох тэмдэглэлд монголчуудын уламжлалт

шүтлэг онгод цэлэг, бөө удган цаажлагдах болоод, харьцангуйгаар боловсон, энэрэнгүй бурхан номын ёсоор орлогджээ. Түүнээс хойш Монгол оронд гэрээс гаран бурхан номын мөрийг хөөж тангууд Төвдэд очоод сахил санваар авч лам хуврага болоод, бурхан бодисадвыг шүтэн, лам хуврагыг дагаж, ном сударт хийж, сонсон бясалгах эрдэмээр хэдийдэгсэд, Монгол орондоо буцаж ирээд бурхан шашныг дэлгэрүүлэх ажиллагаанд насан турш зүтгэгсэд цолгорон гарчээ. Тэдний дотроос Өвөр монгол оронд ирсэн Найжи тойн, Дөрвөн ойрдод очсон Зая бандид, Халх оронд хүрсэн Жавзандамба нарын бурхан шашин дэлгэрүүлэх үйл ажиллагаанд харшилж байсан монголын хуучин зөрчил бөө мөргөл, онгод тахилга адил бус хэмжээгээр цохилт олсон байна.

Түүгээр зогсохгүй, бурхан шашны номлолд идэвхийлэн орсон монголын ноёд дээдэс хийгээд шашны зүтгэлтэдийн оролцоотой шийдвэрлэн тогтоосон «Ойрд цааз», «Халх журам» мэтийн хууль цаазын бичигт бурхан шашныг төрийн шашинаар дээдэлж, тэдний ашиг тусыг харж хамгаалахаар тунхаглахын хамт бөө удганы үйл ажиллагаа бүрмөсөн чандлан хориглосон байна. Монголчуудын язгуур шүтлэгийн байр суурь, сүр хүч ингэж шахагдан суларч, явах замгүй балран сүйрч бүхийд шинээр мандсан шашин яваандаа нь монгол хүмүүсийн оюун ухааныг хүчтэй эзэмдэн, сүр сүлд, сүнс сахиусынхан өмөг түшиг болж эхэлжээ.

Төвд уламжилалт бурхан шашны зохион байгуулалд хамрагдсан лам хуваргын эгнээнд «хутагт» хэмээх нэгэн тусгай нэрийдэл бий. Тэр нэрийдэл бурхан шашин Энэтхэг оронд эхлэн дэлгэрхэд байгаагүй бөгөөд тэндээс Төвд оронд уламжилсан эхний үед ч байгаагүй юм. «Хутагт» гэдэг үг төвд монголын бурхан шашны ухаанд, сүм хийдэд орон, энгийн лам хуврагаас хэдэйдсэн ер бусын илрэл гарал бүхий онцгой байр суурь, тусгай эрх мэдэлтэй хүнд хэрэглэгдэнэ. Түүнтэй адилавар хэрэглэгдэх үгсэд бас хувилгаан, гэгээн, шатран гэж гарна. Шашин номын ухаанд гарах «хутагт» гэдэг үгийн хамгийн энгийн тайлбар нь хувилгаан – өмнөх төрлийн онцгой лам хуврагийн насан хутаг төгс, нирван дүр үзүүлсэн хойно түүний бие төрх, сүг сүнс хойдох хэд хэдэн хүний бие дээр амилал олж дахин төрж тодорсоноор тайлбарлагдана.

Бурхан шашны номлолд энэхүү шашныг үүсгэн байгуулагч Шагжамуныг бодит хүн байснаар өгүүлэхээс гадна түүнийг бас номын бие, төгс жаргалангийн бие хийгээд хувилгаан биетэй гэж өгүүлдэг билээ. «Мэргэд гарахын орон»-д тэмдэглэснээр «номын хаан бурхан ялж төгс өнцсөн цогт ялгасан Шагжамуни хэмээн яруу алдараар гурван ертөнц дагина тийн бөгөөд дүүргэсэн мөн тэр бэр. Ямагт ба бүрний тулд дээдээр сэтгэлийг үүсгэн. Гурван асанги галавд үйлдэхүй бэрх ахуй их буян ба билэг билгийн чуулганыг хорьж зузаан зохиолд аганистагийн оронд дээргүй билэг билгийн аршаа-

ны манлай хутагийг олоод төгс жаргалангийн биеийг илт болгоно. Мөнхүү тэр гашана зуун хөлтэй тоотон ертөнцийн оронд хувилгаан биеийн тийн цэнгэлд дөшдийн орноос зүүтгэх түргүүтэн олон зүйл арван хоёр зохиолыг хамт нэгэн үзүүлэн зохиосон...» гэж Шагжамунийн хувьд, төгс жаргалангийн бие хийгээд хувилгаан биеийн нэрийдэл хэмээн гарна. Төгс жаргалангийн бие гэдэг нь Шагжамунийн төрлийн үеийг өгүүлсэн бурхан шашны номлолд түүний өмнөх төрлийг бодисадва байснаас хувилан төрсөн гэх буюу тэр нь ямар нэгэн хүн амьтанд хувилж байсныгаа ер бусын дэмбэрэл, хувь тавилангаас бурхан биеэр тодрох мэтчилэн яригдана. Тэрчлэн бурхан Шагжамунийн биеийг «мөн чанарын бие, билэг билгийн номын бие, махбодийн бие», «номын бие, эдлэх бие, хувилгаан бие» гэж гурван янз буюу «хувилгаан бие, хувилгаан бие, мөн чанарын бие, бэлэг билгийн номын бие» гэж дөрвөн янзаар нэрлэх тохиолдол зөндөө харагдана. Тиймдээ Шагжамунийн махбодийн бие нь хэдийгээр таалал төгсч нирван дүр үзүүлсэн атал түүнээр харин мөн чанарын дүр буюу хувилгаан дүрээр илрэн шүтээнүүддээ үргэлжлэн их хүлгэний ном сургаал хайрласнаар өгүүлэгддэг учиртай. Дээрх өгүүлэлээс ажихад «хувилгаан» гэдэг үгэнд нэг биеийн амь нөгөө нэгэн биед ер бусийн хэлбэрээр шилжин, хувилан төрж болох гэсэн санаа харин аль эртнээс нуугдаж байсан ажээ.

Төвдийн шашинд «хутагт» гэдэг монгол үг хэрэглэгдэхээс өмнө, монгол үгийн «хувилгаан» гэдэгтэй утга нэгтэй «бүрилва» буюу «бүрилва бие» гэдэг үг нэлээд эртнээс хэрэглэгдэж байсан юм. Тэрхүү тусгай нэрийдэл нь бурхан багш, бодисадва нарт нийгэм чанартай зориулагдан хэрэглэгдэж байснаасаа арай нарийсан төвдийн шашны зүтгэлтэнд онц зорилттой хэрэглэгдэх болсон нь түвдийн шашны хожуу дэлгэрэлтийн үед тохиолдоно. Түүний тухай төвдийн Ринбүчий Дунгар Лувсанпэрэнлэйгээр «шашны урсгалын тухай өгүүлэл» хэмээх туурвилдаа тодорхой тэмдэглэжээ. Түүний өгүүлэхээр Төвдэд ламын дахин төрөл олсныг тодлох ёс нь XIII-дугаар зууны сүүлчээр буй болжээ, Суранзанганвугийн үеэс анх дэлгэрэлтэй төвдийн бурхан шашинд ерээс тийм ёс нь тавдугаар равжуны гал гахай жил болтол байгаагүй. Тэр үе Энэтхэгээс Төвдэд ирж шашин дэлгэрүүлсэн их багш Бадамжуннай, их хамба Бодхисхва, Жуу Адиша болон Төвд оронд цолгорсон Юдуг Ёндонжамц, Ринчинсамбуу, Марба, Миларигба гэх нэрт хүмүүст дараа төрлийг нь тодолсон явдал ер байгаагүй. Харин «төвдийн тавдугаар равжуны усан хонин жил Гармаа багш (Гармаба цагаан малгайт хоёрдугаар дүр, багш гэх монгол үг, лам гэсэн утгатай) бие эцэслэж түүний дараа жил модон мичин жил Гарамба Ренчиндорж (Гармаба хар малгайтны гудгаар дүр) мэндлээд таван нас хүрэх шороо хулгана жилд нь, Гармаба багшийн шавь бөтөөлч Узайнба Ринчинбалаар Гармаба Рин-

чиндоржийг сая Гармаа багшийн дахин тодорсон дүрээр тодлон таниад Цүрб хийдэд ширээн залсан нь Төвдэд гарсан ламын дараа төрлийг тодлон тогтоохын анхдагч ажиллагаа болсон бөгөөд түүнээс хойш төвдийн бусад шашны бүлгүүдэд бас тэр ёс дараалан тархсан байна» гэжээ. Өөр нэгэн төвд эрдэмтэн Шинса Галсанцойжжалцаны туурвисан «төвд монгол шашны гарлаг»-д, төвдийн шашинд Гажидбагийн бүлэгт нь дотроо нь бас дөрвөн том найман жижиг салбарлал бий. Түүний доторхи Гармаа гажид болбол хослошгүй Дагва Ринбүчийгийн шавь Гармадуйсумкайнбаас эхлэн алдаршсан юм. Түүний үйлсийг олон шавь нарынхан дотроос Бумцагбагийн шавь байсан Гармаа багш хэмээн залгамжилжээ. «Хоёрдахь дүрийн Гармаа багш доод Амдогийн Лайзагт гэдэг газар төржээ. Дараань Вэй оронд Бумчагба тэргүүтэн олон мэргэдээс уншлага хичээл хийгээд уддисын зүйлсийг олонт сонсож, бясалгал үйлдсэнээр илт ухаарсан байжээ.

Тэрээр Цүрб хийдэд сууж байхдаа арван зургаан бодь номлол зохиожээ. Хятад Монгол оронд очоод олон бүхний алдар гайхамшигт рид шидийг гурвантаа үзүүлсэн бөгөөд тангууд Кахьгийн оронд сүм хийд, шашны сургууль байгуулсан байна. Тэрээр Мөнх хааны Диширээр хүндлэгдэж Гармаа багшийн цол хүртжээ. Жинхэнэ алдар нь Чойжи лам гэдэг байсан юм. Алтан эмжээртэй, ажлын хар малгай хүргэгдсэн болохоор хар малгайт Гармаа гэж алдаршижээ. Хожим Монголоос Вэй орондоо нь очоод таалал болох үед өөрийн багш Луусын Бүтээлч Ужайбад, Ладойдын орноос минь залгамж хувилгаан бие тодрох тул минь хийсэн зөгнөлөөр түүнийг ширээнд суулган тэдгэмжилж, ялгасны орныг эзлүүл хэмээн захиад өнгөрчээ.

Хожим нь Ладойд орноос ирсэн нэгэн бяцхан билэг сайтай хөвгүүн тэрээр, өөрийгөө Гармаба мөн хэмээн тодлон ярьсан бөгөөд итгэлтэй үгсийг олон гарган өгүүлсэн болохоор Гармаа багшийн хувилгаанаар тодлогджээ. Тэгээд гуравдугаар дүрээр ширээнд залагдаж нэрийг нь Ренчиндорж хэмээн айлдав. Энэ бол Төвд оронд хувилгаан бие гарсны түрүүн юм» гэж байв. Дээр ишилсэн хоёр хэллэгийг ерөнхий өгүүлвэл: Төвдэд гарсан шашны бүлэгтэнээс Гажидбагийн бүлэгийг алдаршуулсан Гармадуйсумкайнбагийн шавь Чойж хэмээгч лам Монгол оронд очоод ном тавьж, Мөнх хааны хүндлэлийг олж Гармаа багш хэмээн цоллогдож, алтан эмжээртэй хар малгайгаар шагнагдсан байна. Түүнийг таалал болсон хойно номын үйлсийг нь залгамжилсан Ренчиндоржийг дараа төрөл нь хэмээн тодолсоноос эхэлж, хувилгаан тодлох үзэгдэл гарч, залгаагаар бусад бүлэгтэнд ч хэрэглэгдэх болсон байна. Хамгийн анхны хувилгааныг тодолход төрийн тэргүүн буюу шашны тэргүүн бус, өмнө дүрийн хүнтэй багш шавийн барилдлагатай хүний дурдлага, эсхүл өмнө дүрийн хүн өөрийн залгамжийн тухай болсон бэлэг зөгнөл чухал үйлдэл гаргадаг байсан нь ажиглагдана. Төвд шашны түүхэнд

хүмүүс Гармадуйсумкайнба жич шавь Чойж ламыг Гармабагийн эхний хоёр дүрээр нэрлэн заншиж, гуравдугаар дүр Ренчиндоржоос хойдох Гармабагийн хувилгааныг дөрөвдүгээр дүр Рулбайдорж, тавдугаар дүр Дайшинсайгба, зургаадугаар дүр Дунвадундан, долдугаар дүр Чойрагжамц, наймдугаар дүр Мижиддорж, есдүгээр дүр Ванчигдорж, аравдугаар дүр Чойндорж, арван нэгдүгээр дүр Ишдорж, арван хоёрдугаар дүр Чанчувдорж, арван гуравдугаар дүр Тойдолдорж, арван дөрөвдүгээр дүр Дайгчогдорж, арван тавдугаар дүр Кэкэвдорж, арван зургаадугаар дүр Ринчунригвайдорж, арван долоодугаар дүр Үжинпэрэнлэйчог гэж алдаршуулан нэрлэдэг юм. Гармаа гажид дотроо хар, улаан малгайт гэж хоёр хуваагдана. Улаан малгайт нь түүхэндээ арван дүр уламжлагджээ.

Монгол оронд бурхан шашин дэлгэрэхээс өмнө «хутагт» гэдэг үг монгол сурвалжид хэрэглэгдэж байсан нь «Монголын нууц товчоо», «Хуа и и ю бичиг»-т Нанду хутаг, Өлзий хутаг, Өлзийт хутагт гэхчилэн гарна. Харин түүнийг шашны өнгө будаг хадагдаж эхлэсэн нь Хубилай хааны үетэй холбогдож байна. Нэгэн төвд ном «Төвд монгол шашны гарлага»-д тэмдэглэснээр «Хаанаар гучин зургаатай Пагбагаас дахин авшиг авхуйдаа Минагийн Залгууд хэмээгчээр хааны хэрэглэдэг шилэн лонх үйлдүүлж, огторгуйн доор, газрын дээр, жагар тэнгэр хөвгүүн, хувилсан бурхан, үсэг зохиогч, улсын хилийг түвшитгэсэн хүний орон дахь таван ухааны бандид Пагба Дишири хэмээн цол соёрхов. Хожим хутагт хэмээн цол өгсөн нь ч тэр үед түгэн тархсан юм» гэжээ. Мөн тэмдэглэлд Хубилай хаан Пагбагаас ном сонсож авшиг аваад харихад нь цол миндаг хайрлахдаа түүнийг Энэтхэгээс үүсэлтэй бурхан шашин хийгээд бурхан шашныг үүсгэгч хүнтэй бодож хувилгаан Бүрилва гэж үзсэн бөгөөд Пагба хэмээх төвд үгийн алдар цолуудаас хутагт, богд гэсэн утга байгааг харгалзсан нь илэрхий байна. «Хутагт» гэдэг үгийг Пагба ламд эхлэж хэрэглэснээс шашны өнгөтэй болсоныг гэрчлэх хажуугийн нэгэн жишээ нь «Алтан хааны тууж»-д «Хубилай сэцэн хаан хэмээн алдаршсан богд, хутагт Пагсба ламыг залж ирүүлээд, хотол судар тарни тэргүүтнийг уйгар аялгаар орчуулаад» гэж тэмдэглэснээс мэдэгдэнэ. Хэрэв тэр үед «хутагт» гэдэг үг төдий л идэвхтэй хэрэглэгдэхгүй байсан ба хэрэглэгдэхдээ голдуу хутаг билэг, өлзий хутаг хэмээн оюун ухаан, суу билэгтэнийг тодотгож байсан нь хожмын үе ялангуяа шашны сурвалжид хүндэт ихэс ламын байр суурь жич тэдний дахин амиласныг анхааралдаа авч үзэхгүй бол болохгүй буюу.

Бурхан шашин Монгол оронд анх эхлэн орж ирэх үе бурхан бодисадва, ном судар, сахил санваар, өргөл тахилгын үйл ажилагааг биечлэн сурталчилж, хүчлэн ухаарч байгааг лам, багш, улсын багш, хааны багш гэхчилэн хүндэтгэн дээдэлж, өргөмжлөн шүтэж байсан боловч тэр үед тэдгээр хүмүүсийг насан эцэслэж таалал төгсөхөд дараа

төрөл нь хэзээ, хаана, хэнд яаж тодрон мэндэлээд өмнөх хүнийхэн үйлийг хэрхэн залгамжилан гэдэг санаа оноо нийгэм нийтэд үүсэл байжээ. Тэгэхлээр тийм ухааныг илэрхийлсэн «хувилгаан», «хутагт», «бүрэлва» гэдэг үгс ч төдий л хэрэглэгдээгүй байсан нь учир тодорхой. Харин монголын Түмэдийн Алтан хаан, төвдийн Гэлүгбагийн нэрт лам, урьд хожид Брайбун хийдийн Камбо, Сайра хийдийн эзэн болсон Содномжамцыг тусгайлан урин залж, бие биеэр уулзан, бурхан шашныг номлон хүндэтгэн тахиж, «хамгийг мэдэгч Очир Далай лам» хэмээн эрхэмлэн цолсноос хойш, төвд монголын шашинд «Далай лам» гэдэг тусгай нэрийдэл тогтож, Содномжамцыг нас эцэслэсний дараа төвдийн Брайбун хийдийн ихэс лам нар түүний хувилгаан төрлийг Алтан хааны хойноос магадлан тодолож алдаршуулсан нь дараа Ёндонжамц билээ. Хожимын хүн Содномжамцаас өмнө хоёр дүр - Зонховын шавь, Гэлүгбагийн нэрт хамба Гэндэнжув, Гэндэнжамц нарыг нэг хоёрдугаар дүрийн далай лам гэж нэхэмжилэн өргөмжлөө Содномжамцыг гуравдугаар, Ёндонжамцыг дөрөвдүгээр гэхчилэн уламжлан алдаршуулсанаас эдүгээ хүртэл далай ламын хувилгаан төрөл тасалдалгүй арван дөрөвдүгээр үедээ үргэлжилж байна. Төвд уламжилалт бурхан шашинд шашин төрийн нэгдэл эрх эзэгнэсэн далай ламын хувилгаанаас гадна Банчин эрдэнийн хувилгаан гэх бас нэгэн том хутагтын систем буй. Тэднийг нэгбүрчилэн тодлон тогтооход бас янз бүрийн түүхэн өнгөрөлтийг дамжсан байжээ. Харин тэднээс өөр бусад системийн хутагт хувилгаад, онцгойлон монгол орны сүм хийдэд бий бологсод хэрхэн үе дараалдаг байсныг тус өгүүлэл анхааралдаа авна.

Монгол орны хутагт хувилгаадын төрөл үеийн тодлолт

Одоо бид Монгол оронд шашин ном дэлгэрхийг дагалдан олон тоогоор буй болсон хутагт хувилгаадыг чухам хэн хүн, хэрхэн тодлон тогтоож,

амилуулан биелүүлж байсныг доорхи хэдэн зураадасаар тоймлон өгүүлэе.

Нэг. Далай ламын өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

Хоёр. Банчин эрдэний өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

Гурав. Манж Чин хаадын өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

Дөрөв. Төвдийн шашны эхсээс өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

Тав. Монгол Хамаг орны өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

Зургаа. Төр шашин хамтдаа өргөмжлөсөн хутагт хувилгаад.

АШИГЛАСАН МАТЕРИАЛ

1. Алтан хааны тууж. Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1984 он, 264, 188, 123-р нүүр.

2. Галдан туслагчийн 1841 онд зохиосон «Эрдэний эрх». Улаанбаатарын хэвлэл, 1959 он, 91-р нүүр.

3. Мэргэд гарахын орон. Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1988 он, 17-р нүүр.

4. Сэлхжав, Лха. Оюунбилиг. Баткар сүм. Өвөр монголын шинжлэх ухаан цэнгэг мэргэжлийн хэвлэлийн хороо, 1991 он, 61-79-р нүүр.

5. Төвд эрдэмтэн Шинса Галсанчойжижалзаны туурвисан «Төвд монгол шашны гарлаг» (төвд хэл дээр). Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1992 он, 566, 656-р нүүр.

6. Төвдийн Ринбүчий Дунгар Лувсанпэрэнлэй «Шашны урсгалын тухай өгүүлэл» (төвд хэл дээр). Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2004 он, 82-р нүүр.

7. Үзэгдсэн бүхний хураангуй (төвд хэл дээр). Үндэстний хэвлэлийн хороо. 1988 он, 295-р нүүр.

8. Хөххотын сүм хийд. Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1982 он, 98-р нүүр.

9. Цагаан лянхуа эрхэс. Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1996 он, 208-р нүүр.

10. Эрдэний товчоо. Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хороо. - 1981 он, 445, 460, 501-р нүүр.

11. 妙丹: «蒙藏佛教史», 京城印局, 1935年, 下册, 五第39, 10, 32

ББК 86,35 (2 Рос=Калм)

О СТУПАХ ШКОЛЫ КАГЬЮ, ПОСТРОЕННЫХ В КАЛМЫКИИ

А.Г. Кукеев, Б.А. Шантаев

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-36700е/Ю

В статье рассматривается история возведения мастерами школы Карма-Кагью буддийских ритуальных сооружений «ступа» на территории Республики Калмыкия.

Ключевые слова: *ступа, реликвии, Кагью.*

The article is devoted to the history of creation of the Buddhist ritual monuments “stupa” by Karma-Kagju masters in the Republic of Kalmykia.

Keywords: *stupas, relics, Kagju.*

За последнее десятилетие в Калмыкии построено более 20 буддийских храмов хурулов.

Повсеместно в районах, в больших и малых населенных пунктах возводятся ритуальные

ступы (калм. – субурганы). Бурный процесс восстановления религиозных традиций, наблюдавшийся в республике в последнее десятилетие прошлого века, повлек за собой активное строительство новых культовых сооружений. В различных районах и столице Калмыкии появились новые буддийские храмы. На первоначальном этапе процесс роста религиозности проходил бурно [1]. Буддийские общины, не вошедшие в Объединение буддистов Калмыкии (ОБК), самостоятельно налаживали контакты с буддийскими центрами Монголии, Бурятии и Индии. В результате этого буддийские общины Калмыкии обратились не только к традиции Гелугпа, но и к другим школам тибетского буддизма. Буддийские школы различных направлений (Кагью, Нигма и т.д.) для укрепления своих позиций активно включились в деятельность по строительству храмов и культовых сооружений.

В 1998 г. на пожертвования Шамара-ринпоче, ламы Оле Нидала и многих буддистов из Калмыкии и России в г. Элисте началось строительство Ступы просветления [2]. Проект был разработан Войтеком Коссовски, известным буддийским архитектором. Техническая документация оформлялась в г. Элисте. Согласно проекту, ступу воздвигли над алтарной комнатой. Это позволило поднять ее высоко над землей и не потребовало дополнительных материальных затрат. В комнате под ступой разместили алтарь и молитвенный барабан, чтобы каждый входящий верующий буддист мог получить благословение как от самой ступы, так и от вращения барабана, заполненного текстами 50 миллионов мантр «Ом Мани Падме Хум». Все работы были выполнены бесплатно местными добровольцами и приехавшими им на помощь буддистами со всей России и Украины.

Ступы – монументы, символизирующие просветленный ум Будды. Они строились с древних времен во всех буддийских странах – Непале и Индии, Тибете и Бирме, Таиланде и Шри-Ланке. Разные по форме и назначению, все они выражают просветленные качества ума Будды. Ступа – не просто памятник, это постоянно работающее сооружение, приносящее неисчислимое благо людям, всем живым существам, приходящим к ней, обходящим её вокруг, всем, кто живет поблизости, кто молится возле нее.

Строительство ступ включает в себя множество религиозных ритуалов, особых священнодействий, для выполнения которых в Калмыкию приезжали двое лам из Катманду – лама Сангье и лама Нгодуп. Настоятель монастыря в Катманду Лопен Цечу-ринпоче передал с ними буддийские реликвии для закладки в ступу: субстанцию, «выступившую на костях третьего Будды Кашьяпы»; кусочек ткани, в которую были завернуты

тексты Праджняпарамиты, принесенные Нагарджуной из «страны Нагов»; печать, которой Гуру-ринпоче запечатывал свои *терма* – тайные поучения, спрятанные им в разных местах для потомков; бусину из четок Кармапы XIV; волосы Кармапы XV и кусочек одежды Кармапы XVI; землю, взятую в местности, где родился Будда Шакьямуни; частицы ступы Сваямбху и др. В ступу было также заложено много символических предметов, мирд, мантр, молитв и драгоценностей.

Помимо двух лам из Непала, для работы на строительстве ступы из главной резиденции Его Святейшества Кармапы XVI (монастырь Румтек, штат Сикким, Индия) приехал известный мастер тибетской живописи Дензонг Норбу. Он много лет жил рядом с Кармапой XVI и был его личным художником. В Элисте мастер взялся за роспись алтарной комнаты под ступой. Его Преосвященство Шамар-ринпоче обратился с просьбой украсить комнату в тибетском стиле и отразить во фресковой росписи всю линию преемственности школы Кагью, от Дордже Чанга до Кармапы XVI, а также линию Шамара [3]. Но, несмотря на помощь учеников, мастер живописи не смог закончить работу за один приезд: «Я не хочу торопиться, так как для того чтобы сделать действительно качественную роспись, требуется время, а делать вещи второго сорта я не могу», – сказал он. И обещал приехать вновь.

По инициативе Валерия Борлыкова, жителя поселка Цаган-Нур, активиста строительства ступы в Элисте, к приехавшим ламам обратились с просьбой о строительстве еще одной Ступы просветления – в поселке Цаган-Нур. Ламы поддержали идею и освятили место под строительство второй ступы. Эта ступа высотой около пяти метров была возведена на средства жителей поселка всего за один месяц. В Калмыкии в настоящее время возведены две ступы учителями традиции Карма-Кагью.

Ступу до освящения можно сравнить с часами, которые требуется завести. Пока часы не заведены, это не более, чем механизм, который начинает функционировать только после того, как его запустят. Согласно буддийскому учению, это подобно внутреннему оживлению, после которого ступа может выполнять свои функции: она будет приносить мир, покой, благоденствие, защищать, оберегать, отвечать на молитвы и выполнять просьбы, и главное – она будет способствовать скорейшему освобождению и просветлению всех, кто обращается к ней.

Торжественное открытие ступы в Элисте произошло 28 июля 1999 г. Церемонию освящения провел Лопен Цечу-ринпоче. На открытии присутствовали около 2500 местных и 500 приезжих буддистов из разных районов России и Украины.

1 августа ринпоче освятил вторую ступу в Цаган-Нуре. Из Элисты прибыло пять автобусов с паломниками; в мероприятии участвовало практически все население поселка (более 1000 человек).

В течение трех дней после торжественного открытия ступы ринпоче дал ряд посвящений, связанных с некоторыми важными аспектами буддизма. В Цаган-Нуре было дано посвящение Белой Тары, божества, символически связанного с женским аспектом долголетия.

Постройка ступы - это продолжение процесса возрождения и развития буддизма Алмазного Пути школы Карма-Кагью в Калмыкии. Рядом со ступой была построена часовня главного защитника традиции Кагью - Махакалы и поставлена его статуя высотой больше метра. Она была отлита из металла и расписана, заполнена мантрами и освящена Лопен Цечу-ринпоче. 1 сентября 1999 г. во время своего визита в Калмыкию лама Оле Нидал освятил часовню и установил статую. В будущем на прилегающей территории предполагается построить здание Международного буддийского института Кармапы [4].

Элистинская Ступа просветления по-тибетски называется *Монлам Тамчед Друп* («Исполнение всех молитв»). Ступу же в Цаган-Нуре ламы посчитали «самовозникшей», так как в планах строительства ее не было, и называли ее *Тра ши Лумбини цал* («Сад удачи Лумбини»).

В 2000-2001 гг. по приглашению калмыцкого центра Кагью в г. Элисту вновь приехал известный мастер тибетской живописи Дензонг Норбу. Под его руководством была завершена роспись алтарной комнаты ступы и домика Махакалы [5].

Ступу просветления в Элисте посещают паломники, последователи школы Карма-Кагью, постоянно проживающие не только на территории России, стран СНГ, но и в странах дальнего зарубежья.

Летом 2006 г. г. Элисту по приглашению

центра вновь посетил художник Дензонг Норбу. Он со своими учениками провел первые реставрационные работы росписей в алтарной комнате и в часовне защитника Махакалы. Также он дал мастер-класс росписи статуэток. В это время в г. Элисте действовала передвижная выставка «Буддизм, который можно потрогать руками». В течение двух недель она была открыта для всех посетителей, и большую часть экспонатов можно было потрогать руками: бить в барабаны, дуть в трубы, надевать ритуальные маски и т.д. В г. Элисту выставка прибыла из г. Волгограда, а затем последовала в г. Пятигорск и г. Краснодар.

В настоящее время Калмыцким центром Карма-Кагью в г. Элисте, недалеко от Ступы просветления, сооружается большое здание, где разместится офис центра, и получит отдельное помещение калмыцкий филиал Международного буддийского института Кармапы. Здесь же будут находиться не только аудитории для занятий, но и гостиница для учителей и студентов. Не забудут практикующих мирян и йогов: для них будут отведены комнаты для коллективных и личных медитаций. Данный проект находится на стадии детальной разработки. Центр продолжает активно работать по многим направлениям. Ежегодно его посещает лама Оле Нидал, а также другие учителя школы Кагью. Калмыцкие адепты школы Кагью постоянно выезжают на буддийские семинары и посвящения, которые проводят учителя Кагью в различных городах России и в странах СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакаева Э.П. Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России. М.: Восточная литература РАН, 2008. С.161–200.
2. Вечерняя Элиста. 1998. 21 октября.
3. Мир Кагью – № 1. СПб., 1994. С. 20.
4. Мир Кагью – № 12. СПб., 2000. С. 76–87.
5. Вечерняя Элиста. 2003. 21 октября.

ФИЛОЛОГИЯ

ББК 83.3 (2 Рос=Калм)

КАЛМЫКИ В МИРЕ ПУШКИНА**Б.А. Кичикова**

Статья посвящена рассмотрению «калмыцкой» темы в творчестве А.С. Пушкина. Художественным сознанием поэта калмыки воспринимаются в аспекте проблемы свободы и занимают важное место в суждениях о роли, значении и перспективах развития народов России.

Ключевые слова: *Пушкин, калмыки, свобода, история, русская литература, поэтический портрет, «друг степей».*

The article is devoted to a scrutiny of the Kalmyk theme in the context of the creative work of A.S. Pushkin. The Kalmyks are apprehended in the poet's artistic consciousness from the aspect of the problem of freedom and rank high in his judgements on the role, the significance and the perspectives of the development of the peoples of Russia.

Keywords: *Pushkin, Kalmyks, freedom (liberty), history, the Russian literature, a poetic portrait, "the friend of steppes".*

В свое время Аполлон Григорьев, критик страстный и проницательный, отказавшись от попыток точно определить, **что есть Пушкин**, с какой-то отчаянной гордостью сказал: «Пушкин – наше всё!». Некая точность тут все-таки была – точность нравственного чувства, с которой к Пушкину, как ни к какому другому великому явлению, нужно подходить. Ведь освободительная, возвышающая, объединяющая сила пушкинского слова [1]: «Всем вольный вход, все гости дорогие» (VII, 16), «Все флаги в гости будут к нам» (V, 135), – сегодня, быть может, поистине «наше всё», доставшееся в наследие от веков гуманистической культуры.

В знаменитой речи о поэте Достоевский назвал его гением «всемирной отзывчивости». Масштабы смысла этой формулы только приоткрываются в наши дни, когда читатель едва ли не из любого уголка современного, огромного и сложного, мира смог бы разглядеть в личности Пушкина черты «своего» поэта, а в его строках внять отзывающееся своей душой. Уважение к достоинству и образу жизни любого человека и любого народа, постижение «судьбы человеческой, судьбы народной» (XI, 419) – словом, идея дружественного приятия «всякого сущего языка» (III, 424), идея духовного объединения и всеобщего свободного собеседования – вот то, что образует сегодня частное представление «мой Пушкин» и созидает общее понятие «наш Пушкин».

Внутри этого понятия определяется, движется и развивается тема, которой навсегда обеспечено внимание тех, кто называет себя калмыками. Ее можно было бы назвать темой «калмыцких симпатий» Пушкина: «*мои калмыцкие нежности*» (VIII, 1036), – обмолвил-

ся он в путевых записках 1829 года. Уместно сегодня сказать, что пушкинская симпатия (со-чувствие) вызывает не только понятный интерес и ответную любовь, но и особенное, благодарное, восхищенное и горделивое, отношение к великому поэту народа, связавшего свою судьбу с Россией и верного этому союзу уже четыре столетия.

У поэта личные впечатления и события жизни переплавлены в творчество: «Жизнь и Поэзия одно» [2].

Вот, видимо, из устойчивых ранних впечатлений – дети и подростки «экзотического» обличья, которых с середины XVIII века было модно иметь в услужении у дворянских семей. Калмычат было проще и дешевле достать, чем «арапчат». Один из таких, состарившихся вдаль от всего родного, слуг упомянут в VII главе «Евгения Онегина»: «С чулком в руке, седой калмык» (VI, 156) встречает мать и дочь Лариных в сенях московского особняка. Его младшему соплеменнику, быть может, повезло больше: с калмыком Всеволодом, слугой Н.В. Всеволожского, основателя вольнолюбивого литературно-политического общества «Зеленая лампа» [3], Пушкин познакомился [4] по выходе из Лицея (в 1818? г.). Смышлелый подросток прислуживал «лампистам» во время заседаний и застолий (1819-1820 гг.), поэт искренне считал его своим приятелем и в письме из южной ссылки возглашал ему особую, «лампицкую», здравицу: «... пожелай здравия калмыку» (Л.С. Пушкину. 27 июля 1821 г., Кишинев – XIII, 31). Годом ранее, с 28 мая по 10 августа 1820 г., по приглашению прославленного генерала Н.Н. Раевского Пушкин совершает путешествие на Северный

Кавказ. С 3 по 25 июля он проходит курс лечения в Железноводске, где, как и все семейство Раевских, живет в калмыцкой кибитке (впоследствии этнографически точно опишет ее в путевых записках 1829 г. и в «Путешествии в Арзрум» 1835 г.), пьет кумыс (в примечании № 6 к поэме «Кавказский пленник» даны пояснения о напитке горских и «кочующих народов Азии» – и вывод: «Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым» – IV, 115; в черновике примечания осталось дополнение: «калмыки напиваются им допьяна» – IV, 351) и близко наблюдает скотоводческий быт калмыков во время летнего кочевья и наемных работ. *Эти калмыки* находятся в исконной среде обитания (степи, предгорья), их жизнь подчинена традиционному хозяйственно-бытовому укладу скотовода-кочевника, их контакты с русскими (военными, чиновниками, путешественниками) ограничены, а с горцами – постоянны или привычны. Эти калмыки выглядят и говорят, действуют и поступают совсем иначе, чем их сородичи в неволе – в барских особняках и поместьях.

Спустя девять лет Пушкин отправляется в «самовольную» поездку в Закавказье, на театр военных действий – опять «воевали турку»: Николаю I были нужны *свои* великие победы. Его империя неуклонно продвигалась на юг и расширялась буквально на глазах поэта, от которого требовалось «воспеть» новые завоевания. Однако «певцом империи» он так и не стал.

Оказавшись в знакомых местах Предкавказья, 12 мая 1829 года, на степной дороге к Георгиевской крепости, просвещенный и любознательный путешественник зашел в юрту калмыков, обслуживавших дорожную станцию. Запись о встрече и разговоре с молодой калмычкой, «собою очень недурной» (VIII, 446, 1028), открывает путевой дневник, начатый в Георгиевске 15 мая, тогда же набросан и черновой вариант стихотворного послания «Калмычке», отображающий непосредственное и личное: «и был влюблен я полчаса», «я волочился за тобой...» (III, 725; беловая рукопись помечена: «22 мая. Кап-Кой» – т.е. Владикавказ – III, 1181).

Отдельные впечатления от встреч с калмыками в столицах и в странствиях дополняются и обогащаются у Пушкина точными научными знаниями о быте и истории калмыцкого народа. В 1828 г. поэт знакомится, а с 1829 г. тесно общается с членом-корреспондентом Российской Императорской Академии наук (впоследствии и действительный член Азиатского общества в Париже), выдающимся русским востоковедом Н.Я. Бичуриным (о.

Иакинф), и даже мечтает отправиться вместе с ним в Китай. Для поэта (и уже историка) это общение приобретает особый смысл: с 1833 г. начинается огромная работа над пугачевской тематикой – исследование «История Пугачева» (цензура требует назвать – «История пугачевского бунта») и роман «Капитанская дочка» создаются одновременно. Труд Бичурина «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» [5] Пушкин читает еще в рукописи, а сведения о трагическом исходе волжских калмыков под водительством Убаши-хана из пределов России в Джунгарию на территории Китая (1771 г.) подробно приводит в огромном примечании к I главе «Истории Пугачева» – с изъятием признательности автору (IX, 95-98, 411, 450). Изданная в 1834 г. книга об ойрат-калмыках, наряду с другими трудами о. Иакинфа, сохранилась в пушкинской библиотеке (№ 167 по каталогу).

Весной 1833 г. исторический романист И.И. Лажечников посылает поэту труд замечательного русского ученого XVIII века, введенного в состав Российской Академии наук по настоянию М.В. Ломоносова, оренбуржца П.И. Рычкова «Описание осады Оренбурга» [6]. Описание пугачевской осады очевидцем, ученым-историком и этнографом, помещено в приложении к «Истории Пугачева» под названием «Осада Оренбурга (Летопись Рычкова)», а пристально изученная – «энциклопедический по охвату проблем труд «оренбургского Ломоносова»» [7] – «Топография Оренбургская» Рычкова же (1762) стала для Пушкина поистине путеводной книгой в его поездке по местам пугачевского восстания [8]. Названная в современном переиздании «Топография Оренбургской губернии», книга П.И. Рычкова содержит массу ценных сведений об оренбургских калмыках во второй половине XVIII века [9].

Сентябрь 1833 г. полностью посвящен путешествию в пространство и время «пугачевщины». В экспедиции Пушкину то и дело встречаются калмыки, и он шутиливо уверяет жену: «Как я хорошо себя веду!<...> с калмычками не кокетничаю...» (19 сентября 1833 г. Из Оренбурга – XV, 82) [10]. А главное, он обнаруживает массу архивных сведений и живых свидетельств об участии калмыков в огненных событиях 1773-1775 годов. Так, от единичных впечатлений и отдельных встреч и знакомств, поэт движется к комплексному представлению о «наших дальних соотечественниках» (VIII, 1028), создавая своеобразную художественно-историческую концепцию места, роли и значения калмыков в прошлом, настоящем и будущем России.

В подтексте темы «калмыки в мире Пушкина» есть и еще один смысл. Принадлежа, по отцу, к древнему боярскому роду Пушкиных, по матери поэт был связан с царственным (согласно преданию) африканским, абиссинским родом. До нас дошел добродушный пушкинский комментарий к здравиям Всеволода Калмыка во время заседаний «Зеленой лампы»: «Азия протезирует Африку». Это резюме шутливо раздвигает пределы петербургской гостини до пространства полумира, а всерьез – выявляет размышления о судьбах потомков разных народов не только в космополитическом Петербурге, но и в громадной Российской империи.

Пушкина остро интересовала проблема национальной ассимиляции и одновременно исторического развития народов России на путях культурно-политической эволюции – гуманного прогресса. Результаты такой эволюции были для поэта очевидны в его постоянном общении, например, с теми представителями русской аристократии и дворянской интеллигенции, которые вели свою родословную от монголо-татарских предков, главным образом, выходцев из Золотой Орды (генетически близких и калмыкам). Потомков ордынцев, крымцев, волжских и уральских татар Пушкин собирательно называл «племенем Батыя» (в эпилоге поэмы «Кавказский пленник», 1821 – IV, 114).

В пушкинском окружении постоянно встречаются имена братьев Тургеневых, Петра Чаадаева, Дениса Давыдова и других «потомков Батыя». Александр Тургенев хлопотал о зачислении мальчика Пушкина в Царскосельский лицей – и сопровождал гроб с телом поэта к месту последнего упокоения в Святые Горы. Николай Тургенев запер новоиспеченного выпускника Лицея в своем кабинете, где была написана ода «Вольность»; осужденный по делу декабристов *за идеи*, Н.И. Тургенев был заочно приговорен к смертной казни и до конца жизни скитался в эмиграции. Петру Чаадаеву («Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес. А здесь он – офицер гусарский» – II, 124) Пушкин посвятил три гениальных лирических послания; своей личностью, драматической судьбой и трагической философской мыслью Чаадаев определил духовный контекст двух эпох русской жизни – пушкинской и герценовской. Герой Отечественной войны 1812 года, воин-партизан и прославленный поэт, Денис Давыдов дал, по словам Пушкина, «почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным» [11]; «певец-гусар» гордился своей монгольской родословной, называл себя потомком Батыя и неоднократно упоминал своего «предка» Чингис-хана [12]. Двоюродный брат Д.В. Давыдова, герой 1812 года, полководец, госу-

дарственный деятель и просвещенный ум (его громадная библиотека хранится в Московском университете), генерал А.П. Ермолов осуществлял жестокую имперскую политику на Кавказе – и был близок оппозиционным кругам: по планам декабристов, после переворота он должен был возглавить переходное временное правительство; отправляясь в «путешествие в Арзрум», Пушкин навещал опального генерала в Орле – их беседы, безусловно, касались злободневных политических тем, но истинное содержание разговоров осталось неизвестным.

В свете сказанного о «племени Батыя» совершенно закономерным представляется охранительный, по сути, доносительский характер заключения о поколении декабристов реакционного журналиста и литературного противника Пушкина, Н.И. Греча: «В числе заговорщиков и их сообщников не было ни одного недворянина <...> Все – потомки Рюрика, Гедимины, Чингисхана...» [13]. Тех, кого Греч «лягнул демократическим копытом», Герцен назовет «фалангой героев».

Пока во времена звучит родовое имя человека, живет и память о его роде. Назовем и другие имена «потомков Батыя» – немеркнувшие в памяти России, но хранящие и родовую память: ведь именами Ф.В. Ушакова, М.И. Кутузова и А.В. Суворова Отечество гордится не менее, чем именами Н.М. Карамзина, Ф.И. Тютчева, М.Е. Салтыкова, С.В. Рахманинова [14], – как и урожденных калмыков Д.И. Менделеева и Ф.Н. Плевако.

* * *

Калмыки в мире Пушкина – эта тема проходит через все творчество поэта с тех пор, как он стал в сознании современников властителем дум России, и представлена совокупностью следующих, вполне выявляемых комплексов:

- комплекса текстов и фрагментов текстов, содержательно связанных с проблематикой литературно-политического общества «Зеленая лампа» и объединенных формулой «Желай мне здравия, Калмык!»;

- комплекса текстов и фрагментов текстов, связанных с поездкой на Кавказ 1829 года и объединенных эпизодом встречи с калмычкой;

- ряда строф, которые в составе «Евгения Онегина» занимают, пусть скромное, но вполне определенное место, и связаны с историческими, бытовыми и «геополитическими» реалиями романа как «энциклопедии русской жизни»;

- комплекса фрагментов текстов и примечаний к «Истории Пугачева», которые практически не поддаются комментированию, настолько самоочевидно их объектив-

ное социально-политическое и нравственно-философское, гуманистическое значение в проблематике исторического труда;

– комплекса эпизодов из романа «Капитанская дочка», обусловленных проблематикой чести и свободы и объединенных символикой казни и гибели,

– вплоть до итогового «Памятника», к которому стягиваются все силовые линии и световые потоки пушкинского творчества.

Впервые упоминание о калмыках промелькнуло у Пушкина в рассуждениях из эпилога поэмы «Кавказский пленник» об участии собираемых «под руку» России народов, в том числе и «племени Батыя», – но в столь напряженном контексте, что он требует некоторых пояснений. Здесь мы лишь вскользь коснемся темы сложной и, увы, трагически актуальной (учитывая неусвоенные уроки отечественной истории), но – темы исконно пушкинской.

Именно с эпилога «Кавказского пленника» зарождается известное представление о Пушкине как о «певце империи и свободы» [15]. В эпилоге громозвучно, в духе батальной оды XVIII века, воспеты «покорители» Кавказа и горской вольности:

Явился пылкий Цицианов; <...>
О, Котляревский, бич Кавказа! <...>
Губил, ничтожил племена. <...>
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны,

Все русскому мечу подвластно (IV, 114), – что, казалось бы, создает вопиющее противоречие с основным пафосом самой поэмы – пафосом свободы.

Пылкий свободолюбец, князь П.А. Вяземский выразил мнение определенной части либеральных кругов, резко отозвавшись о духе и стиле эпилога в письме А.И. Тургеневу: «Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей повести. Что за герой Котляревский, Ермолов? <...> Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны, и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта не должны быть никогда славословием резни. Мне досадно на Пушкина: такой восторг – настоящий анахронизм» (27 сентября 1822 г.) [16].

О грядущем суде истории над событиями кавказской войны спустя три года, отправляясь в Чечню, в ставку «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова, с трагической иронией выскажется другой, уже знаменитый, поэт: «... борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением <...> будем вешать и прощать и плюем на историю», – написал А.С. Грибоедов за неделю до декабрьского восстания [17].

Современные исследователи справедливо усматривают в эпилоге вторгающуюся в сюжет поэмы могущественную силу – историю [18]. Глас истории в эпилоге «Кавказского пленника» действительно звучит – в голосе самого поэта. «Имеющий уши да услышит» [19]. Подлинным итогом поэмы, на наш взгляд, является не барабанно-одическое славословие «русскому мечу», но скорбная эпитафия «гордым сынам» Кавказа, надгробное слово Пушкина, посвященное «дикой вольности»:

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно; <...>
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас, <...>
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы (IV, 114).

В завершающих строках эпилога ощутимы высокие чувства самого поэта – «Негодование, сожаленье, Ко благу чистая любовь» (VI, 135), – из которых вырастает горько-объективная оценка жестоких событий – суд необозримо далекого будущего: «возвестят о вашей казни Преданья темные молвы». Пушкин смог увидеть историческую трагедию кавказских завоеваний «взглядом Шекспира» [20], уяснив и выразив диалектическую связь между «изменой прадедам» и «казнью» народов. Все это можно назвать по-другому, увидев оптимистическую перспективу истории в силе прогресса и просвещения, в цивилизаторской роли огромной империи и в преобразующей функции эволюционного процесса, – но не применительно к поэме, где свобода названа «священной» (IV, 94).

Последние строки «Кавказского пленника» можно рассматривать и как своего рода пролог к теме «калмыки в мире Пушкина». Поэт еще только вступает в зыбкое, драматически-конфликтное пространство российской истории, но сколь многое здесь провидчески угадано! – на столетия вперед.

В сходных отношениях пророческого предвосхищения и переосмысленного предсказания находятся между собой, диалогически перекликаются, увертюрно прозвучавшая строка о «диких сынах степей» («Калмык, башкирец безобразный» – IV, 145) из пролога поэмы «Братья разбойники» (1822) – и поименование «языков» в составе «всей Руси великой» из итогового стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Однако всякий, кто помнит веселое, молодое вольнолюбие двустихия:

Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

– заключающего послание петербургским друзьям по «Зеленой лампе» (из письма

Я.Н. Толстому, 27 сентября 1822), именно в нем улавливает и начало движения «калмыцкой темы», и ее постоянную неотделимость от важнейшего для Пушкина круга идей – от **контекста свободы**.

Переходящие из центральной части черного послания «лампистам»:

**Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, Калмык!**

(март 1821 – 26 сентября 1822; II, 716, 722) – в письмо брату Льву Сергеевичу: «... пожелаю здравия Калмыку...» – упоминания о калмыке и формула благопожелания, то исходящая от него, то адресованная ему самому, оформляются как некий позывной сигнал о принадлежности к «Зеленой лампе» и в окончательном тексте послания звучат уже как пароль. В сообществе «Зеленой лампы», легального филиала декабристского Союза благоденствия, духовная свобода проявлялась в сфере свободного, веселого и правдивого слова, не стесненного страхом угнетения и не скованного ханжески-лицемерной моралью:

**Услышу ль, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, Калмык! (II, 234)**

Это свободное, веселое и правдивое слово, рожденное в атмосфере «милого равенства» «верных поэтов», подогретое «кипеньем» вина в «золотой чаше», и определяет особый, понятный только посвященным – **«очарованный язык»**, – цитатами из которого и заканчивает свое послание петербургским друзьям кишиневский изгнанник.

«Желай мне здравия, Калмык!» – этот намек был понятен каждому «ламписту», то есть обладал особым, «домашним», кружковым значением, которое требует определенных комментариев [21]. Сам Я.Н. Толстой, председатель «Зеленой лампы», давал следующие пояснения о характере деятельности общества: серьезная часть заседания завершалась обычно веселым дружеским ужином. «Само собой разумеется, что во время ужина начиналась свободная веселость; всякий болтал, что в голову приходило, остроты, каламбуры лились рекой, и как скоро кто-нибудь отпускал пошлое красное словцо, калмык наш улыбался насмешливо, и, наконец, мы решили, что этот мальчик, всякий раз, как услышит пошлое словцо, должен подойти к тому, кто его отпустит, и сказать: «*здравия желаю!*». С удивительной сметливостью калмык исполнял свою обязанность. Впрочем, Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому желанию здравия. Он иногда говорил: «*Калмык меня балует: Азия протезирует Африку*» [22].

Поэт явно воспринимал калмыка как равноправного участника встреч и бесед «лампистов», для которых застолья в доме Всеволожских были естественным продолжением «серьезных заседаний» общества, где свободно развивались затронутые ранее литературно-театральные и политические темы. Дух свободного собеседования согревает «литературно-академическую» атмосферу и возвышает атмосферу пиршественно-бытовую. «Сметливый» калмык не только понимал «очарованный язык» участников пиршества, но и говорил на этом «языке» слова, пусть шутивого, благопожелания. Так образ мальчика-калмыка, который особо отличал поэта, гордящегося своим африканским происхождением, и потому с неизменной теплотой вспоминался в кишиневской ссылке, наделен во всех пушкинских упоминаниях о нем определенной художественной функцией. Поэт придает ему роль персонажа, связующего пиршественное и духовное содружество свободных людей, – роль, которая перерастает в символическое олицетворение «милого равенства».

Далее выстраивается ряд дорогих (хотя бы потому, что каждая пушкинская строчка дорогого стоит) упоминаний и свидетельств дружелюбного и доброжелательного внимания поэта к небольшому народу.

Это прежде всего завершенный комплекс эпизодов и фрагментов из путевых записок, послания «Калмычке» и «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года», представляющий в окружении поэтических «атрибутов» мотива свободы: «... **орлы** сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и **гордо** смотрят на путешественников; по тучным пастбищам

Кобылиц неукротимых

Гордо бродят табуны» (VIII, 446).

Стихи казненного за свободу Рылеева, чье имя осталось неназванным, узнавались читателями безошибочно и явственно усиливали это звучание темы свободы – свободные, как степи, орлы и вольные табуны. В путевых записках есть и нескрываемые проявления дружелюбия просвещенного и гуманного путешественника к «разным народам»: «Разные народы разные каши варят. Калмыки располагаются около стационарных хат. Татары пасут своих вельблюдов, и мы дружески навещаем наших дальних соотечественников» (VIII, 1028).

«Путешествие в Арзрум» – произведение усложненной проблематики; здесь очень многое (декабристский комплекс) зашифровано Пушкиным, который уже с середины 1820-х годов мог бы сказать о себе: «На тайные листы записывал я жизнь»; это произведение переходное – обозна-

чившее крутой поворот к «поэзии действительности». Изобретательно создан здесь двоящийся образ автора, пронизанный иронией по отношению к самой необходимости «создавать образ» эдакого беспечного, любопытного «путешественника по собственной надобности», сквозь который проступают черты пушкинского облика. Для содержания «Путешествия в Арзрум» ключевыми являются две первые главы, выросшие из «путевых записок», и в известной мере – тесно связанное с ними послание «Калмычке». «Калмычские нежности», шутивно описанные в эпизоде записок и со скрытой сердечной теплотой – в стихотворении, определяются сложным, многозначным контекстом «Путешествия в Арзрум», где основными являются мотивы встреч с прошлым («меня похвальная привычка Не увлекла среди степей Вслед за кибиткою твоей» (III, 159) – намек на то, как в юности поэт бродил с кочевьем цыган); раздумья о свободе людей и народов и о борьбе за нее, возвышенные не романтической патетикой, а объективно-ироническим тоном реалистического повествования; мотивы утрат и обретений на дороге жизни, придающие книге путевых очерков нравственно-философскую глубину; наконец, мотив личного достоинства, в котором Пушкин видел «залог величия» и основу «самостоянья человека» (III, 242).

В поэтическом портрете молодой калмычки, свободной в своей «дикий красе» (III, 159) от ухищрений полугерманской полупросвещенности, есть восхищение ее врожденным чувством собственного достоинства и – ответ сердечного впечатления, которое тем сильнее, чем небрежнее говорит о нем поэт [23].

Документальные материалы и сведения о калмыках и их активном участии в крестьянской войне (чтобы обозначить, но не назвать устрашавшее правительство слово «война», Пушкин иронически пишет: «театр беспорядков» – IX, 22) из «Истории Пугачева» приводятся с неизменным сочувствием автора и органически связаны со все более расширяющимся «контекстом свободы» – борьбы за свою свободу широких народных масс.

Сведения Н.Я. Бичурина о великом исходе калмыков 1771 г. Пушкин осмысляет как «происшествие важное», «подавшее повод» к пугачевскому «мятежу» (IX, 10): «мирные калмыки» «верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы <...> начали их угнетать. Жалобы сего смиренного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию...» (IX, 10 – 11). Здесь все пушкинские определения калмыков сочувственны (симпатия!): «мирные», «верно», «смирный», «добрый» и – «выведенные из терпения».

Веско, емко переданная трагедия большей части калмыцкого народа, которая не смогла вынести непомерного гнета и в своем стремлении к свободе была готова идти до конца, до самых крайних последствий, воспринята как пролог к кровавой трагедии «пугачевщины».

Участие калмыков в восстании 1773-1775 годов понято в свете особенностей национального характера, но объяснено как следствие главной – социально-политической причины: **«Весь черный народ был за Пугачева»** (Из итоговых «Общих замечаний» – IX, 375), – убедился Пушкин за время своей исторической экспедиции в эпоху «бунта, бессмысленного и беспощадного» (VIII, 383).

И от имени этого «черного народа», в качестве «мнения народного», высказанного по поводу грандиозных потрясений, звучит в романе «Капитанская дочка» «калмыцкая» сказка об орле и вороне, притча, рассказанная предводителем народного восстания дворянскому сыну Петруше Гриневу «с каким-то диким вдохновением» (VIII, 353). В социально-психологической коллизии и нравственно-философской проблематике романа этому эпизоду отведена ключевая роль.

Идейная проблематика «Капитанской дочки» определяется кругом основных, категориальных понятий, постоянно живущих и взаимодействующих в творческом сознании Пушкина, – понятий свободы и счастья, чести и долга. По пути чести, понимаемой как исполнение долга, идет дворянин Гринев, и этот путь ведет его к заслуженному страданиями скромному счастью. По пути чести, понимаемой как стремление к свободе, идет беглый казак Пугачев, и этот путь ведет его к заслуженной «убийством и разбоем» лютой казни. Злодейство наказано, добродетель торжествует... Какая высокая, поистине шекспировская ирония у Пушкина по отношению к плоской, односторонней морали, как несоизмерима она с многозначностью жизни и неумолимостью судьбы! В вихре метели встретились, в огне восстания не ожесточились сердцами и за миг до казни узнали друг друга и обменялись сквозь толпу невыразимыми взглядами – вчерашний недоросль и мужицкий «царь», пути которых столь знаменательно пересеклись. Третий, общий для обоих путь, ведущий к свободе и счастью, видимо, невозможен. Но как важно хотя бы *услышать* и *понять* друг друга через разделяющие людей преграды. И этой возможностью объединяющего взаимопонимания превыше всего дорожит автор, оставивший нам «Капитанскую дочку» как свое нравственное завещание.

Невозможно отделаться от мысли, что смысл пугачевской притчи близок и самому Пушкину, которому после «Капитанской доч-

ки» оставалось жить среди людей меньше полугода. Ворону заказан путь орла – краткий миг полнокровной жизни выше мертвенного существования, а честь и свобода превыше самой жизни. И вышел Поэт на свой последний поединок чести, вылетел в свой последний орлиный полет – в бессмертие свободы, к свободе бессмертия.

«Нет, весь я не умру!» Работа над «Капитанской дочкой» подходила к концу, когда слагались высочайшей чеканки строфы «Памятника», наполненные бронзовым гулом столетий.

В «Памятнике» предсказано будущее величие «Руси» – величие могущественного объединения населяющих ее «языков». И в свете этого будущего уточняется смысл пушкинских определений перечисляемых народов, что «назовут» – назовут своим поэта:

И гордый внук славян (гордым ощутит себя в то время потомок славян),

и финн (нейтрально-возвышающее «финн» вместо прежнего «убогого чухонца» – V, 135),

и ныне дикой тунгуз (в том же, мечтаемом будущем не станет «диких» и «убогих» племен),

и друг степей калмык (в начале движения этой темы у Пушкина, в прологе к поэме «Братья разбойники» калмыки названы «сынами степей» (IV, 145); «сын степей калмык», – повторит поэт в черновом варианте строки «Памятника» (III, 1035), а потом исправит: «друг степей»; исправленное выражение оказывается более точным в свете истории названного народа: со времен работы над «Историей Пугачева» Пушкин знает, что калмыки **пришли** в эти степи, а не жили в них искони – то есть не были порождены ими, не являлись их «сынами». – «Друг степей калмык» (III, 424) – это единственная формула «Памятника», которая не подчинена временным изменениям; здесь найдено и выделено качество постоянное, и идея постоянства, верности себе заложена в самом определении «друг степей», как уже в слове «степи» содержится представление о вольности и свободе).

* * *

Предложенный обзор не претендует на представление абсолютной полноты пушкинских высказываний о калмыках, сделанных в той или иной связи. Вот, например, образный эпитет к замененному стиху из поэмы «Кавказский пленник»: «Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный*, а стих все-таки калмыцкий» (из письма П.А. Вяземскому от 1 – 8 декабря 1823 г. Из Одес-

сы в Москву – XIII, 81); здесь «калмыцкий» означает «черновой, необработанный», но в целом смысл замены определения обусловлен неудовлетворенностью автора «форсированной», чрезмерно экспрессивной стилистикой «романтизма страстей» и его поисками психологически более точного выражения.

А вот и по сути неверное замечание о том, что «калмыки не имеют ни дворянства, ни истории»; оно предшествует знаменитому афоризму: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим», – и в контексте пушкинской заметки связано не с историческими предубеждениями автора (которому еще предстоит стать историком), и тем более не с его национальными предрассудками, но обусловлено атакой гуманиста на «дикость, подлость и невежество». В целом же публицистическая мысль Пушкина разворачивается так:

«Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, то есть историей отечества» («Опровержение на критики» – октябрь 1830 г., Болдино – XI, 160). Такого рода суждения объясняются не высокомерием поэта, гордящегося (и по праву) своим шестисотлетним дворянством, и не его европоцентристскими представлениями об истории народов, но лишь неполнотой известных ему в то время исторических сведений, в данном случае, о калмыках. Подобная узость и односторонность исторического взгляда будет им впоследствии, в ходе работы над «Историей Пугачева» (1833-1834) – куда, напоминаем, широким потоком хлынули объективные сведения и о калмыках, – уже не только преодолена, но и отвергнута.

Намереваясь, как известно, включить в текст «Путешествия в Арзрум» поэтическое «послание калмычке», Пушкин с грустью сознавал, что оно, «вероятно, никогда до нее не дойдет...» (VIII, 1029). Возможно, именно в надежде, что это послание когда-нибудь «дойдет», и упомянут «друг степей калмык» в итоговом создании поэта – в его духовном завещании, в котором он предстает (по словам автора замечательного биографического труда, написанного вдали от родины, но не вдали от Пушкина) как «могучий охранитель единой России,

который молнией слова свяжет населяющие ее племена» [24].

Дошедшее до нас послание поэта представляет собой определенный свод произведений, фрагментов произведений и высказываний, пронизанный внутренним единством взаимосвязей и перекличек. Пристальный анализ, предварительные результаты которого изложены в данной статье, показывает, что тема «калмыки в мире Пушкина» не сводится к простым, однозначным и плоским упоминаниям. Это целая, сложная и развивающаяся, система в творчестве гения «всемирной отзывчивости» – своего рода галактика в необозримом космосе пушкинского художественного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сочинения и переписка А.С. Пушкина приводятся с указанием тома и страницы в скобках после цитаты, по Большому академическому изданию: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. в 16-ти т. Юбилейное переиздание: в 19-ти т. М.: Лабиринт, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, за исключением случаев, когда отклонения имеют экспрессивно-смысловой характер или передают колорит эпохи.

2. Из стихотворения «Я Музу юную, бывало...»: *Жуковский В.А.* Сочинения. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1954. С. 96.

3. «Зеленая лампа» – легальный филиал декабристского Союза благоденствия на раннем этапе его деятельности. Основательно изучается с начала XX в. См.: *Щеголев П.Е.* «Зеленая лампа» (впервые изд. в 1908 г.) // *Щеголев П.Е.* Первенцы русской свободы. М.: Современник, 1987. С. 208–235; *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая (1813–1824). М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 193–234; *Бонди С.М.* Неосуществленное послание Пушкина к «Зеленой лампе» // *Бонди С.М.* Черновики Пушкина. Статьи 1930 – 1970 гг. М.: Просвещение, 1971. С. 91–108; *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // *Литературное наследие декабристов.* Л.: Наука, 1975. С. 25–74; *Королева Н.В.* Декабристы и театр. Л.: Искусство, 1975. С. 146–188; *Фомичев С.А.* Анализ автографов «<Послания к «Зеленой лампе»>» // *Пушкин.* Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. СПб.: Наука, 2003. С. 49–57. См. также: *Кичикова Б.А.* «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг.) // *Теегин герл.* 2001, № 8. С. 41–80.

4. Упоминаемые далее лица, явления и события социально-политического, историко-культурного, литературно-эстетического и частно-бытового характера, личные контакты, научные сочинения, литературные произведения, документы и письма приводятся, интерпретируются и датируются на основании справочных изданий и сводов: *Летопись жизни и творчества Алек-*

сандра Пушкина / сост. М.А. Цявловский, Н.А. Тархова; науч. ред. Я.Л. Левкович. В 4-х т. М.: Слово / Slovo. 1999; *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е, изд. дополн. и перераб. Л.: Наука, 1988; *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиог. описание). СПб.: Типогр. Императорск. Акад. Наук, 1910 – Репр. воспроизведение; *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина. Новые материалы: приложение к репр. изданию. М.: Книга, 1988; *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1833 году. хроника. М.: Слово, 1994.; *Декабристы.* Биографический справочник / изд. подг. С.В. Мироненко; ред. акад. М.В. Нечкина. М.: Наука, 1988 (включен «Алфавит Боровкова»: с. 215–345), – и, кроме отдельных случаев, особо не оговариваются.

5. См.: *Санчилов В.П.* Предисловие ко 2-му изданию // *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. С. 6–17.

6. «Узнав, что он занимается историей Пугачевского бунта, я препроводил к нему редкий экземпляр Рычкова», – вспоминал И.И. Лажечников (*А.С. Пушкин* в воспоминаниях современников: в 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1985. С. 178).

7. *Шакурова Ф.А.* От издателей // *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии / коммент. Кучумов В.И., Шакурова Ф.А. Уфа: Китап, 1999. С. 8.

8. На «Топографию Оренбургскую» Пушкин ссылается постоянно, см. особенно: IX, 759–771. В библиотеке поэта хранится под № 342.

9. См. в главе второй раздел VIII «О зюнгорах» и в главе пятой раздел V «О калмыках» (с. 26–33 и с. 61–72 – по современному переизданию).

10. См. также: *А.С. Пушкин.* Письма к жене / Сост., ст., комм. Я.Л. Левкович. Л.: Наука, 1986. С. 145–146 (комментарий).

11. *А.С. Пушкин* в воспоминаниях современников, Т. 2. С. 121. Слова поэта приводит М.В. Юзефович, товарищ Льва Сергеевича Пушкина, адъютант генерала Н.Н. Раевского-сына, вспоминая об одной из тем литературных бесед «на биваке», где-то на пути к Арзруму, во время похода 1829 года.

12. Эпизод из воспоминаний молодости Д.В. Давыдова: первое представление графу М.В. Каменскому, когда старый фельдмаршал «начал поименно называть моих родственников <...> до выходца из Золотой орды Минчака Касаевича, родоначальника Давыдовых» (1806). Анализируя смоленский этап Отечественной войны, автор «Дневника партизанских действий 1812 года» касается темы жестокости к врагу. В сравнении с описанным здесь ужасающим садизмом А.С. Фигнера сокрушенно вспоминается и собственная, вынужденная, жестокость: «Я велел жечь сараи, – исчадь чингисханово, – сжечь и сараи и французов!» (*Давыдов Д.В.* Военные записки. М.: Воен. изд-во, 1982. С. 42, 207.)

13. Цит. по: *Эйдельман Н.Я.* Лунин. – М.: Вагриус, 2004. С. 75.

14. См.: Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М.: Наука, 1979.

15. Формула, определившаяся в историософской статье Г.П. Федотова (1937, в эмиграции); см: *Федотов Г.П.* Певец империи и свободы // *Пушкин в русской философской критике. Конец XIX–XX в. М. – СПб.: Университетская книга. С. 378–395.*

16. *Остафьевский* архив князей Вяземских. Переписка кн. П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым: в 4-х т. СПб., 1899–1913. – Т. 2. СПб., 1899 / Репринт. изд.: М.: Век; АПП «Джангар». Элиста, 1994. С. 274–275.

17. В письме С.Н. Бегичеву. 7 декабря 1825 г. Станица Екатериноградская (*Грибоедов А.С.* Сочинения. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1953. С. 543–544).

18. «Эпilog неожиданно переносит нас от частного человеческого сюжета на поле государственной истории, и певец «священной свободы» славит победы «русского меча» над «дикой вольностью» гордых сынов Кавказа <...> Пушкину важен этот фон большой истории, нужна история как действующее лицо его поэзии; душевное дело, драма героев совершается в зоне исторической борьбы» (*Сурат И., Бочаров С.* Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 30).

19. Осудившие поэта за строки «кровавой» оды победителям не слышат его голоса уже почти двести лет. Ср.: «Здесь, несомненно, налицо погрешность против нравственного, а следовательно, и художественного такта. Это юношеское увлечение насилем в гимне империи находит свою параллель в оде «Вольность» – гимне свободе», – морализирует Г.П. Федотов (указ. соч., с. 381).

20. Когда вся страна замерла в ожидании приговора декабристам – «друзьям, товарищам, братьям» (XIII, 291) Пушкина, он пытается поддержать, приободрить А.А. Дельвига: «С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора.

<...> Не будем ни суеверны, ни односторонни <...>; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира» (Начало февраля 1826 г. Михайловское – XIII, 259).

21. Подробно см. в указанной выше работе: *Кичикова Б.А.* «Желай мне здравия, Калмык!» (Историко-литературный комментарий к комплексу текстов А.С. Пушкина начала 1820-х гг.). С. 61–77.

22. Цит. по: *Томашевский Б.В.* Пушкин. Книга первая. С. 202–203; примеч. 101.

23. «Новизна стихотворения «Калмычке», – пишет Е.П. Никитина, – заключается в том, что новая героиня служит утверждению демократизирующегося эстетического идеала. Модная ложа и кибитка уравнены. <...> смелое обновление тем, введение новых героев, расширение жанровых границ определялось углублявшимся пониманием смысла человеческого равенства. <...> Это стихотворение вписывается в контекст целого этапа творчества Пушкина, как всегда, сводящего воедино многие нити предшествующего периода и заключая в себе зерна будущих созданий» (*Никитина Е.П.* Стихотворение Пушкина «Калмычке» // *Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958* / Отв. ред. Е.П. Никитина. Саратов: Колледж, 1999. С. 208–209).

24. *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина. В 2-х т. Т. 1: 1799–1824. М.: Молодая гвардия, 1998. С. 184. Заслуживший широкое признание российского читателя, вдохновенный труд Ариадны Владимировны писался в эмиграции (1923–1939) и вышел в Лондоне в 1948 г. Писательница принадлежала к тому же старинному роду новгородских дворян Тырковых, что и Александр Дмитриевич Тырков (1799–1843), лицейский товарищ поэта (19 октября 1828 г. на квартире А.Д. Тыркова праздновали семнадцатую лицейскую годовщину). Между тем О.Н. Михайлов во вступительной статье к книге А.В. Тырковой-Вильямс об этих родовых (и лицейских) истоках пушкинолюбия автора даже не упоминает.

ББК 81.2(2Рос=Калм)

МОДАЛЬНОСТЬ ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ (на материале современного калмыцкого языка)

Н.М. Мулаева

В данной статье рассмотрена модальность желательности и средства ее выражения на материале современного калмыцкого языка.

Ключевые слова: *модальность желательности, лексемы, средства, конструкции.*

In this article we consider modality of desirability and facilities of its expression on the materials of modern Kalmyk language.

Keywords: *modality of desirability, lexemes, facilities, constructions.*

Цель настоящей статьи - рассмотреть модальность желательности и средства ее выражения на материале современного калмыцкого языка.

Модальность желательности в калмыцком языке рассматривалась в «Грамматике калмыцкого языка» [1], в трудах Р.П. Харчевниковой [2], В.Н. Мушаева [3],

в бурятском и монгольском языках - в исследованиях П.П. Дамбуевой [4, 5], Ю. Мөнх-Амгалан [6].

П.П. Дамбуева считает, что значение желательности реализуется в отношениях субъекта и действия, в основе которых лежат причины внутреннего, субъективного характера, и выделяет четыре разновидности модальности желательности по семантике: а) «запланированное желание»; б) «желание, выражающее большой интерес»; в) «желание, мотивированное целесообразностью»; г) «пожелание» [7, с. 112].

Р.П. Харчевникова пишет, что «основное значение формы желательного наклонения определяется ведущей семантикой этого наклонения, т.е. модальностью желания и намерения. Однако не «исключено и наличие целого ряда модальных оттенков, семантически близких с оптативной модальностью, таких, как долженствование, необходимость, условие и т.п.» [8, с. 78-79].

В монографии В.Н. Мушаева говорится, что внутриязыковую основу выражения желательной модальности в калмыцком языке составляют средства различных уровней языка, выделенные на основе общности семантических функций. В работе выделены основные (центральные) ядерные компоненты микрополя желательной и предостерегательной модальности - синтетические формы желательного наклонения:

а) с аффиксом *-са/-сэ*: *һарса* “выйду-ка”, *ирсэ* “приду-ка”;

б) с аффиксами *-с*, *-су/-сү*: *уйсв* “сошью”;

в) с аффиксом *-ий* (имеет лишь значение множественного числа): *көдлий* “поработаем”, *көлий* “скажем”;

г) форма 3-го лица, не имеющая числа, образуется присоединением к основе глагола параллельно существующих аффиксов *-г* и *-тха/-тхэ*: *хэрг* - *хэртхэ* “пусть спит”, *зург* - *зуртха* “пусть рисует” [9, с. 275].

В желательных высказываниях говорящий характеризует описываемую ситуацию как желательную в своей реализации или - в отрицательных предложениях - как нежелательную. Желательность, с одной стороны, может быть отнесена к ряду значений, связанных с понятием потенциальности, а с другой - включается в ряд значений, охватываемых понятием коммуника-

тивной установки высказывания, т. е. одно и то же значение в зависимости от того, в каком аспекте оно рассматривается, может входить в разные ряды. К тем же двум рядам, например, может быть отнесено значение повелительности [10, с. 132].

В высказывании желание, как правило, исходит от самого говорящего. Например: *Би эврэннь тускар тийм үг дэжэ соңсхар седжэхив* “Я больше не желаю слышать подобных высказываний в свой адрес”; *Гемтэ болв чигн эврэннь куукдэн йир икар үзхэр седжэнэв* “Хоть и болею, но очень сильно хочу увидеть своих детей”; *Би медхэр седлэв* “Я желал бы знать”; *Би унтх санатав* “Я хочу спать”.

Для выражения модальной семантики желания в калмыцком языке используют следующие средства: а) конструкции, содержащие модальные лексемы желания; б) конструкции с формами повелительного наклонения; в) конструкции с формами желательного наклонения; г) конструкции с традиционными формулами.

Рассмотрим их подробнее.

Конструкции с модальными лексемами желания. К модальным лексемам с семантикой желания в калмыцком языке относятся глаголы *дурлх* “желать, хотеть”, *седх* “хотеть, намереваться”, *белдх* “намереваться, собираться”, *санх* “намереваться, собираться, хотеть”, а также словосочетания типа *дурн курх* “хотеть”, *дурн бээнэ* “есть желание” и др.

Модальные глаголы *седх* “хотеть, намереваться”, *дурлх* “желать, хотеть” употребляются для выражения желания, относящегося к действиям и состояниям говорящего. Данные глаголы употребляются в структурах, где говорящий готов применить волю: “хочу и собираюсь сделать так, чтобы мое желание исполнилось”. Например: *Ода би чамас үнн үг соңсхар седжэнэв* “Теперь я хочу услышать от тебя всю правду”; *Би эн хотна йосн эзн болхар седжэнэв* “Я хочу стать настоящим хозяином этого хотона”.

Конструкции с вышеперечисленными лексемами могут употребляться также и в отрицательном аспекте (модальность нежелательности). По мнению Ю. Мөнх-Амгалан, противоположная сторона желательного модального значения предпо-

лагает нежелательное модальное значение, которое имеет свою характерную особенность: оно употребляется не только в значении простого отрицания, но и других модальных значений, таких как невозможность, необходимость, запрет, отрицание» [11, с. 28-29]. Например: *Йовхар седжэхив* “Не собираюсь идти”; *Сурхар бээхив* “Не желаю учиться”.

Словосочетания типа *дурн бээнэ* “есть желание” и *дурн уга* “нет желания” используются в положительных и отрицательных высказываниях. Например: *Цаарандь энд көдлх дурн бээнэ* “Есть желание и дальше продолжать здесь работать”; *Теднэхүр йовх дурн тас уга* “Идти к ним нет абсолютно никакого желания”.

Конструкции с формами повелительного наклонения. Значение желательной модальности очень тесно связано со значением побудительной модальности. Поэтому для выражения желательной модальности характерно использование форм повелительного наклонения [12, с. 137-141]. Р.П. Харчевникова отмечает, что формы повелительного наклонения сугубо объективны, побудительная модальность, выражаемая ими, обусловлена наличием побудительности и обращенностью к собеседнику [13, с. 66].

Формы повелительного наклонения 2-го или 3-го лица выражают пожелание или проклятие: *Бас мини мөрэр бичкэ одич. Мини мөрэр бичэ одич* “Не повторяй моего пути. Не иди по моему пути”; *Эрүлменд, бат кишгтэ болти* “Будьте здоровы и счастливы”; *Менд йовцхатн! Маниг бичэ марттн!* “Идите с миром! Нас не забывайте!”; *Алти жолаһан зөв эргүлж ирж буух болтха!* “Благополучно возвращайтесь из дальнего похода, успешно завершив дело!”; *Харһицх биш үкэ* “Пусть не только потеряет сознание, но и умрет”.

Конструкции с формами желательного наклонения. Желательное наклонение выражает желание и намерение говорящего осуществить действие самому, либо пожелание, просьбу, совет, позволение второму или третьему лицу, чтобы какое-нибудь действие было совершено. Основное значение формы желательного наклонения

определяется семантикой этого наклонения, т. е. модальностью желания и намерения [14, с. 78]. Например: *Һал үдин аңхунд холиһэд күрэд одсув* “Ровно в полдень спокойно приду”; *Ах дү хойр болый* “Давай станем братьями”; *Хамдан йовий* “Пойдем вместе”.

Конструкции с традиционными формулами. Для выражения модальной семантики пожелания в определенных ситуациях используются определенные формулы, типа *Сэн бээтн!* “До свидания”.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что модальность желательности достаточно подробно исследована на материале различных монгольских языков. В современном калмыцком языке модальность желательности выражается морфологическими и синтаксическими средствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд., 1983. 335 с.
2. Харчевникова Р.П. Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке: Учеб. пособие. Элиста: Калм. ун-т, 1995. 94 с.
3. Мушаев В.Н. Структура и семантика калмыцкого предложения. Элиста: ОАО «АПП «Джангар», 2005. 381 с.
4. Дамбуева П.П. Сопоставительно-типологическое исследование модальности в бурятском и русском языках. Дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1994. 155 с.
5. Дамбуева П.П. Категория модальности в современном бурятском языке. Дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 353 с.
6. Мөнх-Амгалан Ю. Категория модальности в современном монгольском языке. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Улан-Батор, 1997. 57 с.
7. Дамбуева П.П. Указ. соч.
8. Харчевникова Р.П. Указ. соч.
9. Мушаев В.Н. Указ. соч.
10. Кызласова И.Л. Категория модальности в хакасском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 185 с.
11. Мөнх-Амгалан Ю. Указ. соч.
12. Кызласова И.Л. Указ. соч.
13. Харчевникова Р.П. Указ. соч.
14. Харчевникова Р.П. Указ. соч.

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «КАЛМЫЦКОМ СЛОВАРЕ» Г. РАМСТЕДТА

С.Е. Бачаева

В данной статье рассматривается недостаточно исследованная в калмыцком языкознании флористическая терминология. Дается классификация основных ее групп.

Ключевые слова: словарь, флористическая терминология, растения, травы, деревья, цветы.

In the given article we study floristic terminology, that is not enough researched in the Kalmyk linguistics. The classification of its main groups is given in the article.

Keywords: dictionary, floristic terminology, plants, herbs, trees, flowers.

Словарь Г. Рамстедта «Kalmückisches Wörterbuch», изданный в 1935 году в Хельсинки, историко-этимологического типа. Его автор - видный финский ученый, исследователь калмыцкого языка и фольклора Густав Йон Рамстедт. В настоящее время словарь широко известен и является настольной книгой для калмыковедов. Словарь был переиздан в Хельсинки в 1976 г. При создании своей книги он широко привлекал материалы словарей Голстунского, Цвика, Позднеева, рукописи на «Тодо бичиг» и др. Книга богато иллюстрирована примерами. Она содержит пословицы, поговорки, загадки, афоризмы, фразеологизмы, отрывки из сказок, песен и т.д. Много интересного могут почерпнуть в нем этнографы, историки, литературоведы и искусствоведы. Судя по представленной лексике, предки калмыков прекрасно знали астрономию, медицину, растительный и животный мир [1, с. 132].

Калмыки хорошо разбирались в травах, различали их по запаху, цвету, знали различные виды деревьев, кустарников, лекарственных трав. В словаре Г. Рамстедта флористическую терминологию можно разбить на следующие группы:

1) названия *деревьев* «модн», *кустарников*: *медг* «бузина, сирень»; *севг* «верба»; *жэжэ* «липа»; *жэөлн цаһан* «вяз»; *заг* «саксаул»; *аһр зандн модн* «сандаловое дерево»; *терг* «тополь или осина»; *товриг* «елочки, сосны»; *хар модна товриг* «елочки»; *агч* «клен»; *цаһан агч* «ясень»; *боитл* «ольха»; *буһр* «бук»; *һацур* «пихта»; *хусм* «береза»; *уласн* «тополь»; *царн модн* «черное кленовое дерево»; *шитлг* (*читлг*) «лесной орех, орешник»; *бурһен* «ивовый куст»; *анчс* «имбирь»; *элм* «дерево ильма, вяз».

Обычно в основе названий растений и их

частей лежат их реальные свойства - форма, цвет, вкус плода, характер цветения, оттенки цвета листьев, ствола, их форма, прочность древесины и коры, использование человеком, представителями фауны и т.п. Старые названия нередко восходят к глаголам. В ряде случаев названия строятся по принципу подобия, сходства с общеизвестными и не относящимися к ботанике предметами. Встречается перенесение видовых наименований на родовые. Названия, относящиеся к анатомии растений и их местоположению, для целого ряда групп языков определяются как наиболее общие, часто исконные в лексике той или иной языковой группы [2, с. 155].

Растения Калмыкии низкорослы, большую часть составляют травы. Кустарников очень мало. Один из акклиматизированных кустарников - *сувсн таран* «красная и черная смородина».

Многие названия поселков, названий местностей происходят от деревьев и кустарников: *яшл модн* «род вишни» (отсюда название местности Яшалта); *көгл* «терновник» (отсюда название поселка «Көглтә»); *суха* «кустарник с красной корой» (отсюда название местности Сухота) [1, с. 132].

2) названия *фруктовых деревьев*, *ягод*: *тоор* «персик»; *альмн* «яблоня»; *өрг* «слива»; *хар өрг* «чернослив»; *шар өрг* «абрикос»; *үстә үзм* «виноград»; *мөл* «черемуха»; *нерсн* «черника, голубика»; *зедгн* «земляника»; *һашлг* «волчья ягода»; *цәңгс* «клюква»; *шавдул* (*шавдл*) «особый род маленьких абрикосов; сушеный персик».

3) названия *цветов*: *лиңхва* «цветок лотоса»; *солм банди*, *банд* «мак»; *селц* «колокольчик»; *севә медг* «роза»; *камба шаралжн* «ромашка»; *лиш* «гвоздика»; *цәклдг* «голубой ирис».

Самым красивым цветком в Калмыкии является *тюльпан* «бамб цецг». Весной вся степь покрывается разноцветным ковром из алых, желтых, фиолетовых тюльпанов. Тюльпан фигурирует в названиях национальных ансамблей, детских учреждений.

Многие калмыцкие имена восходят к названиям деревьев, цветов: *Альма* «яблоко»; *Агчан* «клен»; *Бадм* «лотос»; *Зегст* «чакан, тростник»; *Земш* «плоды, фрукты»; *Занди* «санда»; *Хоңха* «колокольчик» и мн.др.

На территории Калмыкии произрастает много растений с полезными свойствами, в том числе и лекарственные растения, применяющиеся в медицине. С незапамятных времен люди используют растения для лечения различных заболеваний.

4) названия лекарственных растений: *аһр* «алоэ»; *жамб* «одуванчик»; халха «крапива».

5) некоторые слова, относящиеся к флористической терминологии: *сөг* «зеленая свежая трава»; *солһр цецг* «увядший цветок»; *өлтэ ноһан* «сочная трава»; *көк өвсн* «свежая сочная трава»; *нэтг* «побег»; *нимтр өвсн* «тонкая трава»; *өргэсн* «шип, колючка (у растений, деревьев)»; *атав* «осенняя трава (на лугу после покоса)»; *чөб* «трава, фураж»; *хамхул* «степная трава»; *хатхг* «колючка»; *шүүрэ* «высокая грубая трава, растущая по берегам и на влажной почве, осока»; *сөл* «сок в растениях»; *соһа* «корень тростника»; *замг* «речные, морские водоросли».

В ряде случаев одни и те же названия повторяются для разных видов растений и их частей. Это происходит не только в силу внешнего сходства отдельных пород растений или смешения их, но и в силу некоторой общности их свойств. Нередко здесь учитывается и поедание плодов разных растений одними и теми же животными [4, с. 126].

б) названия овощей: *мэңгсн* «лук»; *маажм*, *шалхг* «репа»; *цаһан шалхг* «белая репа»; *улан шалхг* «красная репа»; *лааз* «красный перец»; *лоовң* «морковь»; *шах* «редька»; *тарвс* «арбуз»; *хаяр* «огурец»; *бодницг* «картофель»; *буриш* «перец»; *хавг* «тыква»; *шүгдлр шалхг цунг* «брюква».

Основным видом хозяйственной деятельности калмыков издревле было животноводство. В настоящее время калмыки занимаются выращиванием зерновых культур, подсолнечника. Многие названия можно найти в словаре: *нарн цецг* «подсолнечник»; *зарм* «просо», *боз зарм*, *сакса* «гречиха»; *севг зарм* «чечевица»; *арва* «ячмень»; *сули* «овес».

Флористические названия можно разделить по следующим признакам: а) по цвету: *уласн* «тополь»; *улһн* «растение с красными ягодами»; *алһн* «род акации с золотистой, блестящей корой»; *шарлэңн* «желтое растение (полынь)»; б) по производимому действию: *халха* «крапива» от глагольной основы *хал* = «обжигать»; *хатханчиг* «шип, колючка (у кустов и т.д.)» от глагольной основы *хатх* = «колоть, вонзать»; *һаһлг* «название горького фрукта (волчья ягода)» от *һаһун* «горький»; в) по форме: *нарн цецг* «подсолнечник»; *соян* «острая выступающая колючка (у некоторых деревьев)» от *соя* «клык».

Л.В. Дмитриева считает, что для растений, являющихся исконными или хорошо знакомыми местному населению, количество и разнообразие названий, разносторонность их семантической характеристики значительно больше, чем для мало известных растений. Часто многообразие названий определяется и заимствованиями: для тюркских языков характерны заимствования из иранских, арабских языков; для монгольских - из иранских, тибетского языка и санскрита [4, с. 125-126].

Названия растений образуются на базе существующих в языке слов, как результат появления у старых слов новых смысловых значений. Флористическая терминология частично пополняется и за счет заимствования из других языков. Так, например, многие калмыцкие названия огородных, зерновых и садовых культур заимствованы из русского языка [3, с. 83]. Например: *морханиг* «морковь»; *аһурц* «огурец»; *ичм* «ячмень».

Для передачи новых понятий при отсутствии в калмыцком языке соответствующих эквивалентов используют слова, заимствованные из санскрита: *занди* «санда»; *альмн* «яблоко»; *анр* «плод граната»; тюркизмы: *олң* «осока»; *яңһг* «греческий орех»; *үзм* «виноград»; *шар өрг* «абрикос»; *хар өрг* «слива»; *сармсг* «чеснок»; *зер-земш* «плод, фрукт»; *арва* «овес»; из китайского языка: *лоовң* «морковь».

Совпадение названий растений и их частей в тюркских и монгольских языках обусловлено, в основном, заимствованиями. Лишь очень незначительная часть таких совпадений может быть предположительно отнесена к числу общих по происхождению тюрко-монгольских названий [4, с. 126].

На примерах приведенных в данной работе, мы видим, что в калмыцком языке представлена богатая флористическая терминология, пополняющаяся за счет заимствований, которые обогащают словарь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сусеева Д.А.* Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch // Записки КНИИЯЛИ. Выпуск 3. Элиста, 1964. С. 129-133.
2. *Дмитриева Л.Д.* Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1971. С. 152–160.
3. *Будаев Ц.Б.* О флористической терминологии (на материале бурятского, монгольского и калмыцкого языков) // Труды БКНИИ. Сер. востоковедная. Улан-Удэ, 1960. Вып. 3. С. 80-88.
4. *Дмитриева Л.В.* Фитонимы и фитонимическая терминология, общие для тюркских и монгольских языков // Проблемы алтаистики и монголоведения. Выпуск 2. М; Наука. 1975. С. 125–142.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

ББК 60.54

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В КАРТИНЕ МИРА ЖИТЕЛЕЙ КАЛМЫКИИ

Д. А. Шарманджиев

В статье рассматриваются некоторые ценностные предпочтения жителей Калмыкии. Термин «самоидентификация личности» используется в качестве одной из парадигм ценностной картины мира человека.

Ключевые слова: *идентичность, ценности, картина мира, концепты.*

In the article some value preferences of population of the Republic of Kalmykia are considered. The term “self-identification of a person” is used as paradigm of value picture of the world of the man.

Keywords: *identity, value, picture of the world, concepts.*

В выявлении ценностной картины мира человека немаловажное значение имеет самоидентификация личности, т.е. значимость имеет не только видение мира, но и определение своего места в этом мире.

В социологии и психологии самоидентификация личности определяется как процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, образцом.

По определению В.А.Ядова, социальная идентификация – это нестрогое обозначение групповых идентификаций личности, т.е. самоопределение индивидов в социально – групповом пространстве относительно многообразных общностей как «своих» и «не своих». В более широком смысле – отношение к этому самоопределению [1].

В июне 2008 г. Центром этносоциальных исследований КИГИ РАН был проведен социологический опрос в рамках проекта «Республика Калмыкия в условиях трансформации российского общества» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». В семи районах Республики Калмыкия и в г. Элисте было опрошено 700 человек. Одной из целей данного опроса было изучение ценностных ориентаций различных этнических и социальных групп, проживающих на территории Калмыкии, степени и направленности их самоидентификации.

В ходе анкетирования был задан вопрос «Кем Вы себя считаете в первую очередь?» со следующими альтернативами:

- 1) россиянин
- 2) житель Республики Калмыкии
- 3) представитель народа
- 4) представитель конкретного рода
- 5) представитель веры
- 6) житель определенной местности

Наибольшее количество русских жителей Калмыкии выбрали альтернативу «россиянин»

(17,5%) и лишь 6,2% из них ответили, что считают себя в первую очередь жителями республики. И, напротив, большинство калмыков (31,6%) выбрали ответ «житель республики». Несколько неожиданным явился факт крайне низкой степени этнической идентичности русских респондентов. Всего 1,4% из них считает себя представителями своего народа. Никто из русских не чувствует своей принадлежности к определенной религии. Среди калмыков лишь 6% респондентов признали себя представителями своей веры (табл. 1).

В условиях сложных и противоречивых социально-политических процессов, протекающих в нашей стране, чрезвычайно важно проследить состояние и динамику социокультурных ценностей различных групп населения.

К. Клакхон в работе «Культура и поведение» трактует ценности как «устойчивые во времени обобщенные абстрактные стандарты, определяющие, что является правильным и что должно быть свойственно людям того или иного общества» [2].

С целью изучения фундаментальных жизненных ценностей населения республики в ходе анкетирования был задан вопрос “Что сегодня необходимо, чтобы добиться успеха в жизни?”. Респондентам было предложено выбрать из 16 человеческих качеств и понятий-символов не более трех.

В целом, большинство респондентов на первое место поставили такую ценность, как «деньги». На втором месте в иерархии жизненных ценностей опрошенных – «хорошее образование», на третьем – «протекция, связи» (9%). Более всех считают материальную составляющую главной для достижения успеха жители со средним специальным (15%) и высшим (13%) образованием. Вызывает сожаление, что такие качества как порядочность и интеллигентность, выбрали лишь 1 (!) и 4 респондента соответственно (табл. 2).

Таблица 1. Кем Вы себя считаете в первую очередь?

	национальности					
		калмыки	русские	казахи	даргинцы	чечен
россиянином	1	137	122	31	1	0
	1%	19,6%	17,5%	4,4%	1%	0%
жителем Республики Калмыкия	0	221	43	17	0	1
	0%	31,6%	6,2%	2,4%	0%	1%
представителем народа	0	87	10	1	0	0
	0%	12,4%	1,4%	1%	0%	0%
представителем конкретного рода	0	8	0	1	0	0
	0%	1,1%	0%	1%	0%	0%
представителем веры	0	4	0	1	0	0
	0%	6%	0%	1%	0%	0%
жителем определенной местности	0	9	2	1	0	0
	0%	1,3%	3%	1%	0%	0%

Таблица 2. Что сегодня необходимо, чтобы добиться успеха в жизни?

	начальное	неполное среднее	среднее общее	среднее специальное	незаконченное высшее	высшее	
деньги	0	13	45	105	32	91	286
	0%	1,8%	6,4%	14,9%	4,6%	12,9%	40,7%
счастливый случай	0	7	6	18	4	21	56
	0%	1,0%	9%	2,6%	6%	3,0%	8,0%
протекция, связи	0	2	4	21	10	25	62
	0%	3%	6%	3,0%	1,4%	3,6%	8,8%
предприимчивость	0	2	4	21	7	21	55
	0%	3%	6%	3,0%	1,0%	3,0%	7,8%
хорошее образование	4	12	15	47	21	45	144
	6%	1,7%	2,1%	6,7%	3,0%	6,4%	20,5%
профессионализм, компетентность	0	1	9	16	7	15	48
	0%	1%	1,3%	2,3%	1,0%	2,1%	6,8%
талант, способности	0	2	3	8	1	2	16
	0%	3%	4%	1,1%	1%	3%	2,3%
интеллигентность	0	0	1	3	0	0	4
	0%	0%	1%	4%	0%	0%	6%
коммуникабельность	0	0	3	3	3	4	13
	0%	0%	4%	4%	4%	6%	1,8%
умение рисковать	0	0	1	4	0	2	7
	0%	0%	1%	6%	0%	3%	1,0%
уверенность в своих силах и знаниях	0	1	1	4	0	0	6
	0%	1%	1%	6%	0%	0%	9%
работоспособность	0	0	0	5	0	0	5
	0%	0%	0%	7%	0%	0%	7%

порядочность	0	0	0	1	0	0	1
	0%	0%	0%	1%	0%	0%	1%
всего	4	40	92	256	85	226	703
	6%	5,7%	13,1%	36,4%	12,1%	32,1%	100,0%

Если сравнить данные последнего опроса с результатами аналогичного анкетирования проведенного в 2003 г., то можно говорить, в целом, о совпадении ранжирования респондентами жизненных ценностей. В 2003 г. в своеобразном рейтинге жизненных ориентаций первые три места в такой же последовательности занимали такие ценности как «деньги», «хорошее образование», «протекция, связи».

Для выявления ценностных предпочтений личности большое значение имеет наличие морального образца или примера, который служил бы для человека определенным ориенти-

ром в жизни. Для большинства респондентов примером в жизни являются родители (60%). Другие альтернативы: (друг, подруга), (персонаж из литературы), (политик) и др. значительно уступают. Так, например, находящийся на втором месте ответ «друг, подруга» «набрал» 4,7% голосов.

Существенных различий в ответах, связанных с образовательным уровнем респондентов, мы не выявили.

Стоит лишь отметить, что значительное число опрошенных (25%) не имеют никаких образцов или примеров в жизни. (табл. 3)

Таблица 3. Кто для Вас является образцом или примером в жизни?

	Абсолютное количество	в %
родители	418	59,3
друг, подруга	33	4,7
персонаж из литер	5	,7
политик	18	2,6
деятель культуры, науки, образования	9	1,3
другое	36	5,1
таких нет	176	25,0
всего	695	98,6

В ходе последнего социологического исследования изучались также некоторые отдельные концепты ценностной картины мира жителей Калмыкии.

Изучение картины мира в виде определенных концептов в российской науке получило распространение лишь в последние годы. В статье И.В. Андреевой «Концепты «свобода», «справедливость», «закон», «родина» в картине мира русских и американцев», опубликованной в журнале «Вопросы культурологии» (2007г., №4), рассматривались несколько наиболее значимых, на взгляд автора, смыслообразующих понятий. Исследователь В.Э. Бойко выделяет подобные концепты в смысловую систему ценностей. Об этой системе социолог говорит, что она объединяет ценности человеческой жизни, предопределяющие цели бытия, человеческой сущности, а также ценности свободы, правды, красоты.

В названной статье была приведена методика анкетного опроса, которая частично использовалась в ходе нашего исследования. Одним

из вопросов анкеты предполагалось выяснить отношение респондентов к одному из смыслообразующих концептов ценностной картины мира – «свободе». Вопрос был сформулирован следующим образом: «Скажите, что значит для Вас свобода?» Ниже предлагались два вида альтернативных суждения:

1. Свобода – это то, без чего жизнь теряет смысл.

2. Главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна.

В случае если респондент не может поддержать ни одно из этих суждений, то он мог высказать свое собственное на третьей свободной графе вопроса.

Большинство из опрошенных выбрали ответ «свобода - это то, без чего жизнь теряет смысл» (57,2 %). В то же время значительное количество респондентов не считают свободу большей ценностью чем материальное благополучие (31,8 %).

Среди этнических групп наибольшее количество ответивших «свобода- это то, без чего

жизнь теряет смысл» наблюдается у казахов (69 %). Немного меньше этот ответ выбрало калмыков (60 %). Среди русских таких оказалось 47 %. Соответственно, в русской этнической группе больше всех респондентов, выбравших ответ «главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна» (44 %). У калмыков

этот показатель составил 28 %, казахов – 25 % (табл. 4).

В целом, результаты социологического опроса показали устойчивость в сознании респондентов, наряду с ценностью образования, ценностей материального порядка, как инструментов для достижения успеха в жизни.

Таблица 4. Скажите, что значит для Вас свобода?

	национальности		
	калмыки	русские	казахи
свобода- это то, без чего жизнь теряет смысл	40%	12,2%	5,2%
	279	85	36
главное – материальное благополучие, а свобода второстепенна	18,9%	11,3%	1,9%
	132	79	13
другое	7,3%	2%	4%
	51	14	3
всего	66,6%	25,5%	7,4%
	465	178	52

ЛИТЕРАТУРА

1. Межнациональные и конфессиональные вопросы Бурятии в свете общественного мнения / Ц.Б. Будаева, Н.Ц. Хантургаева, Д.Ц. Будаева и др. Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. С. 18.

2. Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 57.

ББК 60.54

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ (ПО ИТОГАМ ОПРОСА 2008 ГОДА В КАЛМЫКИИ)

Л.В. Намруева

В статье на основе данных социологического исследования 2008 г. анализируются малоисследованные проблемы, связанные с определением роли конфессионального фактора в процессе сохранения калмыцкой этничности.

Ключевые слова: *буддийская культура, виды социальной идентичности, конфессиональный фактор сохранения калмыцкой этничности.*

On the basis of the data of sociological research carried out in 2008 the author analyzed problems connected with definition of the role of the religious factor in the process of preservation of the Kalmyk ethnicity.

Keywords: *Buddhist culture, kinds of social identity, confessional factor of preservation of the Kalmyk ethnicity.*

Конфессиональный фактор является важным для этнической идентификации российских буддистов, особенно для калмыков, территория расселения которых находится в отдалении от традиционных центров буддизма. Для калмыков, единственного монгольязычного народа на европейской территории, живущего на протяжении четырех столетий в тесном взаимо-

действии с народами иных культур и религий, этнический фактор, безусловно, играет важную роль в идентификационном процессе.

В данной статье анализируются отдельные результаты социологического исследования, проведенного в 2008 году Центром этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в рамках проекта

«Языковая ситуация в Республике Калмыкия». Данный проект был поддержан Правительством РК как одно из мероприятий Года калмыцкого языка в республике. Массовый анкетный опрос был проведен в г. Элисте и в восьми районах республики. Всего было опрошено 467 человек калмыцкой национальности. Из них городское население составляет 31%, сельское - 69%. Распределение по полу и возрасту выглядит следующим образом: мужчины составляют 45,6%, женщины - 54,4%. Респонденты в возрасте до 20 лет представлены 13,5%; 20-29 лет - 24,8%; 30-39 лет - 22,3%; 40-49 лет - 22,7%; 50-59 лет - 13,9%; 60 лет и старше - 2,8 %.

В калмыцкой науке еще не появились исследования, целью которых явился бы анализ влияния буддизма на формирование нового социально-экономического пространства; в отечественной науке в целом возрастающему влиянию этой конфессии на различные аспекты социальной реальности пока не уделено достаточного внимания [1, с. 170]. Отсутствие научных трудов, исследовательского интереса приводит к тому, что значение конфессионального фактора не учитывается при решении таких важных социальных проблем, как экономическая, политическая, демографическая, в том числе и тех, что рассматриваются в данной статье. Необходимы междисциплинарные исследования, научные поиски возможностей, способов, которые позволят решить проблемы, связанные с сохранением и дальнейшим развитием калмыцкого этноса, его неповторимой самобытной культуры, в том числе и его вероисповедания.

Б. У. Китинов отмечает, что буддизм играет важную, если не определяющую, роль в идентификационных процессах у народов России, традиционно исповедующих эту религию: у бу-

рят, калмыков, тувинцев и части алтайских народов [2, с. 174]. У калмыков, по его мнению, «буддийская культура является основным показателем для идентификации» [2, с. 178].

Мы считаем, что в процессе калмыцкого духовного возрождения научная и общественная мысль обращена преимущественно в прошлое, в редких случаях - в настоящее и крайне редко, а практически нет - в будущее. В связи с тем, что происходит рост религиозности населения республики, и конфессиональный фактор является одним из основных этноопределителей, наряду с такими показателями, как «родная земля, территория», «традиции и обычаи», «язык» (это постоянно фиксируют проводимые нами социологические исследования), необходимо использовать эти обстоятельства в процессе сохранения этничности.

В ходе анализируемого исследования мы попытались выяснить, какие изменения происходят в идентификационных процессах, каково соотношение различных видов социальной идентичности. Анализ базируется на ответах респондентов на закрытый вопрос: «Кем Вы считаете себя в первую очередь?» (варианты ответов: россиянином, жителем республики Калмыкия, представителем народа, представителем рода, представителем религии, жителем определенной местности).

В ходе анализа выяснилось, что нынешняя конфигурация социальных идентификаций отличается большим своеобразием. Одной из ее наиболее характерных особенностей является слабость этнической и конфессиональной идентичности, о чем свидетельствует невысокая доля той части респондентов, которая испытывает тесную связь с представителями своего народа и ее традиционной религии (табл. 1).

Таблица 1. Распространенность социальных идентификаций (в % от числа опрошенных)

	Мужчины	Женщины	Общий средний результат
Россиянином	38,0	34,0	35,8
Жителем Калмыкии	40,8	49,8	45,4
Представителем народа	16,0	11,3	13,7
Представителем конкретного рода	2,8	1,6	2,1
Представителем веры	0,4	0,4	0,4
Жителем определенной местности	1,9	2,8	2,4

Полученные данные свидетельствуют, что 35,8% опрошенных калмыков ощущают себя, прежде всего, гражданами России, т.е. у них доминирует гражданская, российская, идентичность. При этом у опрошенных мужчин (38%) она выражена

несколько сильнее, чем у женщин (34%). Этот вид идентичности проявляется через осознание гражданской общности в пределах всего государства, как личная причастность к категории «мы-россияне». Российская идентичность базируется

на месте страны в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности [3, с. 365].

45,4% респондентов ответили, что в первую очередь себя считают жителями республики, т.е. у них доминирует республиканская идентичность, которая опережает российскую и этническую идентичность. Почти половина опрошенных женщин отмечает республиканскую идентичность, у них она проявляется ярче, чем у мужчин (40,8%). Под республиканской идентичностью понимаем разновидность групповой принадлежности, при которой субъект через конструирование социальной реальности сам осознает принадлежность к определенному региону, где он проживает, региональному сообществу, это вызывает у него желание и потребность участия в региональных взаимодействиях, связывать свое настоящее и будущее с развитием республики.

Мы согласны с тем, что республиканская идентичность связана с естественной привязанностью большинства людей к месту, где они живут, работают, находятся в повседневном общении с природой, привычными людьми [3, с. 353]. Республиканская идентичность является сходной с этнической идентичностью – с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования [3, с. 358].

Как видно из таблицы, 13,7% нашего массива выбирают, в первую очередь, этническую принадлежность. Этот вид социальной идентичности для огромной части населения России является наиболее осознанной и близкой, так как она выступает важной интегрирующей константой в условиях, когда другие ориентиры оказываются размытыми или утраченными. В исследованиях, проведенных в 2004-2005 гг., третья часть респондентов (34,1%) из числа калмыков отмечала, что считает себя представителями народа. В 2008 году таковых оказалось почти в 2,5 раза меньше [4, с. 219]. Эти изменения требуют глубокого изучения, что позволит выявить причины ослабления этнических характеристик.

Разделяем точку зрения Л. Дробизевой, ведущего отечественного этносоциолога, относительно того, что снижение этнической идентичности происходит по той причине, что люди испытывают разную потребность в ассоциированности с этнической группой и имеют разный уровень консолидированности с ней, это также зависит от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричастности, аффилиации с группой, различны чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (имеются ли заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации и др.) [3, с. 366]. Четыре столетия

калмыки мирно соседствуют с разными народами, это способствовало тому, что их этническая идентификация не сформировала этноизолированную общность.

Наряду с этнической принадлежностью к наиболее устойчивым идентификациям относятся и религиозная идентификация. Следует отметить, что самоотождествление с верующими еще не означает наличия веры как таковой. Как считает С.Д. Лебедев, религиозная идентификация вполне может оказаться своеобразным пустоцветом на дереве религии, когда через религию удовлетворяются потребности в других идентичностях – национальной, политической или групповой. В подобных случаях религия используется как средство, а не как цель, как ценность инструментального, а не терминального характера [5, с. 34].

Результаты проведенного в 2004 г. социологического исследования показывают, что верующими считали себя более 60% опрошенных калмыков, из них 90% причисляли себя к буддистам. При этом их религиозность не сопровождается соответствующим поведением, т.е. религиозность большинства скорее носит декларативный характер. Мы считаем, что повышение религиозности происходит не потому, что в повседневной жизни наши респонденты постоянно посещают хурулы, тщательно выполняют предписания Будды, а скорее по той причине, что живут они в республике, в семье с буддийскими традициями. Самоидентификация «я буддист» оказывается шире, чем собственно религиозная идентичность.

Нам близка точка зрения Ж.Т. Тощенко о том, что «религиозная самоидентификация осуществляется не столько по принадлежности к той или иной религии, сколько на основе соотношения себя с определенной культурой, национальным образом жизни, в значительной мере сформировавшимися под воздействием данной религии» [6, с. 50].

Поэтому самооценка конфессиональной идентичности, данная нашими респондентами, не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческих позиций человека. Результаты анкетирования свидетельствуют о несовпадении уровня религиозности и степени ее проявления.

Анализируя данные исследования 2008 г., отмечаем единичные случаи ответов, в которых зафиксированы конфессиональная, локальная, субэтническая идентичности. Это говорит о том, что они на данный момент не являются актуальными для нашего массива. С другой стороны, мы согласны с мнением Б.У. Китинова, что «проблема идентичности связана с таким моментом, как переплетение религиозной принадлежности с этнической идентификацией людей» [2, с. 178]. В начале 90-х годов XX в. этот исследователь отмечал, что взаимопроникновение этнорелигиозных компонентов

на уровне сознания, связанных с ними обычаев, обрядов, традиций позволяет говорить о том, что этноним «калмык» содержит в себе смысл «буддист», и буддийская культура является основным показателем для идентификации калмыков [2, с. 178].

На изменение результатов, характеризующих конфессиональную идентичность, повлияло изменение содержания задаваемых вопросов. Так, на вопрос «Кем Вы себя считаете?», из списка предложенных альтернативных вариантов более предпочтительными оказываются те ответы, которые характеризуют республиканскую, российскую, этническую идентичности. По мнению Ж. Тощенко, в нашей стране произошло сближение понятий «этническая» и «религиозная идентичность», которые «взаимно покрывают друг друга, в свою очередь порождая весьма сложные взаимосвязи в общественном сознании и социальной практике» [6, с. 50]. Поэтому на вопрос «Какой Вы веры?» респонденты фиксируют традиционную религию народа, к которому принадлежат, действуя скорее от привычного соотношения «калмык, значит, буддист», а, не оценивая свое реальное религиозное поведение и мировоззрение.

Происшедшие изменения требуют глубокого изучения, что позволит выявить причинно-следственную обусловленность изменений в идентификационных процессах. Надо признать, что не только трансформирующееся российское, но и любое современное общество, - это пространство постоянно изменяющихся идентичностей. Можно согласиться с тем, что если в недавнем прошлом смена идентичности предполагала маргинали-

зацию, то в сегодняшнем мире риску оказаться маргиналами более подвержены те, кто сохраняет идентичность вопреки изменению объективной социальной ситуации и не способны принять новые социальные реалии [5, с. 31].

Общеизвестно, что «религия предстает одним из наиболее устойчивых элементов национальной культуры, сопротивляющейся нивелировке культурно-национальной самобытности, одним из каналов передачи этнокультурной информации от поколения к поколению» [7, с. 167]. Религия и этнический язык являются одними из основных элементов культуры, от сохранности которых зависит как сохранение самой традиционной культуры, так и этноса, носителя этой культуры. Нам представляется весьма интересным проследить взаимосвязь языкового и конфессионального факторов в этом процессе.

Одна из задач рассматриваемого исследования заключалась в изучении реальной языковой ситуации. С этой целью в анкету был включен отдельный блок, состоящий из четырех вопросов, три из которых были открытыми. Главным в содержательном и смысловом отношении был закрытый вопрос «Удовлетворены ли Вы тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка?» с семью подготовленными вариантами ответов. Это обстоятельство позволило нам получить обширную информацию от нашей выборочной совокупности. Не стали отвечать на данный вопрос, в среднем, 4,6 % мужчин и 6% женщин. Таким образом, имеющаяся информация дает нам возможность объективного анализа интересующей нас проблемы.

Таблица 2. Удовлетворенность тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка (в %)

	До 20 лет		20-29 лет		30-39 лет		40-49 лет		50-59 лет		60 и старше	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Вполне удовлетворен	23,1	16,7	20,0	18,2	18,6	12,1	8,2	16,7	32,0	25,0	14,3	16,7
Удовлетворен	25,6	16,7	22,0	16,7	18,6	20,7	14,3	31,5	16,0	30,0	42,9	16,7
Мне все равно	7,7	20,8	2,0	3,0	2,3	1,7	-	1,9	-	-	-	-
Не вполне удовлетворен	15,4	25,0	10,0	22,7	11,6	19,0	12,2	14,8	24,0	10,0	28,6	33,3
Не удовлетворен	15,4	-	18,0	21,2	35,9	31,1	34,7	14,8	20,0	17,5	14,3	16,7
Религия не играет роли	2,6	12,5	4,0	-	-	1,7	2,0	-	4,0	2,5	-	-
Трудно сказать	7,7	-	18,0	15,2	9,3	5,2	18,4	14,8	-	5,0	-	16,7
Нет ответа	2,6	8,3	6,0	3,0	4,7	8,6	10,2	5,6	4,0	10,0	-	-

Проанализируем полученные данные в зависимости от возраста и пола респондентов. Так, нами выявлена следующая закономерность: молодые мужчины (до 40 лет) в большей мере удовлетворены местом религии в процессе сохранения и развития калмыцкого языка в республике, чем женщины этого же возраста. Сравним: 48,7%

мужчин и 33,4% женщин до 20 лет; 42% мужчин и 34,9% женщин 20-29 лет; 37,2% мужчин и 32,8% женщин 30-39 лет дали положительный ответ на поставленный вопрос.

Пятая часть (20,8%) опрошенных девушек высказала свое равнодушное отношение к этому процессу. Это самое максимальное количество ин-

дифферентных ответов на вопрос «Удовлетворены ли вы местом религии в процессе сохранения и развития калмыцкого языка?». В старших возрастных группах (50-59 лет, 60 и старше) этот вариант отсутствует, а в остальных половозрастных группах он отмечен минимальным числом опрошенных. В большинстве своем людям не безразлично, какую роль играет буддизм, традиционная религия калмыков, в процессе сохранения языка.

Не удовлетворены местом религии в рассматриваемом процессе:

30,8% юношей; 25% девушек до 20 лет;
28% мужчин; 43,9% женщин от 20-29 лет;
47,5% мужчин; 50,1% женщин от 30-39 лет;
46,9% мужчин; 29,6% женщин от 40-49 лет;
44% мужчин; 27,5% женщин от 50-59 лет;
42,9% мужчин; 50% женщин от 60 и старше.

В общем, 40% мужчин и 37,7% женщин отметили, что их не устраивает, какое место занимает религия в процессе сохранения и развития калмыцкого языка. Как видим из вышеприведенных данных, немалая часть (от четверти до половины опрошиваемых) выразила свою неудовлетворенность тем, какую роль играет религия в этом процессе.

Категоричное мнение, что религия вообще не играет никакой роли в сохранении калмыцкого языка, высказали 12,5% девушек до 20 лет, в других группах – единицы. У респондентов 60 лет и старше подобное мнение не возникает.

Следует обратить внимание на отсутствие ответов и выбор варианта «трудно сказать». Отметим, что в большей степени затруднились выразить определенную позицию в этом нелегком вопросе: 18,4% мужчин (40-49 лет), 18,0% мужчин (20-29 лет); 15% женщин (20-29 лет), 16,7% женщин (60 лет и старше).

Рассмотрим полученные данные в зависимости от места проживания и уровня образования респондентов.

42,4% городских респондентов удовлетворены тем, какую роль выполняет традиционная конфессия калмыков в процессе сохранения и развития калмыцкого языка. Среди тех, кто безразличен к этому вопросу, преобладают респонденты с неполным образованием (12,5%). 39,2% респондентов-горожан не удовлетворены тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка. В первую очередь такую принципиальную позицию высказали респонденты с высшим образованием (65,1%) и 3% этой группы считают, что вообще религия не играет никакой роли в этом процессе. Каждый десятый респондент-горожанин затруднился ответить на поставленный вопрос.

Чуть более трети (35,4%) респондентов, проживающих в райцентре, удовлетворены ролью буд-

дизма в сохранении калмыцкого языка. Прежде всего эту позицию выбрали респонденты с неполным средним (50%) и высшим (44,7%) образованием. Свое индифферентное отношение продемонстрировали респонденты с неполным высшим (5%) и высшим (4,3%) образованием. 39,6% респондентов из райцентра не удовлетворены участием религии в этом важном этнокультурном процессе. Это мнение разделяют опрошенные с неполным высшим (50%) и неполным средним (50%) образованием. Почти во всех анализируемых группах есть респонденты, указавшие, что буддизм не играет никакой роли в сохранении языка. Каждый десятый респондент, проживающий в райцентре, затруднился ответить на данный вопрос.

Проанализируем мнение сельских респондентов. 43% из них удовлетворены ролью традиционной конфессии калмыков в процессе сохранения и развития языка. Эта оценка в меньшей степени характерна для респондентов со средним специальным (37%) и средним (26,3%) образованием. К тому же среди первых есть те, кто безразличен к этому процессу (6,5%), в отличие от них, в других группах таковых не нашлось. 34,6% сельских респондентов отметили, что не удовлетворены тем, какое место занимает религия в сохранении и развитии калмыцкого языка. В большей мере эту точку зрения разделяют опрошенные со средним образованием (63%). Только в этой группе имеются те, кто категорически заявляет, что религия не играет никакой роли в этом процессе (2,2%). Почти каждый шестой сельский респондент (15,8%) затруднился ответить на заданный вопрос.

Перейдем к анализу полученных ответов на открытые вопросы. 40% респондентов не ответили на вопрос «На каком языке Вы читаете молитвы бурханам?». Этот результат можно рассматривать с разных позиций. Отчасти нашей выборочной совокупности не свойственна религиозность, с другой стороны, те, кто считают себя верующими, не проявляют свою религиозность в чтении молитв. А третья причина отсутствия ответов, на наш взгляд, банальна, респонденты не хотели прилагать усилия для того, чтобы продумать ответ и записать его. Из тех, кто ответил, большая часть читает мантры на тибетском языке (более 15%). На калмыцком языке произносят молитвы значительно меньшее количество людей.

Чуть более трети (34,8%) опрошенных не ответили на второй открытый вопрос «Как вы считаете, на каком языке должны читать молитвы в хурулах?». Каждый девятый отметил, что необходимо читать молитвы на другом языке. В связи с этим представляется сложным определить, какой язык они имеют в виду. Половина нашей выборки однозначно считает, что службы должны проходить на калмыцком языке. Этот результат свидетельствует о том, что население испытывает

потребность слышать родную калмыцкую речь в буддийских хурулах, понимать текст молитв. В современных хурулах Калмыкии настоятелями являются, в основном, тибетские монахи. Общение прихожан с монахами зачастую происходит через переводчика. В редких случаях тибетцы могут общаться на русском или калмыцком языке.

Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче на встрече с журналистами в декабре 2008 года сказал, что есть надежда спасти калмыцкий язык при условии сохранения языковой среды, в первую очередь, в семье. Относительно проведения религиозных служб на калмыцком шаджин-лама заявил, что это тоже возможно, хотя перевод мантр – довольно трудоемкий процесс, да и подчас само толкование терминов неоднозначно. Ринпоче заметил, перевести молитвы еще полдела, будут ли они адекватно восприняты верующими – вот в чем вопрос. Ведь для этого человек должен знать смысл молитв, несведущему же в буддизме ничего не скажут молитвы, произносимые как по-калмыцки, так и по-тибетски [8].

На третий открытый вопрос, заключающий просьбу написать фрагменты молитв, большая часть (55,2%) опрошенных не отреагировала на наше задание, а 17% респондентов написали «нет». Данный ответ имеет двойственное значение, т.к. его можно рассматривать как простое нежелание записать текст молитвы, с другой стороны, как отсутствие религиозных знаний у части респондентов. 13,3% анкетированных читают мантру Авалокитешвары «Ом мани падме хум». 2,4% - мантру богини Тары «Ом таре ту таре туре сууха». 5,6% - произносят другие молитвы.

Мы разделяем позицию тувинского исследователя О.М. Хомушку, что современный человек опирается на религию в основном при решении каких-либо своих внутренних вопросов, отбирая в ней для себя то, что наиболее соответствует его жизненному опыту, уровню знаний, психологическому состоянию, душевному складу [7, с. 167]. Так, для людей пожилого возраста характерно обращение к морально-нравственным нормам буддизма. Для части верующих религия является определенной системой взглядов и действий, которые были восприняты еще в детстве и превратились в привычную форму отношения к действительности. Молодые люди не только видят в традиционном вероисповедании этнические черты, но и нуждаются в религии в прагматических целях. Они посещают хурул, слушают службы, чтобы решить каждодневные проблемы («продлить жизнь», «устранить препятствия», «открыть дорогу» для успешного дела, успехов в учебе и так далее).

Б.У. Китинов отмечает, что в прежние време-

на защитные системы этноса и религии (крепость родовых, племенных и иных уз, прежнее всеислие религии, традиций и пр.) срабатывали более эффективно, чем ныне. А с другой стороны, религия, живя по своим законам, тем не менее, как часть современной культуры должна развиваться, в известной мере преобразовываться: «актуальной остается проблема некоторой «модернизации», трансформации и реформации ... в буддизме» [2, с. 182]. Данный подход может содействовать усилению влияния буддийских основ, нахождению новых путей развития этноса. «Культурно-религиозный трафарет оказывает безусловное воздействие на общество, наряду с постоянным переосмыслением культурных представлений и символов, непосредственно влияющих на этнос и любой социальный организм» [2, с. 182]. Условиями, влияющими на сохранение этнической и конфессиональной идентичности народа, являются поддержание исторической памяти, следование традициям, обычаям, этнического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Намруева Л.В. Анализ видов идентичности (российская, республиканская, этническая): по материалам опросов в Республике Калмыкия // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 217-219.
2. Китинов Б.У. Буддизм в идентификационных процессах у российских буддистов // Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedлов. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 170-182.
3. Дробизева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
4. Намруева Л.В. Религиозный фактор и современная социокультурная динамика // Буддийская культура и мировая цивилизация. Материалы III российской научной конференции. Элиста, 2003. С. 168-170.
5. Козырева П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29-39.
6. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (Религиозный фактор в идентификационных процессах) / Отв. ред. М.П. Мchedлов М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 50-68.
7. Хомушку О.М. Этнические особенности культуры человеческой общности // Мир психологии. Научно-методический журнал. № 1 (45). М.-Воронеж, 2006. С. 161-170.
8. Эрендженова В. Тэло Тулку Ринпоче: Мы как одна футбольная команда // Известия Калмыкии. 2008. 5 декабря.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

М.Б. Убушаев

Статья посвящена исследованию миграционной ситуации в постсоветской Калмыкии. Рассмотрена динамика миграционных процессов в Калмыкии в целом и по районам республики. Результаты исследования представлены в виде диаграмм.

Ключевые слова: *миграция, динамика, миграционный прирост, Калмыкия, районы республики.*

The article is devoted to the research of the situation of migration in the post-Soviet Kalmykia. The dynamics of the process of migration in Kalmykia as a whole and in regions of the republic were considered.

Keywords: *migration, dynamics, increase of migration, Kalmykia, regions of the republic.*

Миграционные процессы в мире обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Вполне правомерно минувший век назван «эрой миграции». Сегодня уже никто не оспаривает того положения, что миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира и России.

Южный федеральный округ играет видную роль в миграционном поле страны, являясь одновременно центром притяжения мигрантов, и одним из основных регионов оттока мигрантов. Пожалуй, нет в России иного региона, где были бы так ярко выражены миграционные контрасты и существовали такие мощные встречные потоки переселенцев.

Республика Калмыкия в рамках ЮФО является территорией с потенциально высокой интенсивностью миграций, поэтому их изучение представляет большой научный интерес. В рамках предлагаемой статьи предпринята попытка проанализировать миграционную динамику Республики Калмыкия в разрезе её столицы и районов.

Всесоюзная перепись 1989 г. зафиксировала, что 45,4% населения республики составляли калмыки, 37,7% – русские, 4,0% – даргинцы, 2,6% – чеченцы, 1,9% – казахи. Результаты микропереписи 1994 г. показали, что представители титульного этноса превысили половину численности жителей Калмыкии. С 1992 г. в республике происходит постоянное сокращение населения, обусловленное снижающимся естественным приростом, неспособным перекрыть миграционную убыль. Вместе с тем, по 1999 г. включительно в Калмыкии постоянно отмечался естественный прирост населения. Однако в течение последних лет происходит процесс естественной убыли, вызванный ростом смертности и снижением рождаемости. Только к концу 2006 года ситуация несколько изменилась, и число родившихся на 0,6%

превысило число умерших (родились 3446 человек, умерли – 3426) [1].

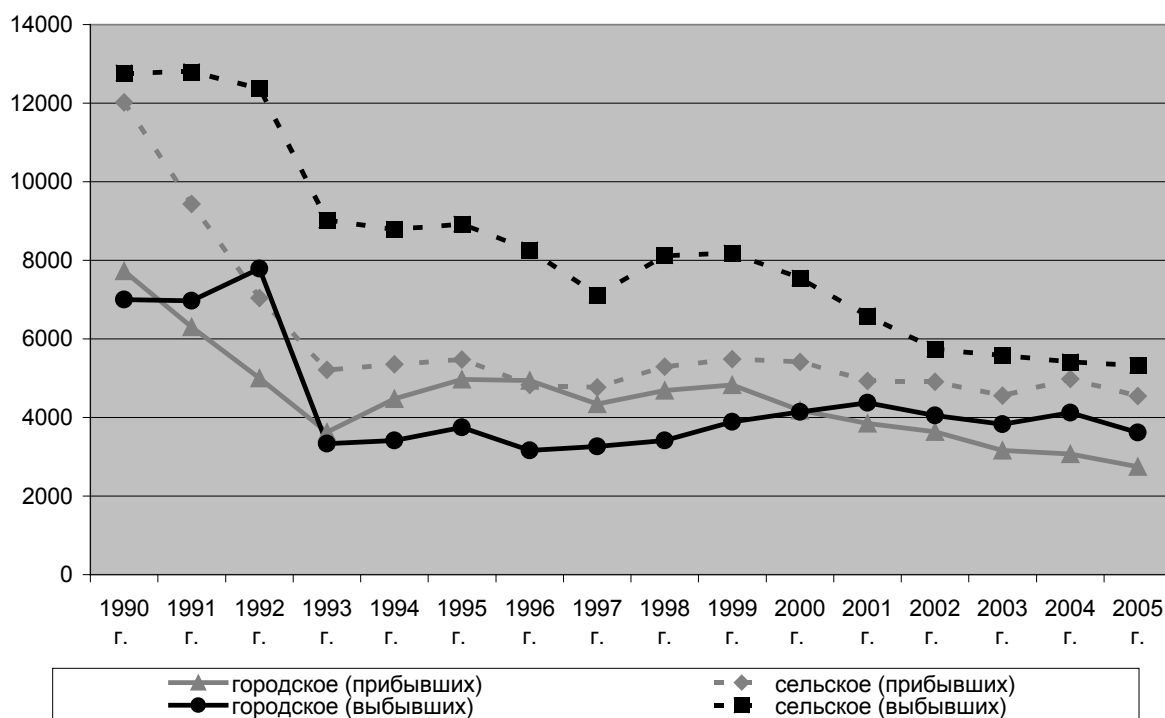
Механическое движение населения отличалось снижением объема миграции на 4,8% и числа выбывших за пределы республики на 0,6% по сравнению с 1999 г. Число прибывших в республику составило 3561 чел. (в прошлом году – 3939). Выбыли за пределы Калмыкии 5662 (1999 г. – 5696) чел. Население меняло место жительства в основном по причинам личного характера (58,6% от числа выбывших за пределы республики и 40,8% – прибывших из-за ее пределов), в связи с работой (соответственно 9,3% и 15,9%) и учебой (12,4% и 7,3%). 28,3% прибывших в Калмыкию и 15,0% выехавших за ее пределы – возвратные мигранты [2].

Ввиду преимущественно аграрного облика экономики Калмыкии в миграционных потоках республики преобладают сельские жители. Происходит миграция населения из села в село; из села в город; из города в село.

Из диаграммы 1 видно, что число выбывшего сельского населения постоянно превышает численность прибывшего сельского населения. Численность выезжающего городского населения в 1990-1993 гг. превышала численность прибывших, в 1994-2000 гг. число прибывших превысило количество выбывших, а с 2001 по 2005 гг. ситуация становится противоположной.

Основными причинами, толкающими население республики на совершение миграций, считаются причины личные, семейные, а также желание вернуться к прежнему месту жительства: около 50% всех мигрирующих совершают передвижения по этой причине. Примерно 40% мигрантов (в основном, представители калмыцкой национальности) вернулись в республику по указанной причине и около 25% мигрантов (в основном, русские) покинули республику также по этой причине. Другой весомой причиной можно назвать миграцию в связи с учебой и работой (около 10% всех мигрантов).

Диаграмма 1. Динамика миграции городского и сельского населения Республики Калмыкия.

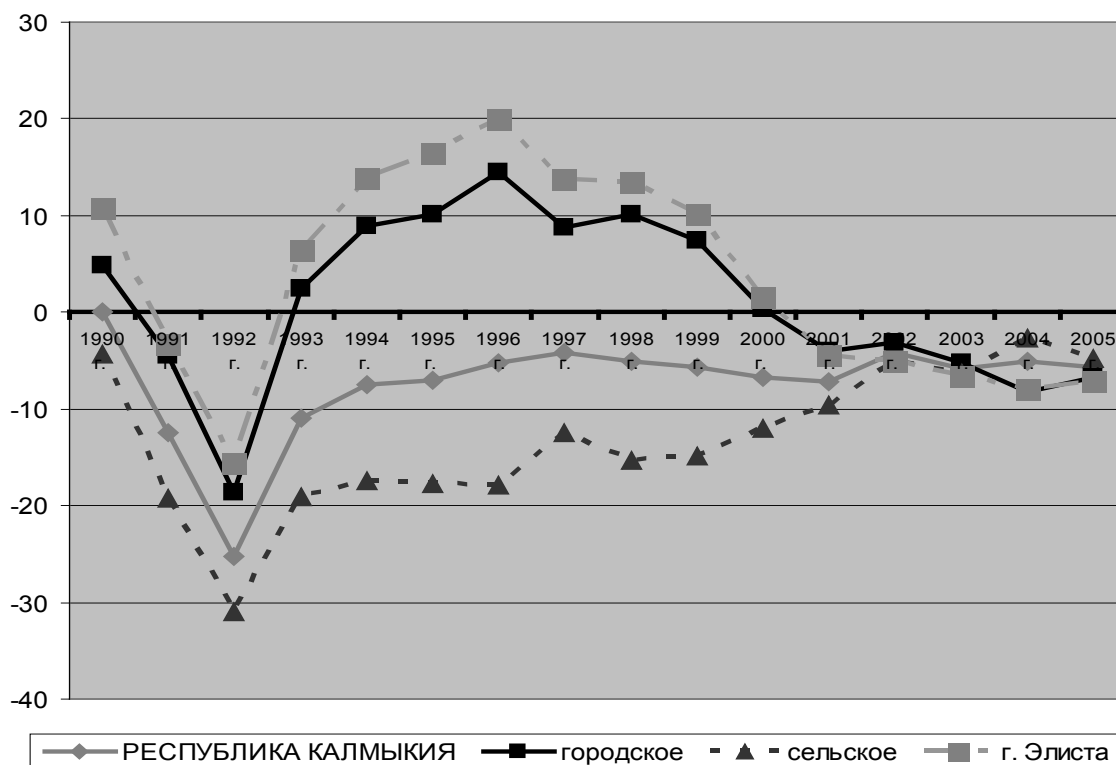

Для более наглядного представления и сравнения миграционного прироста взят расчет на 1000 населения.

На диаграмме 2 представлен миграционный прирост на 1000 населения в республике по сравне-

нию с городским и сельским населением. При рассмотрении графиков заметны приблизительно соответствие и схожесть миграционного прироста по республике в целом и сельского населения. При этом замечен приток городского населения в 1993-2000 гг.

Диаграмма 2. Миграционный прирост населения Калмыкии и г. Элиста (на 1000 человек)

В 2001-2005 гг. заметно выравнивание показателей, что, на наш взгляд, вызвано сокращением сельского населения, готового выехать из районов и отток городского населения за пределы республики. Главной чертой миграции внутри республики является переезд жителей районов в столицу. 2719 мигрантов выбрали Элисту новым местом жительства.

В диаграмме 3 представлены западные районы Республики Калмыкия (Городовиковский, Приютненский, Ики-Бурульский, Яшалтинский).

Из графика видно, что особенно резкий отток населения наблюдался в 1992 г. во всех районах, особенно в Яшалтинском районе. При этом заметно увеличение притока населения в Яшалтинском районе в 1998-2000 гг., а в Ики-Бурульском районе в эти же годы заметно резкое снижение миграционного прироста на 1000 человек населения.

Диаграмма 4 раскрывает миграционный прирост на 1000 человек населения по восточным районам республики (Лаганский, Черноземельский, Яшкульский, Юстинский).

Диаграмма 3. Миграционный прирост населения в западных районах РК (на 1000 человек)

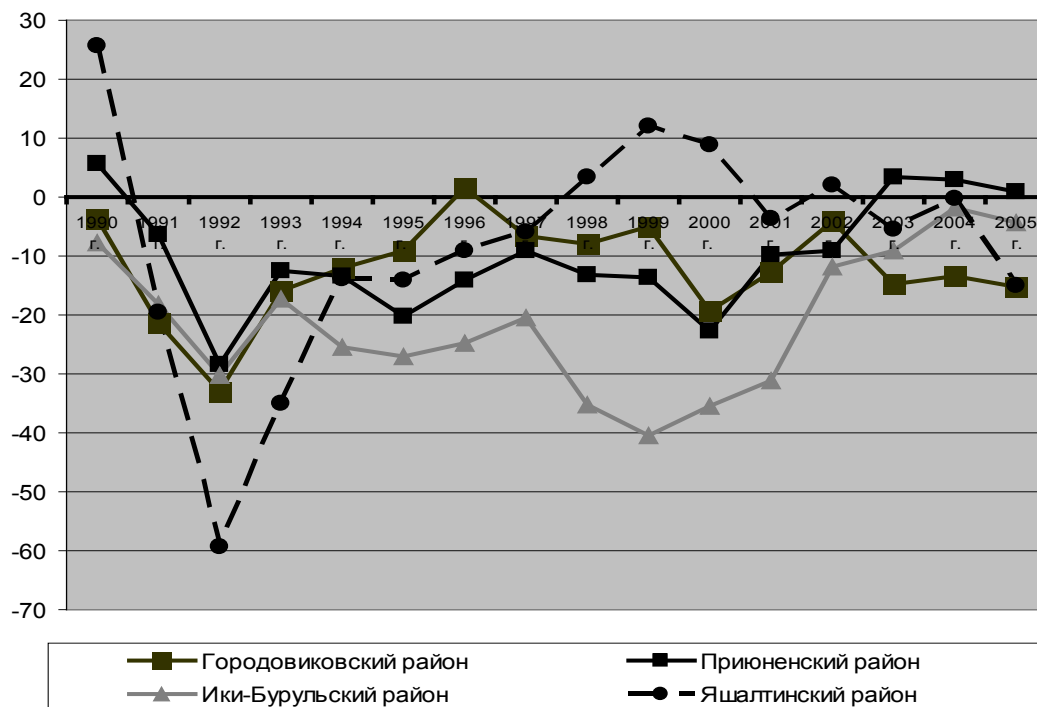
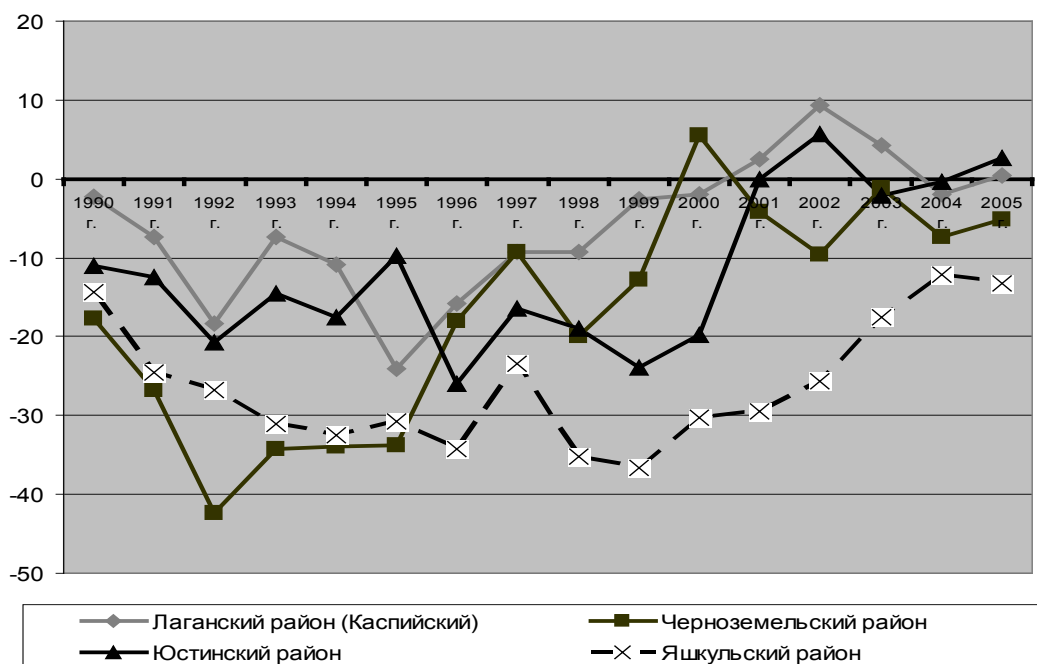

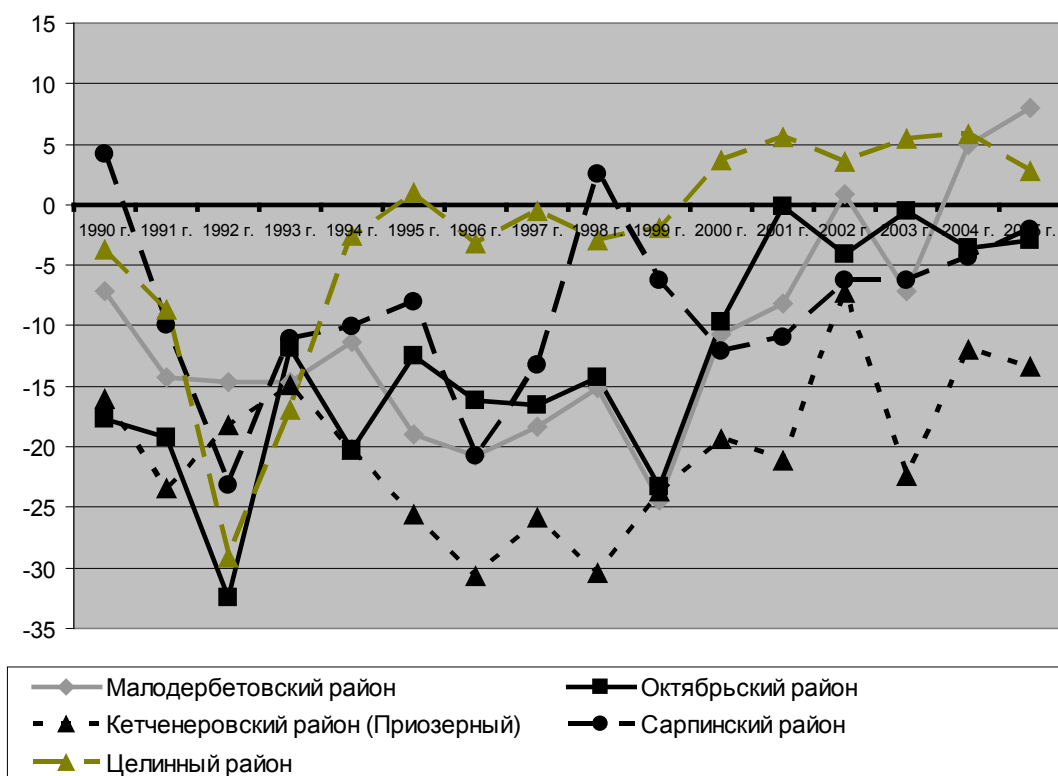
Диаграмма 4. Миграционный прирост населения в восточных районах РК (на 1000 человек)

В начале 90-х годов наблюдается отток населения, характерный для всей республики в целом. Поэтому графики по трем районам приблизительно одинаковы, кроме Яшкульского. Приблизительное сходство по показателям с Яшкульским районом имеет Кетченеровский район (диаграмма 5). Причиной этого, на мой взгляд, является то, что эти регионы чисто сельскохозяйственные, с отсутстви-

ем промышленных предприятий. Лаганский, Черноземельский и Юстинский районы в 2000-2005 гг. имеют небольшой миграционный прирост, что в первую очередь, связано с прокладкой трубопровода Каспийским трубопроводным консорциумом по территории данных районов и созданием благодаря этому благоприятного социально-экономического положения на этой территории.

Диаграмма 5. Миграционный прирост населения в центральных районах РК (на 1000 человек)

В диаграмме 5 представлены данные по центральному району республики (Малодербетовский, Кетченеровский, Целинный, Сарпинский, Октябрьский). Во всех районах наблюдается резкий отток населения в 1991-1993 гг. При этом в Кетченеровском районе наблюдается снижение миграционного прироста вплоть до 2002 года. В 2001-2005 гг. в трех районах (Малодербетовский, Сарпинский, Октябрьский) наблюдается снижение оттока населения, показатели на 1000 человек населения приближаются к нулевой отметке, а в Малодербетовском районе даже становятся положительными. Миграционный прирост на 1000 человек населения по Целинному району в 1994-1998 гг. близок к нулю или положителен, а с 1999 г. положителен. Причиной такой ситуации в данном районе является его пригородность, т.е. соседство со столицей республики г. Элиста, в связи с чем в пригородных населенных пунктах Целинного района селится население, мигрирующее из остальных сельских регионов и работающее в

городе.

Доля соседских миграций во внутрироссийских перемещениях — величина относительно недетерминированная количеством регионов-соседей, но существенно более зависимая от пространственного положения, политического и экономического статуса регионов.

Наиболее активный миграционный обмен сложился с непосредственно граничащими территориями — Ставропольским краем (15,6% в объеме внешней миграции), Ростовской (13,9%), Волгоградской (11,0%), Астраханской (9,7%) областями, Республикой Дагестан (9,9%). Удельный вес выехавших из республики в Ставропольский край составил 19,1% от общего числа выбывших за пределы Калмыкии, в Ростовскую область — 14,6%, в Дагестан — 10,9%. Основной причиной отъезда в Дагестан мигранты указывали возврат к прежнему месту жительства (65,5% от числа выбывших в возрасте 16 лет и старше), в Ставропольский край и Ростовскую область — причины личного, семейного характе-

ра (82,1% и 51,9% соответственно) [3].

В настоящее время основной поток межрегиональной трудовой миграции из Калмыкии направлен в крупные города (Санкт-Петербург, Москва, Волгоград). Мигрируют, в основном, две категории работников: работники с высшим образованием и те, кто работают по рабочим специальностям, вахтовым методом в фирмах – газосварщики, плотники, каменщики, штукатуры, маляры и др. Работодатели Санкт-Петербурга и Москвы более мобильны и приспособлены к современным условиям, предлагают работу с гибким режимом труда, обеспечивают жильем. Кроме того, предлагаемая ими заработная плата позволяет самому работнику снять жилье.

Отмеченные сдвиги в направлениях движения миграционных потоков во многом спровоцированы кризисом переходного периода в раз-

витии страны, а потому их нельзя рассматривать как окончательные. Миграционные процессы будут и дальше адаптироваться к переменам, происходящим в России и в ее ближайшем территориальном окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калмыкия в цифрах. Статистический сборник. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2006. 355 с.
2. Уровень жизни населения Республики Калмыкия. Статистический сборник. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 58с.
3. Калмыкия в цифрах. Статистический сборник. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики Республики Калмыкия. Элиста: АПП «Джангар», 2007. 368с.

ББК 60.7

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

Н.В. Бадмаева

В статье представлен статистический анализ внутрирегиональных миграционных процессов в Республике Калмыкия в период с 1995 по 2005 гг. Также рассматриваются основные причины внутренних миграций, выявлены наиболее миграционно привлекательные районы республики.

Ключевые слова: *статистический анализ, миграционная активность, возвратные миграции, дифференциация районов.*

This article deals with the analysis of migrational processes in the Republic of Kalmykia from 1995 to 2005. The main reasons to the inner migration and the differentiation of regions of the republic are considered.

Keywords: *statistical analysis, migrational activity, returnable migrations, differentiation of areas.*

Миграционные процессы - сложные социальные явления, которые оказывают непосредственное воздействие как на самих мигрантов, так и на принимающее их общество. В результате переезда на новое место жительства люди вынуждены менять свой образ жизни, профессию, круг общения, с другой стороны, миграции нередко изменяют структуру сложившегося на определенной территории социума, его качественный и количественный состав.

Миграционная ситуация в Калмыкии определяется как межрегиональными перемещениями граждан, связанными с пересечением внешних административных границ республики, так и миграционными перемещениями внутри республики.

Связь между экономическими, социальными и демографическими показателями и миграционным поведением населения несомненна. Поэтому в последние годы большое внимание уделяется проблеме внутренней миграции.

На фоне сокращения общей численности населения Калмыкии, главной чертой миграции внутри республики остается переезд жителей районов в столицу. В приведенной ниже таблице показан относительный рост численности населения г. Элисты и сокращение численности населения в сельской местности.

В то же время по причине роста цен на жилье часть населения перебирается не в столицу, а в пригородную зону, где жилье в несколько раз дешевле. Хотя и здесь жилье становится дороже, чем в других районах.

Проведенный анализ статистики внутрирегиональной миграционной подвижности населения в Калмыкии выявил достаточно сильную дифференциацию районов по величине миграционного сальдо. В нижеприведенной таблице показано число прибывших и выбывших в процентном соотношении от численности населения районов в период с 1995 по 2005 гг.

Таблица 1. Изменение численности населения г. Элисты и сельской местности республики.

годы	Численность населения РК	Численность населения г. Элисты в %	Численность населения в сельской местности в %
1997	312567	31,5	60,1
1998	311244	32,1	59,5
1999	309402	32,8	58,9
2000	307814	33,9	57,8
2001	302432	34,9	56,7
2002	294717	35,4	56
2003	291200	35,7	55,6
2004	290253	35,6	55,7
2005	289278	35,7	55,8

Таблица 2. Процентное соотношение числа прибывших и выбывших в районах в период с 1995 по 2005 гг.

	Прибыло %	Выбыло %
г. Элиста	12,3	19,1
городские муниципальные образования	10,6	18,6
Городовиковский	7,6	6,9
Ики-Бурульский	22,6	13,2
Лаганский	10,4	10,6
Малодербетовский	15,8	11,9
Октябрьский	22,7	18,1
Кетченеровский	33,1	18
Приютненский	13,8	13,6
Сарпинский	13	9
Целинный	20	25
Черноземельский	12,3	11,7
Юстинский	22,6	16,4
Яшалтинский	5	7,6
Яшкульский	22,2	9,3

Таким образом, наиболее миграционно привлекательными являются Целинный, Кетченеровский, Ики-Бурульский, Октябрьский, Юстинский и Яшкульский районы. В данном случае необходимо отметить, что появилась тенденция возвратных миграций. Этот факт, на наш взгляд, объясняется влиянием институционального фактора. В результате реализации национальных проектов активизировалась социальная политика в сельской местности: строится недорогое жилье, проводятся дороги, завершается газификация отдаленных сел. Поэтому часть квалифицированной молодежи, получившая высшее образование в городе, постепенно возвращается в сельскую местность.

По степени интенсивности внутриреспубликанских перемещений районы можно поделить на две группы. В первую группу входят периферийные сухостепные районы, в которых наблюдаются

наибольшие темпы сокращения населения (на 16 % -19% за исследуемый период), менее интенсивно уменьшается население юго-западных районов – Городовиковского (6,9%) и Яшалтинского (7,6%), расположенных в более благоприятных для проживания людей и хозяйственной деятельности природно-климатических условиях. Небольшое положительное миграционное сальдо имеет также Лаганский район, что связано с развитием в нём рыбной промышленности и близостью к г. Астрахани. Что касается столицы республики - Элисты, то она на протяжении 90-х годов прошлого века имела положительное миграционное сальдо, но в последние годы начала терять население в миграционном обмене, хотя пригородная зона еще сохраняет слабовыраженную положительную динамику.

Следует отметить, что на фоне общей тенденции стремления мигрантов в столицу республики,

в приграничных районах значительная группа мигрантов предпочитает выезжать в крупные города соседних регионов, такие как Волгоград, Ростов, Астрахань, Ставрополь. Подобное миграционное поведение населения приграничных районов отчасти объясняется этническим фактором. В Городовиковском и Сарпинском районах республики проживают в основном русские, в Лаганском районе проживает большое количество казахов.

На степень интенсивности внутренних миграций большое влияние оказывают также экологические проблемы. В полосе заброшенного строи-

тельства Волго-Чограйского канала, пересекающей почти половину территории республики, из-за подтопления солеными водами и нарушения водопорных горизонтов стало практически невозможно развивать земледелие. В результате в Яшкуне - райцентре одного из наиболее сильных животноводческих районов - жители лишены возможности что-либо выращивать на приусадебных участках.

При гендерном анализе выявляется следующая тенденция: во внутренних миграциях более активны женщины, чем подтверждается одно из правил английского ученого Э. Равенстейна [1, с. 117].

Диаграмма 1. Внутрорегиональная миграция по полу и возрастным группам (мужчины)

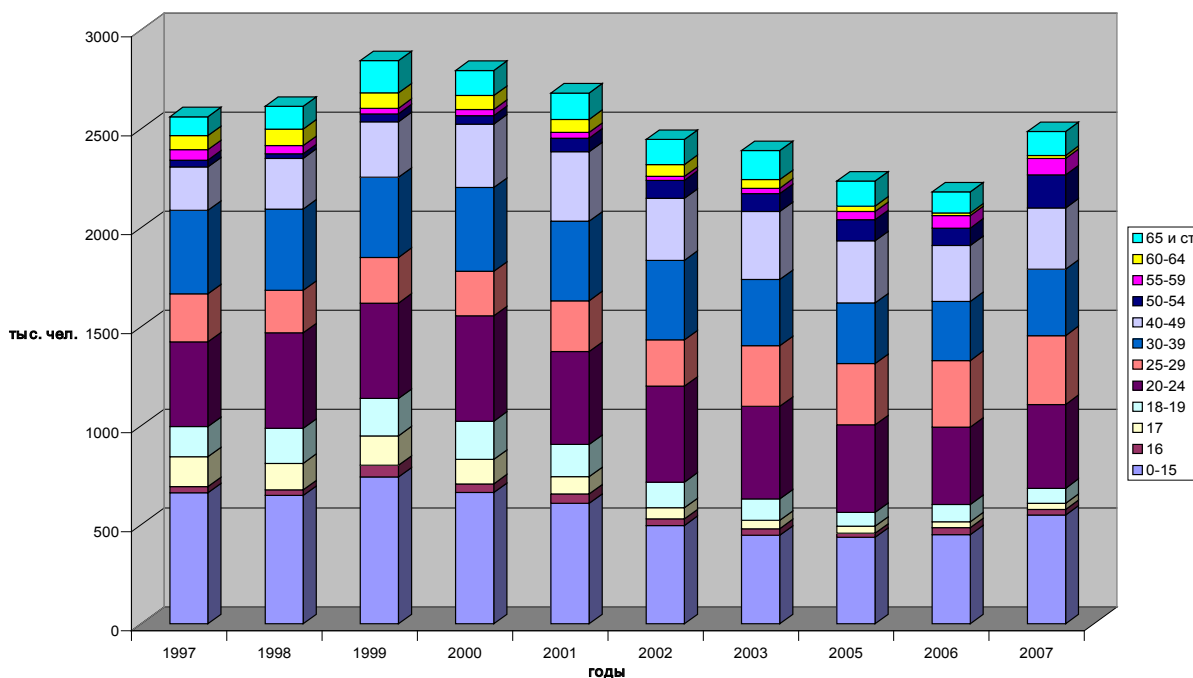
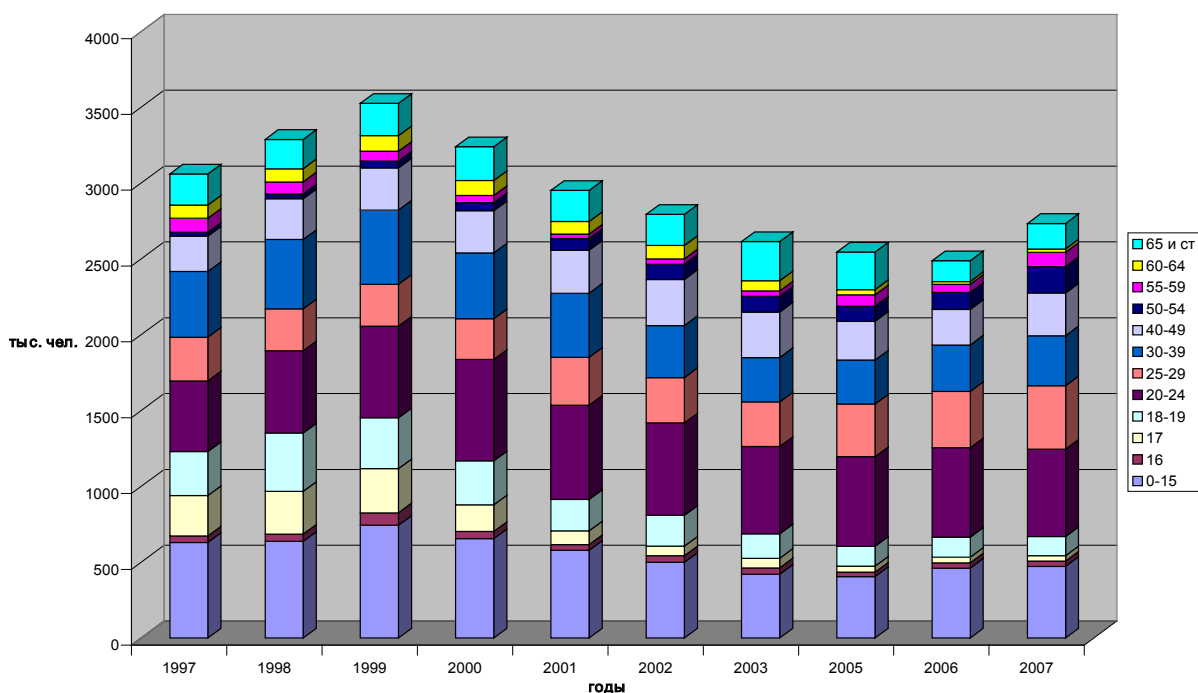

Диаграмма 2. Внутрорегиональная миграция по полу и возрастным группам (женщины)

Среди основных причин внутрирегиональной миграции можно назвать: причины личные, семейные; иные причины; в связи с учебой; в связи с работой; возврат к прежнему месту жительства (диаграмма 3).

Таким образом, анализируя сложившуюся ситуацию, можно сделать следующие выводы:

- в республике сохраняется тенденция кон-

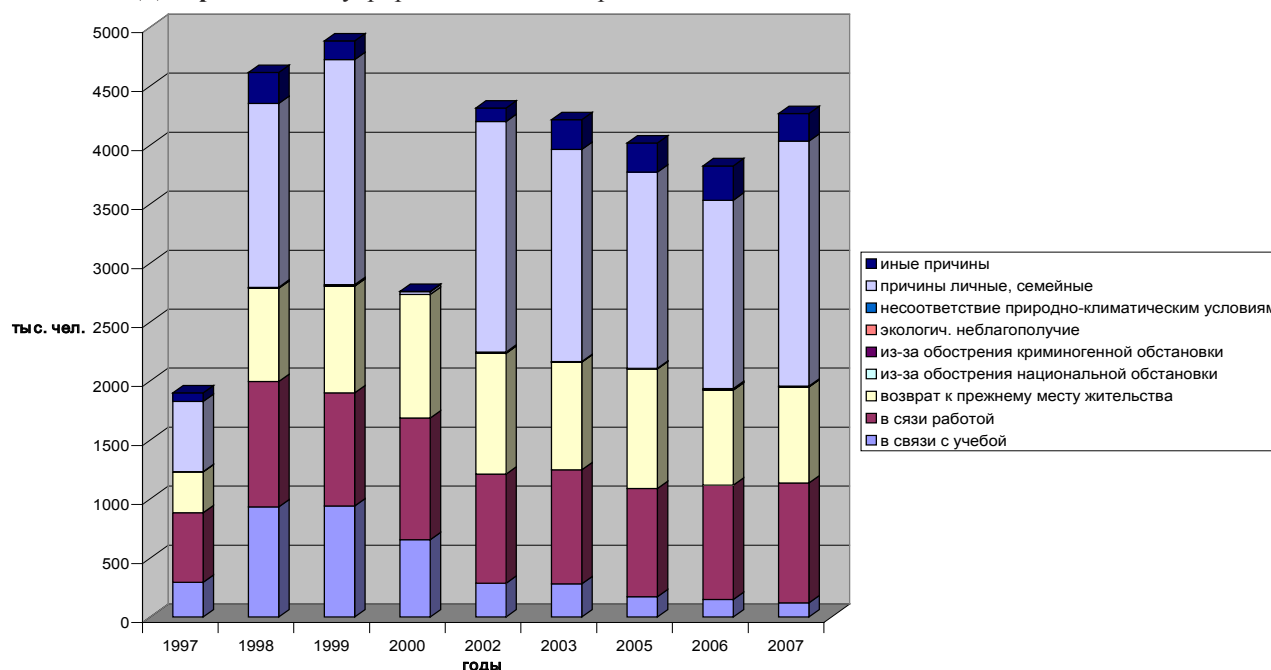
центрации населения в столичной агломерации;

- анализ миграционных потоков показывает, что пик миграционной активности пришёлся на 1998-1999 гг.;

- резко дифференцируется миграционное поведение населения районов;

- наметилась тенденция развития возвратных миграций «город - село».

Диаграмма 3. Внутрирегиональная миграция по обстоятельствам смены места жительства

В заключение важно отметить, что внутренние миграции не влияют на общую численность населения республики, но они вносят серьезные изменения в его территориальное размещение. Внутрирегиональная миграция является объективным показателем социально-экономических условий жизни, индикатором благополучия или неблагополучия территории, тем более что социально-экономическое поло-

жение районов в республике характеризуется дифференциацией и разнообразием ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект, 2006. – 272 с.
2. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия и ее регионы. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», - 2006. – 304 с.

ББК 66

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СОЗНАНИИ ЭЛЕКТОРАТА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В.Иджаева

В статье рассмотрены основные методологические концепции исследования понятия «политическая оппозиция» и представление о современной политической оппозиции в сознании россиян.

Ключевые слова: политическая оппозиция, политические партии, власть.

In the article the main methodological conceptions of the research of the “political opposition” as well as notions of the political opposition by Russian people are considered.

Keywords: political opposition, political parties, authority.

Социально-политические трансформации в российском обществе, в частности, продолжающееся реформирование политической системы приводят к изменению представлений российских

граждан о роли и месте политической оппозиции в России, ее функциях, перспективах развития, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на политическое поведение граждан, актив-

ность и участие электората в политической жизни страны. Значение исследования вытекает также из необходимости поиска новых оптимальных форм и содержания взаимоотношений между такими институтами, как власть - политическая оппозиция - гражданское общество.

Содержание понятия «политическая оппозиция», разновидности политической оппозиции, существующие и функционирующие в современной России наиболее актуальны сегодня для изучения.

Под политической оппозицией (от лат. *oppositio* - противопоставление) сегодня принято понимать противопоставление своей политики другой политике или выступление против господствующего мнения, политического курса или позиции большинства. В литературе различается оппозиция умеренная, радикальная и лояльная в зависимости от степени поддержки и сотрудничества с властью. В периоды избирательных компаний, а также кризисных ситуаций в развитии общества отношения между властью и оппозицией обостряются, и в этих условиях оппозиция резко повышает активность своей деятельности в ее социальном, идеологическом и политическом измерениях. Ответные действия власти могут колебаться в диапазоне от репрессий до бюрократического либерализма. При этом репрессии и административное воздействие оказываются малоэффективны, так как создают вокруг оппозиции ореол мучеников, что в свою очередь, радикализирует широкие социальные массы. Политика же бюрократического либерализма, направленная на конструктивное сотрудничество власти с оппозицией, создает у населения иллюзии либо о бессилии власти, либо о ее конструктивном настрое.

Между тем, многие исследователи, например, Цыганков А.П., понимают под политической оппозицией политический институт, созданный для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализуемых в политике центральной власти [1]. Однако и сам Цыганков пишет, что оппозиция не везде является институтом, она может быть «критическим духом» [1], общественным настроем, но здесь опять же встает вопрос о носителе этого «духа».

Существует еще и функциональная трактовка политической оппозиции, в которой внимание акцентируется на функциях оппозиции. Здесь можно привести точку зрения Е.Колински, английского исследователя: «...оппозиция – это термин, относящийся к праву меньшинств критиковать большинство, осуществлять контроль и искать народную, электоральную поддержку для защиты альтернативных позиций» [2].

Некоторые исследователи рассматривали феномен оппозиции с точки зрения партийной системы. В этой связи отметим работы известных теоретиков - Сартори Дж. и Дюверже М. [3].

Морис Дюверже, исследуя различную структуру оппозиции и правящих сил, указывает на особенности функционирования политических систем [4]. Многопартийная и двухпартийная политические системы порождают совершенно различные структуры власти. Двухпартийная система ведет к превращению оппозиции в эффективный политический институт. Как он отмечает, в Англии, где руководитель партии получает от государства регулярное вознаграждение и официальное звание «лидера оппозиции правительству Его Величества», оппозиции действительно придается статус публичной функции. При многопартийном режиме оппозиция несовместима с этой институциональной формой, поскольку не совсем ясны ее границы по отношению к правительству. То есть власть может опираться то на одних, то на других, обращаясь к правым, чтобы провести одни меры, и к левым, чтобы осуществить другие. При многопартийности нет никакого настоящего органа, который мог бы взять на себя функцию официальной оппозиции.

Характерной чертой оппозиции при двухпартийном режиме является умеренность, т.к. сами условия политической борьбы, предполагающие чередование партий и возможность для сегодняшней оппозиции когда-то принять на себя ответственность за власть, останавливают оппозицию от радикализации. Именно в силу противоположных обстоятельств, отличительной чертой оппозиции при многопартийных режимах является тяготение к демагогии, взаимным нападкам и преобладанию крайностей [4].

В условиях многопартийности М.Дюверже выделяет внешнюю оппозицию, представляемую партиями меньшинства, и оппозицию внутреннюю – между партиями самого большинства. Эту идею французского исследователя можно применить к анализу отношений между различными ветвями государственной власти. Например, между исполнительной и законодательной властью могут быть существенные различия по той или иной проблеме и эти две власти могут находиться в оппозиции друг к другу и представлять внутреннюю оппозицию, т.е. оппозицию внутри государственной власти. Другими важными моментами, определяющими характер и форму оппозиции, исследователь считает ее численность, внутреннюю структуру, влияние ее союзов. Так, в роли оппозиции не могут вести себя одинаково большая партия, объединяющая множество интересов, и малая, представляющая какие-то специфические интересы. Следующий тезис М.Дюверже состоит в том, что характер оппозиции тесно связан с общими условиями борьбы партий. Он выделяет три различные ее типа: борьба без принципов (США, соревнование между партиями, не создающее раскола нации); борьба по второстепенным принципам (Великобритания и Северная Европа, где доктринальные разногласия конкуриру-

ющих партий совпадают с социальной стратификацией, но разногласий относительно фундаментальных принципов политического строя не возникает); и борьба вокруг принципов фундаментальных, вокруг самих основ государства и сущности режима [4].

Джованни Сартори, автор работы «Партии и партийные системы» [6], предлагает классифицировать партийные системы по трем типам: простой плюрализм или двухпартийность, крайний или поляризованный плюрализм, умеренный плюрализм. Одной из характерных черт поляризованного плюрализма он называет развитие неответственной оппозиции, которая возникает как следствие не привлечения властью в свои структуры партий, занимающих крайние фланги. В противовес неответственной, им выделяется ответственная оппозиция двухпартийного плюрализма, в условиях которого правящие элементы не только сотрудничают, но и интегрируются с оппозиционным меньшинством. Однако, наряду с ответственной и неответственной оппозициями, Сартори выделяет также частично ответственную оппозицию, имея в виду, прежде всего, малые западноевропейские партии, которые, не подвергая сомнению действующие институты политической системы, вместе с тем, не стремятся к обретению политической власти и вхождению в состав правительства [5].

Сартори отмечает существование односторонней и двухсторонней оппозиций. Односторонняя — имеет место в той партийной системе, где правящей партии противостоит сила либо на левом, либо на правом фланге. Соответственно двухсторонняя оппозиция функционирует там, где по отношению к правящей партии существует оппозиция, как на левом, так и на правом фланге.

Методологически оправданным и эмпирически эффективным представляется положение о том, что восприятие и оценка политической оппозиции зависят, прежде всего, от особенностей конкретно-исторического этапа развития общества, доминирующих традиций и ценностей, типа сложившейся политической системы, главенствующей формы собственности и т.д. Такой подход позволяет убедительно обосновывать необходимость проведения анализа сущностных качеств феномена «оппозиция» и на этом основании определять показатели, с помощью которых становится возможным относить политические партии к оппозиционным: наличие альтернативной политической программы, критика властных структур, действий президента, правительства, курса реформ; наличие законченной идеологии; голосование против законов, ущемляющих права лиц наемного труда и т.д.

Анализ степени изученности вопроса об институте оппозиции, несмотря на многообразие составляющих, позволяет сделать вывод о том, что в современной науке все же отсутствует целостный

взгляд на особенности данного феномена. Недостаточно исследованными остаются конкретные проблемы формирования, эволюции, трансформации института оппозиции, выявления тенденций развития.

Отношение к оппозиционным партиям у российских граждан в целом негативное. В массовом сознании сформировалось некое обобщенное представление об оппозиции, которое можно рассматривать в качестве идеала оппозиционной партии, с которым сравниваются все действующие ныне в России партии. В этой связи необходимо исследование проблемы исторического прошлого, поскольку в своем восприятии политической оппозиции массовое сознание репродуцирует те установки, которые сложились на предыдущих этапах развития российского общества, когда оппозиция рассматривалась как нежелательное явление и с ней велась непримиримая борьба. В России началом оформления политической оппозиции можно считать народные фронты, большинство из которых было создано в течение лета и осени 1988 г. Их лидерами были выдвинуты лозунги радикализации проводимых реформ и активизации участия граждан в политическом процессе. Вместе с тем, среди данных организаций активно действовали народные фронты союзных республик, которые ратовали за признание их суверенитета. Со временем они трансформировались в партии, формирование которых в 80 — начале 90-х гг. XX века происходило на двух уровнях: идеологическом и практическо-политическом, приведшим к становлению двух оппозиционных лагерей — модернизаторов и консерваторов. Вместе с тем усилившиеся негативные последствия социально-экономического реформирования России 90-х годов XX века, когда политическая борьба в российском обществе все более утрачивала идеологическую окраску и превращалась в столкновение личных и узкогрупповых интересов, привели к потере значимости оппозиционных групп среди электората.

Сегодня нет партий, которые соответствовали бы образу оппозиционной партии, существующему в массовом сознании, при этом правые партии уже не воспринимаются в качестве оппозиционных.

Можно зафиксировать расхождение между самооценкой партии как оппозиционной и восприятием ее в массовом сознании в качестве таковой. Большинство партий, называя себя оппозиционными, не соответствуют критериям, действительно присущим политической оппозиции. Большая часть российского общества сегодня не видит на политическом пространстве России силы, оппозиционной действующей власти, имеющей альтернативную программу развития, способной эффективно критиковать властные структуры, а также предлагать адекватные существующим социально-экономическим проблемам решения.

Оценка массовым сознанием партий или движений как оппозиционных осуществляется представителями различных групп электората, прежде всего, на основе эмоционально-чувственного восприятия. Среди факторов, детерминирующих представления о политической оппозиции в массовом сознании, определяющую роль играют уровень образования и возраст респондента [6].

Исследуя проблему представления оппозиции электоратом, необходимо выделить ряд критериев, по которым можно определять оппозиционность политических партий. Среди них есть такие, с помощью которых в сознании граждан выявляются представления о левой оппозиции, а именно: выступление партии за сохранение льгот населению; восстановление социальной справедливости; борьба за пересмотр итогов приватизации; национализация основных отраслей народного хозяйства; возрождение союзного государства. Предложенный набор критериев позволяет достаточно точно идентифицировать политические партии с выраженными социальными ориентациями, которые присутствуют как на правом, так и на левом фланге политического спектра. Но как с помощью этого набора показателей разделить в политическом пространстве партии правой и левой оппозиции? На этот вопрос можно ответить, разделяя партии по идеологическим установкам в программных заявлениях. В то же время кризис современных концепций, а именно либерализма, консерватизма, социализма и коммунизма, не позволяет четко очертить правую и левую оппозиции. Как отмечает В.П. Макаренко в работе «Главные идеологии современности»: «... неоднозначность политического словаря дополняется идеологической неопределенностью программ политических партий» [7].

С началом усиления вертикали власти в России идет процесс дискредитации оппозиции как теоретического и практического понятия. В целом отмечается отсутствие в современном политическом пространстве действительно популярных оппозиционных партий [8], которые бы выдвинули популярную идею или идеологию, либо силу, реально оппозиционную действующей власти, способную не только критиковать действия власти, а предлагать дееспособную и рациональную программу преодоления множества современных социально – экономических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М. 1995, С. 98.
2. Kolinski E. Opposition // The Blackwell Encyclopedia of Political Science / Ed. by V.Bogdanor. L.: Oxf., 1993, p. 397.
3. Сартори Дж. Партии и партийные системы: Рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия. Ч.1. - М., 2004; Дюверже М. Политические партии. М., 2000.
4. Дюверже М. Политические партии. М., 2000. С. 21-38.
5. Сартори Дж. Партии и партийные системы: Рамки анализа // Партии и выборы: Хрестоматия. Ч.1. М., 2004.
6. Век уходящий и наступающий. Исследование ФОМ[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/cat/societas/problem_soc/mood/recurrences_past_god_vek_-_uhodyacshii_i_nastupaushii/event_rating/tb025010
7. В.П. Макаренко Главные идеологии современности. Ростов н/Д., 2000, С. 10
8. Российская историческая политология учеб. для вузов. Ростов н/Д., 1998, С. 318–350.

ББК 66.4(0)

ОБ ОСНОВНЫХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ КАК НАУКИ

М. В. Джееваков

В статье рассмотрены вопросы становления и развития классической геополитики как науки на основании исследований зарубежных и отечественных авторов. Дан анализ сложившихся представлений о геополитике и выделены ее основные типы.

Ключевые слова: *геополитика, стратегия, государство, история науки.*

In the article on the basis of researches of foreign and Russian scholars questions of the formation and development of the classical geopolitics as the science are considered. The established ideas on geopolitics are analyzed and also its main types are described.

Keywords: *geopolitics, strategy, state, history of the science.*

За последние полтора десятилетия резко возросла активность использования геополитических методов в научных исследованиях. Все большую роль геополитические представления

играют в принятии политических решений. Геополитика является одним из влиятельнейших интеллектуальных направлений XXI века, определяющих характер исследований в таких областях,

как внешнеполитическая, внешнеэкономическая и военная стратегия государств, национальные интересы, анализ и прогнозирование локальных и глобальных международных конфликтов.

В то же время следует отметить, что остаются неразработанными ряд актуальных проблем. Так, в большинстве работ отечественных авторов акцент делается на исследовании и популяризации преимущественно западных геополитических представлений, как классических, так и современных. При этом важными проблемами остаются фрагментарность исследований отечественной геополитической мысли и слабая разработанность таких ее принципиальных вопросов, как систематизация и историческая периодизация.

Вместе с тем, неоднозначность теоретической интерпретации предмета геополитики затрудняет полноценное изучение геополитической мысли в целом, в том числе ее отечественной ветви. Без теоретического осмысления объективной геополитической реальности и геополитики с позиции современных методологических, в том числе географических, представлений невозможно понимание содержания геополитической мысли, принципов ее развития и исследования.

Отсутствие общепринятого определения геополитики связывается с относительной молодостью этой научной дисциплины и сложностью объекта ее изучения. Ученые считают, что такая неопределенность проистекает из паранаучного характера геополитики, перемешивающей реальные факты и концепции, уже изучаемые экономической и политической географией, политологией, теорией международных отношений, военной стратегией и т.д., с не верифицируемыми мифологическими конструкциями и идеологическими установками.

Изобретение самого термина «геополитика» связано с именем шведского профессора и парламентария Рудольфа Челлена (1846-1922), изучавшего систему управления, которая способствовала бы созданию сильного государства. Геополитику Челлен определил следующим образом: «Это – наука о Государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» [1, с. 39]. Помимо «геополитики», Челлен предложил еще 4 неологизма, которые, по его мнению, должны были составить основные разделы политической науки: эконополитика (изучение Государства как экономической силы), демополитика (исследование динамических импульсов, передаваемых народом Государству), социополитика (изучение социального аспекта Государства), кратополитика (изучение форм правления и власти в соотношении с проблемами права и социально-экономическими факторами) [1, с. 49]. Но все эти дисциплины, которые Челлен развивал параллельно геополитике, не получили широкого при-

знания, тогда как термин «геополитика» устойчиво утвердился в самых различных кругах.

Предшественниками геополитики считают Геродот и Аристотель, Н. Макиавелли и Ш. Монтескье, Ж. Боден и Ф. Бродель. Причем ее не следует считать достижением только европейской цивилизации. Созвучные идеи можно обнаружить, например, еще в VI в. до н.э. у китайского мыслителя Сун Цзи, оставившего описание шести типов местности и девяти типов пространства, которые должен знать стратег для успешного ведения военной политики. Интересные и имеющие отношение к геополитике суждения высказывал и Ибн Хальдуна (XVI век), который связывал между собой духовные силы человеческих объединений (социальных общностей, в современной терминологии), - их способность или неспособность к сплочению и борьбе за завоевание и сохранение могущественной империи, и те импульсы, которые происходят из природной среды. Однако собственно «геополитика» появилась в конце XIX в., когда немецкий географ Фридрих Ратцель (1844-1904) и его ученики создали дисциплину, призванную изучать отношения между географией и политикой, основываясь на положении страны, занимаемом ею пространстве и ее границах. Великими являются те народы, полагал Ф. Ратцель, которые обладают чувством пространства. Следовательно, границы могут подлежать сужению или расширению, в зависимости от динамизма рассматриваемого народа. Во времена Третьего рейха подобные идеи привели соотечественника Ф. Ратцеля – Карла Хаусхофера (1869-1946) к опасной теории «жизненного пространства», что в значительной степени дискредитировало научный статус геополитики [2].

Рассматривая геополитику в ее историческом развитии, ученые чаще всего выделяют три этапа:

1 этап – предыстория геополитики (с глубокой древности, в частности с VI века до н.э., когда появились первые письменные свидетельства геополитических идей до конца XIX века). На этом этапе науки еще не существовало, но были сформулированы отдельные геополитические идеи: о противостоянии Суши и Моря, Азии и Европы, варваров и Эллады, принуждения и свободы (Геродот), о борьбе олигархии и демократии, о стремлении к гегемонии как причине войны (Фукидид), о выборе места под постройку столицы (Цицерон), об удержании захваченной территории, о значении армии в политике (Макиавелли), о Земле как живом организме (Риттер).

2 этап – возникновение классической геополитики (с конца XIX века до окончания Второй мировой войны). На этом этапе были сформулированы определение, предмет геополитики, формировались ее терминология и методология,

появились первые методологически проработанные и тщательно аргументированные теории. Геополитика определила свое место в системе наук (между географией и политологией) и свое положение по отношению к государственной политике, выдвинув претензии стать государственной доктриной. В это же время началась институализация геополитики. Начали издаваться геополитические труды, научные монографии, выходить специализированные геополитические журналы, вокруг которых объединялись ученые – геополитики, образовывались кружки и геополитические организации, в некоторых странах началось преподавание геополитики как учебной дисциплины, а в Германии был даже поставлен вопрос о присвоении ученых степеней по геополитике. В этот же период сформировались классические школы геополитики: германская, английская, французская, американская, русская, итальянская, японская.

3 этап – современная геополитика. Он начался после Второй мировой войны и отмечен перестройкой мирового порядка и появлением ООН, созданием ракетно-ядерного оружия – оружия огромной разрушительной силы, реформированием научных школ геополитики в соответствии с новыми реалиями (американская, европейская, российская, китайская, индийская), бурным развитием геополитической теории, особенно в связи с изменением политической карты мира в начале 1990-х годов.

Обычно слово «геополитика» употребляется в двух значениях – узком и широком. В узком значении – это обладающая собственным методом, исследовательской традицией и научной «классикой» дисциплина, изучающая зависимость государственной политики, прежде всего – внешней, от географических факторов. Слово «геополитика» составлено из двух греческих корней: «гео» – земля и то, что связано с землей, «политикос» – то, что связано с «полисом» – государством, гражданством. В широком смысле это понятие обозначает сознательно проводимую или спонтанно формирующуюся политику государств, в той степени, в которой она связана с географическими и территориальными факторами. Предполагается, что геополитика как научная дисциплина изучает, прежде всего, геополитику в широком смысле слова.

При этом одна часть ученых стала рассматривать понятие «геополитика» как псевдонаучный неологизм, служащий для попыток оправдания стремлений к изменению европейского порядка, как орудие, власти, пропагандистский инструмент. Другие, не отрицая в целом сам термин, высказывают серьезный скептицизм относительно его инструментальных возможностей. Третьи полагают, что геополитика способна да-

вать определенные научные результаты, но лишь в очень узкой сфере, отражающей взаимовлияние политики и пространственно-географических характеристик государств или их союзов. Четвертые высказывают мнение, в соответствии с которым геополитика должна рассматриваться не как наука или дисциплина, а лишь как метод социологического подхода, связывающего географическую среду и международную деятельность государств. Наконец, есть и такие, которые считают, что геополитика – это не наука, а нечто гораздо более сложное.

Как аналитическая дисциплина геополитика преодолевает традиционный географический и экономический детерминизм за счет расширения набора базисных факторов, определяющих поведение государств в международных отношениях. Новейшая геополитика в отличие от формационного подхода делает упор на устойчивость культурно-генетических кодов и архетипов, роли менталитета и нравственных ценностей в противостоянии внешним вызовам.

Много внимания исследователями уделяется раскрытию содержания самого термина «геополитика». Первичное и наиболее общее определение квалифицирует ее как изучение отношений между державной политикой государства и теми географическими рамками, в которых она осуществляется. При этом широко распространенной является точка зрения, в соответствии с которой разница между геополитикой и политической географией отражает отличие внешней политики от внутренней: «Политическая география обычно определяется как наука о территориальной расстановке политических сил внутри какого-либо географического пространства – страны, области, региона, штата, избирательного округа и т.п. Геополитика же связана с отношениями между пространственно-географическими единицами – странами, регионами, континентами» [3, с. 45]. Однако такое определение может быть справедливым лишь отчасти. В геополитику составной частью входит и элемент внутренней политики государства, и прежде всего ее региональные аспекты. В свою очередь, данные политической географии широко используются в международной стратегии государств. Не случайно Р. Челлен, например, рассматривал геополитику, главным образом, как средство для привлечения внимания политических деятелей к роли географических характеристик в управлении государством. К подобному определению склонялся и Хаусхофер. Поэтому приведенное выше определение вряд ли является исчерпывающим [1; 2].

То же самое можно сказать и об узком понимании термина «геополитика», когда оперирующие им имеют в виду споры между государствами по поводу территории. Вольно или невольно

напрашивается сомнение в операциональности любого из имеющих хождение определений. И оно, думается, вполне естественно. Дело в том, что в эпоху постиндустриальной революции разрушаются практически все традиционные «императивы» классической геополитики. Современное мировое пространство все труднее характеризовать как «межгосударственное» – с точки зрения способов его раздела, принципов функционирования социальных общностей, ставок и вызовов нынешнего этапа всемирной истории. Представители одного из новых направлений в политической науке – социологии международных отношений – обращают внимание на то, что сегодня из трех главных принципов, на которых базировались классические представления о международных отношениях – территория, суверенитет, безопасность – ни один не может больше считаться незыблемым или же полностью адекватным новым реалиям. Феномены массовой миграции людей, потоков капиталов, циркуляции идей, деградации окружающей среды, распространения оружия массового уничтожения и т.п. девальвируют привычные представления о безопасности и государстве, национальном интересе и политических приоритетах. В 1962 году известный французский ученый Р. Арон указал на другой важный недостаток «узкого» понимания геополитики – ее способность легко вырождаться в идеологию [4]. В связи с этим в последние годы все более влиятельным становится гораздо более широкое толкование геополитики – как совокупности физических и социальных, материальных и моральных ресурсов государства, составляющих тот потенциал, использование которого (а в некоторых случаях даже просто его наличие) позволяет ему добиваться своих целей на международной арене. Одним из известных современных исследователей в области международно-политической стратегии является Пьер Галлуа – французский генерал, преподаватель Сорбонны и Коллеж де Франс. Он является автором целого ряда научных работ, посвященных теоретическому осмыслению проблем геополитики с позиций новейших достижений человеческого знания и технического прогресса, с позиций состояния мира на пороге нового тысячелетия [5].

Анализ сложившихся в России представлений о геополитике позволил выделить основные их типы, часто пересекающиеся между собой. Геополитика интерпретируется: 1) на основе разграничения с политической географией; 2) как политика в пространстве; 3) как наука о зависимости политики от географических факторов; 4) как управление геопространством; 5) как отношения субъектов и геопространственных объектов геополитики; 6) как наука о «географических организмах»; 7) как политическая борьба в гео-

графическом выражении; 8) основываясь на понятии поля; 9) как наука о глобальной политике при отрицании значимости пространственных факторов; 10) как глобальный уровень политической географии; 11) как релятивистская область исследований, универсальное определение которой невозможно; 12) как особый метод исследования, основанный на понятии пространственной границы.

Почти каждый из выделенных типов представлений имеет определенные подтипы, а все вместе составляют 4 класса: геопространственный, политический, политико-пространственный и релятивистский. Вместе с тем, каждое конкретное представление основано либо на «объективистском», либо на «субъективистском» подходе.

В процессе исследования классической геополитики было выделено несколько этапов в ее развитии. Примечательно, что этапы разных порядков могут «перекрываться», так как изменения разных параметров геополитической реальности и геополитической мысли не сразу и не во всем сказывались на конкретных представлениях ввиду их инерционности и многофакторности. В целом, подробная периодизация является многоуровневой. При этом различные типы и направления геополитической мысли сосуществуют друг с другом одновременно, и изменения в политической жизни или в научной картине мира не означает полной и быстрой их замены, а лишь меняет приоритеты и акценты.

При этом в геополитике, как и во всякой науке, особенно социально-гуманитарной направленности периодически появляются огромное количество идей, часто сомнительного содержания. Так, широкую известность приобрела идея американского адмирала А.Т. Мэхэна (1840-1914) об антагонизме морских и сухопутных государств и о мировом господстве морских держав, которое может быть обеспечено путем контроля над серией опорных пунктов вокруг евразийского континента. Не меньшую известность получил «геополитический императив» английского географа и политического деятеля Х.Д. Макиндера (1861-1947), согласно которому тот, кто правит Восточной Европой, правит Срединной землей, кто правит Срединной землей, правит Мировым Островом, кто правит Мировым Островом – тот господствует над миром. Однако немногие из цитирующих сегодня этот «императив» обращают внимание на то, что уже такие авторитеты в геополитике, как, например, современник Макиндера К. Хаусхофер, достаточно критически относились к его взглядам. Еще в большей степени эта критичность характерна для современных специалистов в геополитике, в частности таких, как Ив Лякост.

Любопытно, что «классический» императив

Макинтера был поставлен под сомнение и опровергнут в рамках самой геополитики. Американский исследователь Николае Дж. Спайкмен в работе «Американская стратегия в мировой политике. Соединенные Штаты и баланс силы» (1942) сформулировал имеющее стратегическую нагрузку понятие «Римленд», которое, как он утверждал, значительно точнее известного «Хартленда» [6]. Спайкмен доказывал, что если географически Хартленд и существует, то, во-первых, его неуязвимость серьезно нарушена развитием стратегической авиации и других новейших средств вооружений. А, во-вторых, вопреки прогнозам Макинтера, он не достиг того уровня экономического развития, который дал бы ему возможность стать одним из наиболее передовых регионов мира. Решающая борьба как в Первой, так и во Второй мировой войне, утверждал Спайкмен, развернулась не в зоне Хартленда, и не за его обладание, а на берегах и землях Римленда. Мировое господство поэтому не зависит от контроля над Восточной Европой и, вопреки афоризму Макинтера, «судьбы мира контролирует тот, кто контролирует Римленд» [6, с. 43].

Но надо помнить, что даже самые сомнительные идеи и теории работают на создание определенной базы любой научной дисциплины и таким образом являются той питательной средой, в которой возникают действительно реальные идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kjellen R. Der Staat als Lebensform. 1916.
2. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001.
3. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001.
4. Aron A. Paix et Guerre entre les nations. P. Calmarm-Levy. 1984. P. 189.
5. Галлуа П. Стратегия в ядерный век. М., 1962.
6. Spykman N.J. The Geography of the Peace. – New York, 1944. P.43.
7. Иноземцев В., Кузнецова Е. Возвращение Европы: штрихи к портрету Старого Света в новом столетии. М.: Интердиалект+, 2002. 163 с.
8. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1999.
9. Гаджиев К.С. Введение в политологию. М.: Логос, 1998.
10. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос-Прогресс, 1992.
11. Дергачев В.А. Геополитика. М., 2004.
12. Дьяконов И.М. Пути истории. М.: Восточная литература, 1994.
13. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М.: Норма, 1998.
14. Савицкий П.Н. Географический обзор России. Евразия и Мир // Полис. 1999. №2.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

ЭКОЛОГИЯ

ББК 28.080.1

ЭКОСИСТЕМЫ КАЛМЫКИИ: ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ БИОРАЗНООБРАЗИЯ

Л.Н. Ташнинова, А.А. Ташнинова

В статье рассматриваются вопросы влияния природных и антропогенных факторов на биоразнообразие. Выявлены факторы, влияющие на изменение структуры природных комплексов Калмыкии.

Ключевые слова: опустынивание, пастбище, экосистемы, разнообразие, мониторинг.

The questions of impact of natural and anthropogenic factors on biodiversity are examined in the article. Factors, influencing the change of the natural complex structures in the Kalmyk Republic are revealed.

Keywords: desertification, pasture, ecosystems, diversity, monitoring.

Естественная экологическая система – активно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществ и энергии [1].

Экосистемы различают как по размерам (макроэкосистемы: биосферы, континенты, океаны; мезоэкосистемы: экосистемы морей, гор, рек и т.д.; и микроэкосистемы), так и по совокупности признаков, объединенных в одной климатической зоне (степные, лесные, тундровые и т.д. экосистемы). В нашем степном регионе применяют такие понятия, как аридные и семиаридные экосистемы, пастбищные экосистемы, степные экосистемы, природные, наземные и водные экосистемы. Переходные зоны с признаками соседствующих экосистем принято называть экотонами. Эти переходные пространства имеют свою специфическую структуру и служат местом формирования и сохранения видowego и биологического разнообразия. На экотонных территориях образуются экотонные биотические сообщества и экотонные экосистемы. Они обладают особым составом, структурой и механизмами устойчивости, отличающимися от зональных [2].

На территории Калмыкии распределение природных экосистем по зонам: степная – 0,24 млн. га, сухостепная – 2,18 млн. га, полупустынная – 2,93 млн. га, пустынная – 2,24 млн. га. Основные типы ландшафтов, составляющих эти экосистемы: Прикаспийская молодая аллювиально-морская лиманная равнина с чернополынными, белополынными и типчаковоковыльными полупустынями на солонцах и солончаках; Черноземельская древне-дельтовая песчаная равнина с белополынными, белополынно-эркековыми и прутняковыми пустынями на слабразвитых бурых песчаных и супесчаных и открытых песках; Ергенинская эрозионно-возвышенная равнина с белополынно-ковыльно-типчаковыми и белополынными степями

на комплексах светло-каштановых почв с солонцами; Манычская ложбина с солянковыми и полыньными степями и полупустынями на каштановых и солонцевато-солончаковых почвах; северо-восточная периферия Ставропольской возвышенности со злаковыми и полынно-разнотравными степями на черноземах.

Структура почвенно-растительного покрова Калмыкии формируется при тесном взаимодействии биоклиматического и геоморфологического факторов. Многообразие их проявления – причина полигенетичности структуры почвенного покрова, биологического разнообразия, сложности и комплексности природных экосистем. Подстилающими породами служат морские и континентально-морские засоленные с первого метра отложения, распространенные в Прикаспийской низменности, Кумо-Манычской впадине; породы континентального происхождения (лёссовидные и покровные суглинки, засоленные с глубины 1,5 м и ниже) – на Ергенях; в понижениях рельефа (лиманы, берегах озер, днища балок) – аллювиальные, аллювиально-делювиальные и озерно-аллювиальные глинистые отложения современного возраста, в разной степени засоленные. В силу своего географического положения и природных условий регион отличается жесткостью экологических режимов, определяющих существование хрупких экосистем.

Регион Прикаспия характеризуется резко континентальным засушливым климатом: лето жаркое (t^0 max до -45^0), зима малоснежная, с сильными морозами (t^0 до -40^0), среднегодовое количество осадков 180-250 мм. В структуре растительного покрова пастбищ преобладают белополынно-эркековые, белополынно-прудняковые ассоциации.

В экологическом плане процесс опустынивания является одной из причин утраты биоразнообразия, потери биомассы и продуктивности, а в социально-экономическом плане этот процесс является основной причиной и механизмом поте-

ри природных земель, порождает экономическую и политическую нестабильность в пострадавших регионах, приводит к падению доходов и уровня жизни населения, уменьшению количества рабочих мест, к миграции людей. Антропогенные воздействия, характер и интенсивность которых за последние десятилетия изменились, привели к изменениям компонентов биосферы и природных экосистем в целом. Конкретные проявления этого воздействия неоднозначны и определяются спецификой экологической обстановки и факторами воздействия. Они вызывают истощение природных ресурсов, разрушение саморегуляции экосистем, ухудшение условий жизни людей. Последствия опустынивания проявились в форме нарушения равновесия природных экосистем, обеднения видового и популяционного разнообразия, снижения их способности к самовосстановлению и эффективному функционированию.

Важная роль в процессе опустынивания принадлежит почве, которая обладая многообразием состава и свойств, приобретает различную естественную устойчивость к опустыниванию. Именно легкий гранулометрический состав бурых полупустынных песчаных почв Черных земель в первую очередь стал одной из главных причин антропогенного опустынивания. Песчаные почвы и почвенный покров песчаных массивов – одно из самых хрупких природных образований. Они быстро теряют свои природные свойства и надолго выбывают из использования. На обширной территории Черных земель Прикаспия в связи с процессами опустынивания отмечено уменьшение ареалов зональных бурых полупустынных песчаных и супесчаных почв, образование зон выдувания и аккумуляции песчаного материала (образование многочисленных барханов), уничтожение верхнего гумусового горизонта. На почвах более тяжелого гранулометрического состава указанные негативные явления ветровой эрозии выражены в меньшей степени.

Нарушение природного равновесия в пастбищных ландшафтах, усиленное антропогенным фактором, привело к изменению структурно-функциональных отношений, сложившихся в процессе их эволюционного развития. Антропогенное воздействие резко изменило естественный ход природных процессов и привело к деградации почвенного и растительного покрова.

Главная причина негативных агроэкологических изменений – неадекватная природно-ресурсному потенциалу земель хозяйственная нагрузка: распашка пастбищных земель, крупномасштабные работы по мелиорации, перегрузка пастбищ овцами тонкорунных пород, техногенные воздействия. Остановимся на основных факторах антропогенной трансформации, влияющих на состояние земель.

Тонкорунное овцеводство в Калмыкии интенсивно развивалось во второй половине прошлого века в ущерб другим отраслям сельского хозяйства. Анализ ситуации позволил выявить ключевую проблемную цепочку: рост поголовья → слабость кормовой базы → запредельная нагрузка на степные экосистемы → истощение земли.

В начале 70-х гг. на Черных землях выпасалось более 3 млн голов овец. Было построено 2700 кошар и базов, пробурено 600 артезианских и сооружено 840 шахтных колодцев, организовано 14 машинно-животноводческих станций. Перегрузка пастбищ превзошла более чем в 4 раза фактическую урожайность угодий. По данным И. С. Зона, динамика численности овец тонкорунных пород с 1960 г. представлена в следующих цифрах: 1960 – 1,8 млн, 1970 – 2,2 млн, 1975 – 2,8 млн, 1980 – 3,1 млн, 1985 – 3,7 млн, без учета 15% разрешенного индивидуального скота и неизвестного количества нелегального поголовья [3].

В связи с перегрузкой пастбищ и бессистемным их использованием в последние десятилетия наблюдалась усиленная деградация растительного и почвенного покровов. По данным «КалмНИИ-гипрозем», за период с 1975 по 1995 годы общая урожайность пастбищ снизилась на 30% и в 1995 году составляла в степной зоне – 1,4 ц/га, в полупустынной зоне – 1,3 ц/га, в пустынной – 1,0 ц/га кормовых единиц.

Характерной чертой территории Калмыкии, является сравнительно небольшой процент распаханности территории. Процесс опустынивания, в большей степени проявившийся на песчаных и супесчаных почвах, на суглинистых вариантах почв затронул только растительный покров, сохранив почвенный профиль в естественном состоянии. В настоящее время в Калмыкии отмечается естественная восстановительная динамика аридных экосистем, связанная с сокращением пастбищной нагрузки. Так как восстановительная сукцессия растительности возможна при минимальном нарушении почвенного покрова, то прекращение нерегламентированного освоения слабоизмененных антропогенной деятельностью зональных и азональных почв явилось положительным моментом.

Особенно эти процессы были хорошо заметны в вегетационные периоды 2001-2002, 2004-2006 годов. В эти годы средняя урожайность пастбищ на наших модельных полигонах, расположенных в различных природных зонах республики, превышала в 1,5-2 раза урожайность этих пастбищ в начале 90-х годов. Моделирование дальнейшего развития пастбищных экосистем дает основания утверждать, что если на полупустынные ландшафты Прикаспия не оказывать сильного антропогенного воздействия, они могут вернуться к стабильному состоянию, характерному для середины 50-х годов прошлого столетия [4].

На основе экспедиционных исследований последних лет получены материалы, характеризующие региональные факторы и тренды эволюции пастбищных земель Калмыкии. Наблюдения на опытном полигоне «Черные земли» показали, что в постантропогенный период прекращение выпаса скота на оскудевших пастбищах благотворно сказалось на состоянии экосистем полупустынного типа, что проявилось в увеличении в травостое пастбищ злаковых ассоциаций, в качестве эдификаторов которых – ковыли сарептский, Лессинга, тырса. Активность сукцессионных процессов и скорость трансмутаций растительного покрова зависит от комплекса природных и антропогенных факторов: процесс самовозобновления чаще фиксируется на суглинистых вариантах бурых пустынно-степных почв.

Снижение численности скота в 1990-х годах замедлило темпы опустынивания, но не остановило этот процесс. На землях сельских муниципальных образований отмечается активизация темпов ухудшения состояния пастбищ из-за выпаса на них увеличившегося поголовья скота в личных подвоях.

Снижение темпов опустынивания, связанная с ослаблением антропогенного воздействия (снятием нагрузки скота) на пастбища Черных земель, не означает относительной стабилизации почвенно-растительного покрова. Известно, что растительность пастбищ аридных зон обладает фундаментальным свойством – способностью к постоянному ежегодному возобновлению и воспроизводству фитомассы, что делает ее источником неисчерпаемого возобновляемого биологического ресурса. Однако эти ресурсы неисчерпаемы только тогда, когда они эксплуатируются рационально, в экологически доступных режимах.

В Калмыкии разработана и претворяется в жизнь республиканская целевая программа «Возрождение традиционного пастбищного животноводства», согласно которой запланировано развитие традиционных отраслей животноводства на основе разведения калмыцкой курдючной овцы, крупного рогатого скота и лошадей калмыцкой породы. Экологический эффект этой программы заключается в росте продуктивности пастбищ и в предотвращении ущерба от опустынивания территории. При реализации этой программы необходимо четко определить пределы естественного развития кормовой базы и рассчитать оптимальное поголовье скота. Поскольку Черные земли – исконно зимние пастбища, то при сложившейся ситуации, когда из-за экономического спада естественный кормовой потенциал степей постоянно восстанавливается, необходим очень осторожный подход к режиму эксплуатации, чтобы не допустить повторной деградации земель на этих участках.

В качестве переходной территории для изуче-

ния пространственной дифференциации экосистем в элементарном ландшафте взяты Ергени, ограничивающие с запада территорию современной антропогенной пустыни. Физико-географические, геоморфологические и почвенно-растительные особенности Ергеней отражены в трудах многих исследователей [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11].

Наши исследования на Ергенях охватили период 1998-2006 гг., когда на опустыненных территориях Калмыкии после снятия основного антропогенного фактора (перегрузка пастбищных земель) фиксируются признаки сукцессионных процессов. Элементарные ландшафты Ергеней – это наиболее оптимальная территория, где эти процессы происходят активно.

Современные элементарные ландшафты Ергеней – исторически сложившиеся экосистемы. В их вертикальной и горизонтальной структурах существуют элементы различного генезиса и возраста. Ергени, в силу своего географического положения, простираясь с севера на юг почти на 400 км, являются климатическим рубежом, зоной контакта сухих центрально-азиатских воздушных масс и более влажных атлантических. По этой причине Ергени – это единственный регион Русской равнины, тут имеет место не широтное, а меридиональное почвенно-географическая зональность. Западный склон возвышенности занимает сухая степь с темно-каштановыми и каштановыми почвами, а в восточной – полупустыня со светло-каштановыми почвами, которые развиты и на прилегающей части Прикаспийской низменности. Граница между зонами языковатая, нередко встречаются островные ареалы сухостепных ландшафтов в пределах пустынно-степных, и наоборот. Подобная природно-климатическая специфика обуславливает динамичное состояние почв, цикличность их развития, неоднократную миграцию ландшафтных рубежей за историческое время [6]. Овражно-балочная система Ергеней характеризуется наибольшим количеством ландшафтов, объединенных в единый территориальный комплекс. По условиям миграции химических элементов выделяются три основных элементарных ландшафта – автономный (элювиальный), супераквальный и субаквальный [11].

В автономных ландшафтах Ергеней, примыкающих к плоским водоразделам, на ключевых участках преобладают зональные светло-каштановые почвы различного грансостава: супесчаные почвы на делювиальных суглинках под типчаково-белопопынными ассоциациями; песчаные на карбонатных отложениях под разнотравно-злаковой растительностью; суглинистые несолонцеватые на лессовидных суглинках под белопопынно-злаковыми ассоциациями; тяжелосуглинистые на глинистых породах под однолетниково-белопопынными ассоциациями; суглинистые

солонцеватые на лессовидных суглинках под разнотравно-белопопынными ассоциациями. Комплекс с зональными светло-каштановыми почвами составляют солонцы и лугово-каштановые почвы. В этом типе ландшафта процессы почвообразования и развития растительности происходят независимо от грунтовых вод. Согласно Глазовской [12], помимо автономных (элювиальных) ландшафтов различают трансэлювиальные (ландшафты верхних склонов), элювиально-аккумулятивные (ландшафты нижних частей склонов и сухих степей), аккумулятивно-элювиальные (ландшафты замкнутых понижений с глубоким уровнем грунтовых вод).

Супераквальные (надводные) элементарные ландшафты отличаются близким залеганием грунтовых вод. Последние оказывают влияние на ландшафт, т.к. поставляют различные вещества, вымытые из коры выветривания и почв водораздела.

Для субаквальных (подводных) элементарных ландшафтов характерен принос материала с твердым и жидким боковым стоком: речной или озерный ил растет снизу вверх и может быть не связан с подстилающей породой. В водоемы поступают все химические элементы из прилегающих водораздельных пространств.

Супераквальные ландшафты делятся на транс-супераквальные и собственно-супераквальные (ландшафты замкнутых понижений со слабым водообменом). Субаквальные – на трансаквальные (реки, проточные озера) и аквальные (непроточные озера).

В подчиненных элементарных ландшафтах Ергеней (супераквальных и субаквальных) преобладают различные типы гидроморфных и полугидроморфных почв, которые отличаются от автоморфных почв, как по пространственному положению, так и по многочисленным процессам, определяющим связи и взаимоотношения их с растительностью, атмосферой и грунтовыми водами. Для них характерно более широкое разнообразие почвенных условий на всех уровнях организации почвенного покрова, что обуславливает формирование в почве большого количества типов местообитания для растительных сообществ [13].

Почвы подчиненных ландшафтов Калмыкии встречаются на территории всех основных морфоструктурных единиц и представлены различными типами гидроморфных и полугидроморфных почв: лугово-каштановые, луговато-каштановые, лугово-бурые, солонцы луговые, аллювиально-луговые, лугово-карбонатные, солончаки соровые, гидроморфные, луговые, смытые и намытые почвы балок, влажно-луговые, солонцы гидроморфные и др.

Для отдельных пойменных и притеррасных ергенинских ландшафтов свойственны влажно-луговые почвы с грунтовыми водами около 1 м.

Они характеризуются незначительным засолением, связанным с легким грансоставом, промывным водным режимом и соответствующим химическим составом подземных вод.

Пространственное распределение и формирование почв подчиненных ландшафтов в пределах сухостепных экосистем на территории Калмыкии зависит от ряда факторов: мезо-и микрорельеф, структурные и химические свойства подстилающих пород, водный режим почвогрунтов и других особенностей ландшафта. Для условий полупустынной зоны Калмыкии этим почвам соответствуют такие формы мезорельефа как днища балок, оврагов и пересыхающих озер, понижения, замкнутые бессточные образования, западины, долины рек. Основным морфометрическим критерием этих почв является специфическая структура, связанная с процессами увлажнения, уплотнения, оглеения, слитизации. Анализ водной вытяжки из почв опытных участков показал сходство их химического состава по основным ингредиентам (хлор, натрий, сульфаты) с составом подземных вод. В почвенном покрове этих ландшафтов отмечается присутствие почв поверхностного увлажнения, связанных с мезорельефом, формирующиеся сочетания зональных автоморфных почв с гидроморфными почвами [14].

Микрорельеф в пределах Ергеней вызывает развитие комплексности почвенного и растительного покрова. Самые незначительные колебания в рельефе влекут за собой изменение почв и растительности сухих степей.

Густота расчленения западного склона Ергеней колеблется от 0,1 до 0,2 км на 1 км² в южной части и от 0,2 до 0,3 км на 1 км² в северной части Ергеней. Восточный склон Ергеней спускается к Прикаспийской низменности довольно крутым склоном в 70-80 м относительной высоты. Для него характерны террасированность и расчлененность оврагами и балками [15, 16].

Балки, прорезающие Ергени, вытянуты в широтном направлении, прямолинейны и обычно отделены друг от друга расстоянием в 5-10 км. Длина балок колеблется в пределах 20-80 км, причем в южной части Ергеней она увеличивается: ширина от 1000 до 3000 м, глубина достигает 100-130 м. Склоны балок выположены и задернены, днища их широкие, продольный профиль спокойный. Четко выражены балочные террасы, занимающие значительные площади. Их насчитывают четыре, причем нижние три хорошо увязываются с тремя морскими террасами нижнехвалынского времени. Площадь водосбора балок Ергеней колеблется от 75 до 2000 км². Питаются балки главным образом за счет снеготаяния. Расчлененная овражно-балочной сетью возвышенность занята сухостепными почвами автоморфными (темно-каштановыми, каштановыми, светло-каштановыми солонцами), полугидро-

морфными (лугово-каштановыми) и гидроморфными (луговыми и влажнолуговыми). Почвы формируются в условиях засушливого континентального климата (средняя температура января – от -10 до 20°C , июля – $+22-27^{\circ}\text{C}$). Относительная влажность часто ниже 30% , что является показателем сухости климата. Поверхность зоны получает около 120 ккал/кв. см солнечной радиации. Количество годовых осадков около $180-300$ мм в год, но осадки выпадают неравномерно, преобладают осенне-зимне-весенние. Уровень испаряемости превышает общее количество осадков примерно в $4-5$ раз и более. Таким образом, водный баланс – отрицательный. Максимальное количество осадков приходится на май-июнь, минимальное – январь, февраль. Снежный покров неустойчив, маломощен ($10-20$ см.). Влажность воздуха низкая – $30-40\%$ летом, весной и осенью достигает от 7 до 90% . Преобладают ветры западного, восточного и юго-восточного направлений, скорость ветра до $4,5$ м/сек (наиболее сильные до 15 м/сек.) Для летнего периода типична частая повторяемость суховейных явлений. При усилении ветровой деятельности возникают пыльные бури, являющиеся источником разрушительных действий: происходит сдувание верхнего слоя почвы, семенного материала растений, а на легких почвах отмечается сдувание верхнего слоя вплоть до материнской породы. Наибольшее число дней с пыльной бурей равно $12-20$, в отдельные годы – $40-50$ дней. Средняя продолжительность безморозного периода 170 суток [17].

Каспийское море почти не смягчает климатических условий, так как территория находится под влиянием азиатского антициклона, что и обуславливает в большей степени континентальность климата.

Растительный покров Ергеней находится в тесной связи с почвенно-климатическими условиями. Расположение большей части грунтовых вод на глубине $6-8$ м исключает возможность пользования ими большинства растений. Жизненно важным источником водоснабжения растительности являются атмосферные осадки. Основной тип растительности, занимающий большую часть Ергеней – это полынно-типчаковые степи в комплексе с типчаково-ковыльными, житняково-типчаковыми и полынно-типчаковыми ассоциациями на светло-каштановых почвах и полынных на солонцах, с луговыми и степными ассоциациями на лугово-каштановых почвах понижений [18].

Особенностью растительного покрова Ергеней является комплексность. На относительно повышенных участках микрорельефа располагаются злаковые ассоциации, на участках с солонцами – полынные и солянковые. Наиболее резко комплексность выражена на почвах тяжелого механического состава.

Растительный покров отличается бедностью видового состава (около $30-50$ видов). Степень проективного покрытия на Ергенях – $40-45\%$. В понижениях, лиманах, балках, западинах растительность отличается большой густотой ($70-90\%$ покрытия), на солонцах же растительный покров составляет в среднем $20-25\%$ покрытия.

Почвообразующими породами являются желто-бурые карбонатные лессовидные суглинки. Они характеризуются мощностью до 50 м, рыхло-пористым сложением, вполне удовлетворительными водно-физическими свойствами, большим содержанием карбонатов кальция и магния.

Основными типами почв на Ергенинской возвышенности являются светло-каштановые различного гранулометрического состава в комплексе с солонцами, лугово-каштановые суглинистые, солонцы в комплексе со светло-каштановыми солонцеватыми суглинистыми почвами. Для морфологического профиля светло-каштановых почв характерен осветленный бесструктурно-слоеватый гумусовый горизонт А малой мощности (около 15 см), ясно выраженный уплотненный бурый горизонт В1 комковатой структуры, очень плотный и глубокий глазково-карбонатный горизонт Ск, который на глубине $80-120$ см сменяется более рыхлой толщей породы с выделениями кристаллического гипса и легкорастворимых солей.

Вследствие общего скудного режима увлажнения и слабого развития почвенного профиля фациальные термические особенности в светло-каштановых почвах не получают достаточного морфологического выражения. Светло-каштановые солонцеватые почвы примыкают к плоским участкам межбалочных водоразделов. Естественное плодородие этих почв низкое: содержание гумуса в гумусовом горизонте, мощность которого $15-18$ см, изменяется от 1 до $2,2\%$. Почвы характеризуются нижнепрофильным хлоридно-сульфатным засолением, глубина залегания солевого горизонта до 1 м и глубже. Наиболее типичные растительные ассоциации на этих почвах – белополынно-ковыльно-злаковые (полынь белая, ковыль Лессинга, ковыль перистый, типчак, житняк пустынный, тонконог, мятлик луковичный, костер кровельный, бурачок, пырей ползучий). Травостой на светло-каштановых почвах более густой, проективная полнота его равна в среднем 35% , только на наиболее солонцеватых участках полнота травостоя снижена до 26% .

Кумо-Манычская впадина, расположенная на юге сухостепной части России, является одной из крупных морфоструктур, в пределах которой четко выделяются: комплекс равнин первично-морского генезиса, переработанных делювиально-флювиальными процессами; комплекс наклонных равнин, переработанных делювиальными позднотерциарно-голоценовыми процессами;

комплекс озерных и аллювиально-озерных голоценовых равнин. Все указанные типы равнин тесно связаны с трансгрессиями и регрессиями Каспийского моря. Известно, что раннехвалынская трансгрессия Каспийского моря поднималась до уровня 50 м и оставила после себя толщу илистых и суглинистых отложений.

Объекты изучения – природные экосистемы, в разной степени приближенные к экотонной зоне. Основным почвенным фоном Кумо-Манычской впадины служат зональные каштановые солонцеватые, светло-каштановые разной степени солонцеватости, солонцы каштановые, лугово-каштановые солонцевато-солончаковые, солончаки луговые, темно-каштановые в комплексе с солонцами и каштановыми почвами.

Кумо-Манычская впадина простирается с северо-запада на юго-восток с включением долин Западного и Восточного Манычей и низовьев реки Кума, занимает область аккумулятивных равнин морского происхождения.

Наземные исследования степных экосистем проводились в 2004-2005 годах на территории Приютненского и Яшалтинского районов Республики Калмыкия в прибрежной зоне озера Маныч-Гудило. Район озера Маныч-Гудило расположен в европейских пустынных степях и имеет специфические природные условия. Для него характерны следующие показатели: сумма положительных температур выше $+10^{\circ}\text{C}$ 3400-3500, гидротермический коэффициент – ГТК $< 0,7$, сумма осадков 358-400 мм в год. Максимальная температура воздуха летом достигает $+40^{\circ}\text{C}$, минимальная зимой – 35°C . Район обследования расположен в зоне резко континентального сухого климата со значительными суточными и годовыми колебаниями температуры воздуха. За вегетационный период выпадает 200-250 мм осадков, преимущественно в виде кратковременных ливней. Однако природными экосистемами усваивается незначительная часть осадков, так как большая часть воды стекает в балки и пониженные места. В связи с этим, растительность более или менее обеспечена влагой лишь в весенние и осенние периоды, летом она почти всегда переживает длительные периоды засухи, а зимой подвергается воздействию низких температур, зачастую при отсутствии снегового покрова [18].

Рельеф района исследований представлен рядом характерных особенностей: к северу от Маныча лежит предсклоновая полого-наклонная денудационная равнина, где наблюдаются оползни, встречается плоскостной смыв: древняя долина Маныча, занятая озерами с террасированными берегами.

В долине Маныча выделяется несколько террас: первая пойменная высотой 1-2 м, вторая – высотой 3-6 м, третья – высотой до 12-15 м над урезом воды. К четвертой террасе относятся располо-

женные к северу от озера Маныч-Гудило бугры – гряды, вытянутые в широтном направлении. Эти бугры образованы размывом древней террасы, высота которой доходит до 35 м.

В восточной части поймы отмечается довольно большое количество понижений, занятых болотами и озерами. В пространствах между ними залегают солончаки. Пойменная терраса на обследованном участке в западной половине затоплена водой и представляет собой озеро Маныч.

Современная Манычская долина представляет собой широкое понижение, рассеченное многочисленными мелкими водотоками, озеровидными впадинами и лиманами. Состояние озера Маныч-Гудило в значительной степени характеризуется выпадающими в него водами.

Основными источниками подпитки оз. Маныч-Гудило сегодня являются: река Егорлык – среднегодовой объём 1145 млн. м^3 (на собственный сток приходится 13%, а остальная часть – вода из р. Кубань); река Калаус – 237 млн. м^3 , 60% из которых приходится на сброс из левой ветви Право-Егорлыкского канала и Большого Ставропольского канала (подача из р. Кубань). Эти процессы влияют отрицательно на качественный состав вод озера, т.к. оно бессточно. В результате общая минерализация воды повышается. Если в 2002 г. она составляла 10,4 г/л, в 2003 г. – уже более 14 г/л (по данным ВНИИГиМ, 2005 г.)

Уровень воды в озере Маныч изменяется по сезонам. Подпитка озера идет за счет снеговых и дождевых стоков, а затем за счет испарения происходит обмеление и засоление воды. Вода озера обладает горько-соленым вкусом. Соленый вкус воде придает поваренная соль, горький – соли магния.

Воды озера сильноминерализированы, достигают максимальных значений в летний период. По типу засоления воды относятся к группе хлоридно-сульфатных вод с высоким содержанием натрия, жесткость воды достигает 40 мг-экв/л. В воде обнаружено повышенное содержание токсичных элементов, например, концентрация хрома колеблется от 1 до 2,5 ПДК. Химический состав обследованного озера формируется как под воздействием неблагоприятных климатических условий, так и современных антропогенных влияний (загрязнение нефтепродуктами, сбросными водами с орошаемых полей).

Минерализация озера Маныч-Гудило в районе Островского участка заповедника на момент забора проб в прибрежной полосе острова достигала 30,1 г/л. Вода прозрачная, горько-соленая с ярко выраженным йодно-содовым привкусом. При увеличении глубины забора проб соленость воды увеличивается. В зимний период на глубине до 6 см, при удаленности от берега до 4 м минерализация воды составляет 2,4-4,5 г/л. Данные pH в озере на данный момент находятся в пределах 8,32-8,43.

Озеро Маныч-Гудило является экологически напряженной зоной, зарегулированной каскадом Манычских водохранилищ (Пролетарским, Веселовским и Усть-Манычским), расположенных на территории Ростовской области, Калмыкии и Ставропольского края. Вода оз. Маныч характеризуется повышенной естественной минерализацией. Поступающие в водохранилища высокоминерализованные коллекторно-дренажные воды с орошаемых площадей Ростовской области и Ставропольского края вызвали превышение ПДК по величине общей минерализации [18].

Кумо-Манычская впадина является одной из крупных морфоструктур, наделённой признаками водно-наземного экотона. Экотон и формирующиеся на их пространстве экотонные системы столь же типичны для ландшафтного и экосистемного покровов земли как зональные ландшафты и экосистемы.

Наиболее распространенными для исследуемого участка почвами являются следующие: каштановые солонцеватые среднесуглинистые, солонцы каштановые мелкие и средние, комплексы солонцов столбчатых и лугово-каштановых солонцевато-солончаковых почв, солонцы мелкие в комплексе с каштановыми почвами, сильноосмытые почвы в комплексе с каштановыми сильносолонцеватыми и солонцами, средними и мелкими, суглинистыми.

Сравнение современного состояния степных экосистем на ключевых участках района с материалами геоботанических обследований, проведенных специалистами института «КалмНИИГипрозем» в конце 80-х годов 20-го столетия в хозяйствах «40 лет ВЛКСМ» и «им. Кирова» Приютненского района, показывает значительное улучшение состояния степных экосистем в прибрежной зоне Восточного Маныча. Этот процесс отмечается на всех типах почв, получивших то или иное распространение на территории изучаемого района. Изучение степных экосистем на территории орнитологического филиала биосферного заповедника «Черные земли» и их сравнение с предыдущими обследованиями показало, что на светло-каштановых и каштановых почвах процессы улучшения состояния травостоя идут с наибольшей степенью интенсивности. Если в 1987 году на исследуемом участке были распространены полынно-ковыльные (60% от общей площади), однолетниковые (30%) и пырейные травостои (10%), то в 2004 году здесь встречались ковыльно-полынные (70%) и пырейные (30% от общей площади) ассоциации. При этом если в 1987 году средняя высота полынно-ковыльных и пырейных ассоциаций составляла соответственно 30 и 40 см при проективном покрытии 35-40%, то в 2004 году средняя высота ковыльно-полынных и пырейных ассоциаций составила соответственно 40-45 см и 60-65 см при проективном покрытии 55-60% и 70% [18].

Наблюдения на опытных полигонах показа-

ли, что в постантропогенный период снижение пастбищной нагрузки на оскудевших пастбищах благотворно сказалось на состоянии экосистем сухостепного и полупустынного типа, что выразилось в увеличении в травостое пастбищ полынно-злаковых и злаковых ассоциаций, в качестве эдификаторов которых – ковыли Лессинга и тырса, типчак, житняки гребневидный и пустынный. Эти многолетние злаковые растения являются индикаторами состояния пастбищ. При повышении пастбищных нагрузок они первыми выпадают из травостоя, а при снижении нагрузки на пастбища их процентное количество в растительных ассоциациях увеличивается. Активность сукцессионных процессов и скорость восстановления растительного покрова зависит от комплекса природных и антропогенных факторов. Процесс самовозобновления чаще фиксируется на суглинистых вариантах темноцветных и светло-каштановых почв, реже эти процессы отмечаются на солонцах.

В последнее время в разряд экологических проблем на территории Калмыкии и некоторых соседних регионов вошли техногенные факторы, ввиду того, что в структуре промышленного производства ведущее положение начинает занимать нефтегазовый комплекс.

Строительство и эксплуатация крупных нефтепроводных объектов (таких, как КТК-Р) ведется в природных зонах, отличающихся повышенной экологической уязвимостью к техногенным воздействиям. Нефтепродукты входят в группу веществ, характеризующихся повышенной степенью пожароопасности, а также вредным воздействием на флору, фауну и здоровье человека. Анализ среднемасштабных космических снимков по трассе нефтепровода КТК-Р указывает на зоны тектонических нарушений в Кумо-Манычской впадине в районе устья реки Калаус со сложной геоструктурой, где Чограйское водохранилище служит основным водозабором г. Элисты и других районов, а водные экосистемы Кумо-Манычской впадины являются водно-болотным угодьем мирового значения.

Экологическая ситуация на данных техногенных объектах может приобрести тревожную устойчивую тенденцию ухудшения условий функционирования и воспроизводства потенциала экосистем, что отрицательно влияет на сохранение генофонда почв и разнообразных видов флоры и фауны. Очевидно, что для обеспечения оптимального функционирования природно-техногенной составляющей и поддержания приемлемого состояния природной среды необходима организация республиканской системы мониторинга за состоянием техногенных объектов и природного окружения с регулярным обследованием трассы нефтепровода КТК-Р на территории Ики-Бурульского района, прилегающей к устью реки Калаус.

Изучение почвенно-экологических особенностей Кумо-Манычской впадины в условиях антропогенной трансформации показало их уязвимость вследствие близости грунтовых вод, которые в случае строительства канала «Евразия» могут привести к заболачиванию региона, засолению и деградации естественных природных экосистем региона.

Морской судоходный канал «Евразия», строительство и эксплуатацию которого предполагается осуществить на средства инвесторов при поддержке Правительства РФ, планируется провести по трассе: Каспийское море – р. Кума – р. Восточный Маныч – Чограйское водохранилище – озеро Маныч-Гудило – Пролетарское водохранилище – Веселовское водохранилище – р. Маныч – р. Дон – Азовское море. На территории Калмыкии трасса канала проходит по ряду мест с регулируемым режимом хозяйственной деятельности. В их числе необходимо отметить Чограйское водохранилище и озеро Маныч-Гудило.

Чограйское водохранилище – наиболее крупный водоем Калмыкии, являющийся основным источником снабжения технической и питьевой водой южных районов Калмыкии и г. Элисты. Из данного водохранилища также осуществляется забор воды для Черноземельской оросительно-обводнительной системы, снабжающей водой орошаемые земли в Восточной зоне Калмыкии.

Озеро Маныч-Гудило и прилегающие к нему территории являются местом гнездования, линьки и пролета более 190 видов птиц, 26 из которых считаются редкими и исчезающими. На островах озера гнездятся 10 видов птиц, занесенных в «Красную Книгу России». Территория озера является одним из крупнейших в Евразии районов сосредоточения мигрирующих гусей. Озеро Маныч-Гудило во всем мире признано водно-болотным угодьем международного значения и охраняется Рамсарской конвенцией. Часть акватории озера Маныч-Гудило с прилегающей к ней территорией с 1996 года является орнитологическим филиалом Биосферного заповедника «Черные земли», площадью 27,58 тыс. га, имеет статус водно-болотного угодья международного значения. Его территория является одним из своеобразных и неповторимых природных регионов России. Уникальность заповедника определяется соленым реликтовым озером Маныч-Гудило (уровень засоления воды в озере как в мировом океане – до 35 промилле), местом гнездования редких птиц, пролеганием миграционных путей перелетных птиц и особым географическим положением.

К местам с регулируемым режимом хозяйственной деятельности следует также отнести устье р. Калаус на границе со Ставропольским краем в месте перехода трассы нефтепровода

«Тенгиз-Новороссийск» через Кумо-Манычскую впадину. Данная территория, как указано выше, характеризуется повышенной степенью риска возникновения здесь чрезвычайных ситуаций при техногенных катастрофах.

В недалеком будущем эта водная система может стать центральным звеном проектируемой водной магистрали, что приведет к многочисленным отрицательным последствиям [19].

Негативные экологические последствия при строительстве и эксплуатации судоходного канала «Евразия» представляются следующими:

1. Снижение биоразнообразия вышеуказанных водоемов с уменьшением их биопродуктивности. Особенно это касается мест гнездования, линьки и пролетов птиц.

2. Усиление процессов подтопления и вторичного засоления прилегающих к зоне канала территорий.

3. Загрязнение поверхностных вод при нарушениях правил эксплуатации судов или при техногенных катастрофах.

4. Интенсивное техногенное опустынивание прилегающих к каналу значительных природных территорий.

5. Нарушение режима грунтовых и наземных вод, питающих водную систему Кумо-Манычской впадины.

Следует также учесть, что историко-археологические памятники Кумо-Манычской впадины (курганы, поселения и др.) объявлены решением ЮНЕСКО «всеобщим достоянием человечества». В соответствии с действующим российским и международным законодательством об охране культурного наследия, памятники археологии и истории относятся к особо охраняемым объектам и требуют, в случае принятия решения о проектировании и строительстве канала «Евразия», проведения опережающих строительство охранных мероприятий.

Разумеется, данная оценка негативных последствий является общей и может быть конкретизирована после проведения комплексных инженерно-экологических исследований по прогнозированию и моделированию изменения природной среды Кумо-Манычской впадины и прилегающих территорий под воздействием строительства и эксплуатации новой водной магистрали – судоходного канала «Евразия». Только после тщательной научной экспертизы можно достаточно уверенно утверждать о степени негативного влияния канала «Евразия» на природные экосистемы Кумо-Манычской впадины, предусмотреть возможность минимизации ущерба природной среде данного региона.

В настоящее время социально-экономический прогресс основан на использовании природных ресурсов, поэтому рациональное природополь-

зование не мыслится без знаний и умения предсказывать результаты антропогенного вмешательства в природные ландшафты. Предотвращение негативных процессов опустынивания невозможно без организации сбалансированного соотношения между эксплуатацией, консервацией и улучшением природно-ресурсного потенциала территории. Поэтому все планы комплексного хозяйственного развития любой территории должны быть ориентированы на сохранение ландшафтно-экологического равновесия в природе, повышение природно-ресурсного потенциала (в первую очередь биологического), формирование такой структуры промышленности, сельского хозяйства, рекреационных и других антропогенных ландшафтов, которая могла бы в полной мере нейтрализовать и ликвидировать процессы деградации территории.

В этой связи нам представляется важным приступить к разработке стратегии рационального природопользования аридных ландшафтов Калмыкии, основными ориентирами для которой должны служить следующие принципы:

1. Разработка государственной научно-технической программы развития производительных сил Республики Калмыкии: модернизация комплексной мелиорации земель на основе современной почвоохранной и водоохранной концепции использования природных ресурсов; оптимизация исследований по борьбе с опустыниванием и повышению продуктивности кормовых угодий на деградированных почвах; более широкое использование в регионе методов агро-мелиорации и фитомелиорации; создание сети эталонных объектов для комплексных исследований; реализация научно-технических разработок.

2. Недопущение нерегламентированного освоения нетронутых и слабоизмененных антропогенной деятельностью зональных и интразональных почв.

3. Осуществление мероприятий по решению сельскохозяйственных и промышленных проблем за счет более рационального использования ресурсов уже используемых территорий и широкого внедрения ресурсосберегающих технологий.

4. Расширение особых форм охраны природы с организацией новых заповедников, заказников, национальных парков и территорий с особым режимом хозяйствования.

В соответствии с этими принципами необходима выработка новых подходов к аридному землепользованию в Калмыкии, которые в общем виде могут быть представлены следующими направлениями:

- проведение качественной оценки земель, оптимизации структуры угодий, нормированное использование пастбищ;
- разработка и освоение адаптивно-

ландшафтных систем земледелия, обеспечивающих рациональное, экологичное природопользование;

- проведение комплексных мероприятий (защитное лесоразведение, фитомелиорация, борьба с опустыниванием территорий, рекультивация техногенно нарушенных земель и др.); расширение запасов водных ресурсов, включая регулирование поверхностного и речного стока, защита вод от загрязнения;

- подбор и внедрение засухоустойчивых культур, устойчивых к неблагоприятным природным условиям, невосприимчивых к вредителям и болезням, с высокой продуктивностью и качеством продукции;

- разработка и освоение технологий возделывания полевых культур в различных почвенно-климатических условиях;

- разработка эффективных технологий улучшения продуктивности сенокосов и пастбищ, восстановление деградированных естественных кормовых угодий с посевом соле- и засухоустойчивых трав, кустарников и полукустарников с обязательным установлением оптимальной нагрузки скота на пастбища;

- инвентаризация орошаемых земель с выбраковкой или реконструкцией участков, эксплуатация которых наносит ущерб окружающей среде; реконструкция оросительных систем в целях улучшения почвенно-мелиоративных условий, утилизация дренажных вод путем возделывания галофитов;

- отвод части территории Калмыкии в статус особого режима хозяйствования с целью сохранения популяций животных, растений, а также полупустынного ландшафта в целом;

- проведение широкомасштабных фундаментальных и научно-прикладных исследований для научного обоснования дифференцированных вариантов природопользования и приведения их в соответствие с конкретными биоклиматическими, почвенно-гидрологическими, хозяйственно-экономическими и другими условиями Калмыкии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды». Ст. 133, № 2, 2002.
2. Залетаев В.С. Актуальные проблемы изучения экотон // Экотон в биосфере. М.: РАСХН, 1997. С. 5–9.
3. Зонн И.С. Республика Калмыкия – Хальмг Тангч – европейский регион экологической напряженности // Биота и природная среда Калмыкии. Москва-Элиста, 1995. С. 6–18.
4. Виноградов Б.В. Современная динамика и экологическое прогнозирование природных условий Калмыкии // Проблемы освоения пустынь. 1993, № 1. С. 29–37.
5. Большев Н.Н. Происхождение и свойства почв полупустыни. М.: Изд-во МГУ, 1972. 196 с.

6. Борисов А.В., Демкина Т.С., Демкин В.А. Па-
леопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы, IV–II тыс.
до н.э. М.: Наука, 2006. 210 с.
7. Высоцкий Г.Н. Ергень: культурно-фитологи-
ческий очерк. СПб, 1915. № 10–11.
8. Димо Н.А., Келлер Б.А. В области полупусты-
ни. Саратов, 1907. 185 с.
9. Карандеева М.В. Геоморфология Европейской
части СССР. М.: Изд-во МГУ, 1957. 314 с.
10. Николаев В.А. Евразийская полупустыня
(к 100-летию открытия полупустынной природной
зоны) // Вестник МГУ. Сер. 5: География. №6. 2007.
С. 3–9.
11. Ташнинова Л.Н. Красная книга почв и эко-
систем Калмыкии. Элиста, 2000. 214 с.
12. Глазовская М.А. Геохимические основы типо-
логии и методики исследования природных ландшаф-
тов. М., 1964.
13. Ташнинова А.А. Основные типы элементар-
ных ландшафтов на ключевых участках Ергеней // Тр.
IV Междунар. симпозиума «Степи Северной Евразии».
- Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггаз-
промсервис», 2006. С. 700–702.
14. Ташнинова А.А. Пространственная изменчивость
некоторых параметров основных типов почв Ергеней // Ма-
териалы Международной научной конференции «Экология
и биология почв». Ростов н/Д: Ростиздат, 2007. С. 215–217.
15. Демкин В.А. Почвы сухих и полупустынных
степей Восточной Европы в древности и в средневеко-
вые: автореферат дис. д-ра биол. наук. М., 1993. 48 с.
16. Перельман А.И. Геохимия ландшафта. М: Изд-
во географической литературы, 1961. 495 с.
17. Агроклиматический справочник по калмыцкой
АССР. Гидрометиздат. Л., 1979.
18. Ташнинова Л.Н., Богун Н.М., Санджиева А.Г.
Наземные исследования степных экосистем в экотон-
ной зоне озера Маныч-Гудило // Современные пробле-
мы аридных и семиаридных экосистем юга России.
Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 221–232.
19. Маныч – Чограй: история и современность
(предварительные исследования). Ростов н/Д: Изд-во
«Эверест», 2005. 152 с.

ББК 28.088

ГЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОТОННОЙ ЗОНЫ РЕЛИКТОВЫХ СОЛЕННЫХ ОЗЕР МАНЫЧСКОЙ ОЗЕРНОЙ ГРУППЫ

Н.М.Богун

В статье дано описание растительности на ключевых участках экотонной зоны соленых озер.

Ключевые слова: *экотонная зона, реликтовые озера, ключевые участки.*

The article deals with the description of vegetation on key sites of ecotone zone of salt lakes.

Keywords: *ecotone zone, relict lakes, key sites*

Изучение степей Калмыкии началось еще в 19 веке. В 1860 году с целью хозяйственно-статистического и научного исследования Калмыцкой степи была организована Кумо-Манычская экспедиция под руководством полковника К.И. Костенкова. Экспедицией был обследован обширный район площадью более 55 тыс. кв. км. По материалам экспедиции был опубликован солидный труд «Калмыцкая степь Астраханской губернии», в котором был помещен очерк «Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи» [1]. Экспедиция Русского географического общества во главе с Н.Я. Данилевским в 1866 году проводила обследование Манычской долины. В 1927-40 годах естественную кормовую площадь Калмоласти изучал П.П. Бегучев [2, 3]. Он проанализировал современное состояние растительности и перспективы рациональной организации, а также производительность кормовых угодий.

С 70-х по 90-е годы 20-го столетия почвенно-геоботанические обследования хозяйств республики регулярно проводились геоботаниками Калмыцкого филиала института «Южгипрозем» на картах масштабов 1:25000 и 1:50000.

С начала 90-х годов прошлого века, в связи с изменившейся социально-экономической обстановкой в России, геоботанические обследования не проводятся. В настоящее время в данном регионе отсутствует система экологического мониторинга природных экосистем.

Геоботанические исследования проводились согласно методике биогеоценологических исследований [4]. В ходе научно-исследовательских работ изучались материалы предыдущих геоботанических обследований в хозяйствах Яшалтинского района Республики Калмыкия, осуществлялся подбор ключевых участков, изучались природные и антропогенные факторы, оказывающие влияние на состояние растительности региона, производилась обработка фондового и литературного материалов. Ключевые участки закладывались на различных типах почв, с различным типом увлажнения, на разном удалении от береговой линии. Анализ растительного покрова производился путем заложения серии ключевых участков. При выборе таких участков обращалось внимание на следы хозяйственной деятельности и выбирались наименее преобразованные участки.

Климат района обследования, согласно агроклиматическому районированию [5], умеренно жаркий и очень засушливый гидротермический коэффициент ГТК 0,5–0,7. (ГТК определяется как отношение суммы осадков за период со средней суточной температурой воздуха выше 10°C к сумме температур за тот же период, уменьшенной в 10 раз). Для района обследования характерны следующие показатели: сумма положительных температур выше 10°C = 3400–3600°C, продолжительность безморозного периода 175–185 дней; температура июля 24,5°C – 25,5°C. Зима умеренно мягкая, средняя январская температура – 5°C, – 6°C. Средний из абсолютных минимумов температуры воздуха –22°C, – 24°C. Абсолютный минимум температуры воздуха на участках с пониженным рельефом: – 36°C, – 38°C, на ровных и возвышенных участках – 34°C, – 36°C, сумма осадков 358–400 мм в год. Максимальная температура воздуха летом достигает +40°C, минимальная зимой – 35°C. Район обследования расположен в зоне резко континентального сухого климата со значительными суточными и годовыми колебаниями температуры воздуха. За вегетационный период выпадает 200–250 мм осадков, преимущественно в виде кратковременных ливней. Однако природными экосистемами усваивается их незначительная часть, т.к. большая часть воды стекает в балки и пониженные места. В связи с этим растительность более или менее обеспечена влагой лишь в весенние и осенние периоды, летом она почти всегда переживает длительные периоды засухи, а зимой подвергается воздействию низких температур, зачастую при отсутствии снегового покрова. При данных условиях рельеф оказывает существенное влияние на формирование почвенного и растительного покрова.

По агроклиматическому районированию Доскач [6], район исследований относится к Манычской ложбине. Она тянется с северо-запада на юго-восток и представляет из себя древний тектонический узкий прогиб, разделяющий Ергенинскую и Ставропольскую возвышенности. В течение четвертичного времени она периодически служила проливом, по которому осуществлялась связь Каспийского и Черноморского бассейнов. В последний раз это имело место в раннехвалынское время. Ложбина частично заполнена комплексом каспийских отложений, залегающих на морских плиоценовых слоях. Наиболее молодыми из них являются ранне- и среднехвалынские. В разрезе ложбины преобладают засоленные песчано-глинистые пески и плотные шоколадные глины.

Рельеф района исследований представляет древняя долина Маныча, занятая озерами с террасированными берегами [6]. На склонах долины отмечаются три морские террасы: первая пойменная высотой 1–2 м, затем раннехвалынская высотой

3–6 м, и самая высокая – аридно-денадационная высотой 12–15 м. Более молодые террасы образовались в результате постепенного спада воды. К четвертой террасе относятся расположенные к северу от озера Маныч-Гудило бугры – гряды, вытянутые в широтном направлении. Эти бугры образованы размывом древней террасы, высота которой доходит здесь до 35 м [6].

Описание объектов исследований

Озеро Большое Яшалтинское расположено в Яшалтинском районе Республики Калмыкия, в 12 км на юго-восток от райцентра поселка Яшалта. Оно относится к Манычской озерной группе водоемов реликтового (морского) происхождения. В эту группу входят озера: Маныч-Гудило, Большое и Малое Яшалтинское, Царык, Джама, Лопуховатое, Лебяжье, Грузское, Крутянское и другие (рис. 1).

Перечисленные озера приурочены к Манычской впадине, имеют реликтовое происхождение, питаются за счет выщелачивания слагающих впадину морских отложений поверхностными и грунтовыми водами, к концу лета, как правило, пересыхают (за исключением Маныча). Пересыхающие озера в Приманычье носят название сагов. По происхождению и положению эти озера относятся к лиманным озерам реки Западный Маныч [7]. Это реликтовые озера, их происхождение связано со сменой морского и речного режима во время хвалынской трансгрессии. Все эти озера имеют четко выраженные крутые берега и совершенно плоское дно с едва заметным понижением к центру. Форма их котловин удлинённая, вытянутая параллельно простирацию Манычской впадины. Дно озёр состоит преимущественно из синей соленосной глины и при высыхании покрывается кристаллами соли. Вода во всех лиманных озерах меняется от соленой до горько-соленой. По солевому составу воды озёр относятся преимущественно к карбонатному и сульфатному типу. Воды всех озёр, особенно мелких, отличаются высоким содержанием органических веществ, фосфатов, нитратов и нитритов, которые увеличиваются ко дну [8].

Озеро Большое Яшалтинское имеет ромбовидную форму, площадь его около 40 км², длина озера 8 км, средняя ширина около 5 км. Глубина воды в весеннее время достигает 0,5 м, летом – 0,05 м, а к концу лета – началу осени водный покров исчезает, к осени озеро высыхает полностью и покрывается слоем самосадочной соли, остается соляная корка толщиной до 1 см и более. Глубина озера варьирует в зависимости от погодных условий: в дождливые периоды весной 80–100 см, в засушливые годы – 10–20 см. Температура воды колеблется от 17°C весной до 36°C летом. Поверхность озера покрыта слоем рапы.

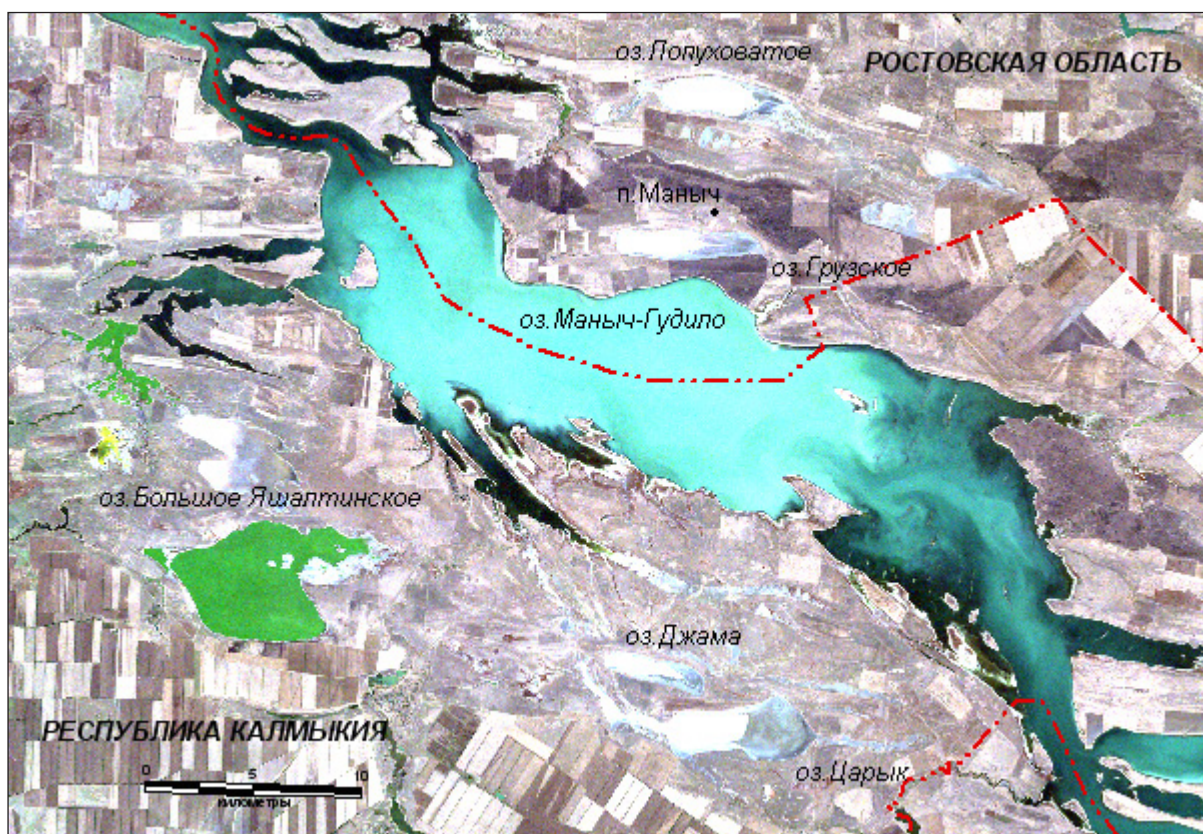

Рис. 1. Реликтовые соленые озера Манычской группы.
Фрагмент космического снимка ИСЗ Landsat-7 11.10.2001 г.

Это озеро является уникальным по своей природе. Озерная рапа и грязи озера имеют целебное значение. Физико-химический анализ грязей выявил, что они являются лечебными, слабосульфидными высокоминерализованными. В Калмыкии расположены 8 перспективных грязевых месторождений – это озера Манычской группы: Большое Яшалтинское, Малое и Большое Воздвиженское, Приютное, Крутянское и озера Каспийской группы: Комсомольское и Малиновское [9].

На основании бальнеологического заключения Испытательного центра природных лечебных ресурсов Российского научного центра восстановительной медицины и курортологии лечебные грязи являются лечебными, иловыми, слабосульфидными, высокоминерализованными. Их бальнеологическая ценность обусловлена наличием сульфидов железа и большого количества водорастворимых солей, в том числе признанных терапевтически активными (бишофит, бром и бор), органические биостимуляторы (липиды, витамины, ферменты, гормоны). Патогенная микрофлора отсутствует, загрязнение токсинами (тяжелыми металлами и радионуклидами) не наблюдается. Грязи этого озера можно отнести к экологически чистым. В бальнеологическом отношении грязи континентальных озер, к которым относится и озеро Маныч, обладают высокой ценностью и не уступают приморским и лиманным грязям. Близким аналогом этих грязей являются грязи место-

рождения «Лечебное» в Астраханской области, используемые на курорте Тинаки II и в клиниках Астрахани, и известное Тамбуканское месторождение Ставропольского края. Показаниями к наружному применению являются болезни нервной и костно-мышечной системы, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, болезни мочеполовой системы и системы кровообращения [9].

Почвенный покров вокруг озера комплексный. Согласно почвенным обследованиям 1987 года [10], вокруг озера Большое Яшалтинское, на слабопологой равнине с общим уклоном к озеру Большое Яшалтинское, располагаются солонцы луговые средне солончаковые в комплексе с луговыми сильно солонцеватыми осолоделыми почвами 10-25%, среднесуглинистые, почвообразующая и подстилающая породы - засоленные лиманные тяжело-суглинистые отложения. Непосредственно у уреза воды располагаются солончаки луговые, тяжело-суглинистые; почвообразующие и подстилающие породы: засоленные глинистые и тяжело-суглинистые отложения. Они располагаются на замкнутых понижениях и пониженных участках долины реки Маныч. На крутом склоне северной экспозиции к озеру Большое Яшалтинское располагаются темно-каштановые солонцеватые среднесмытые почвы и слабосмытые каштановые солонцеватые (10–25%), среднесуглинистые, почвообразующими и подстилающими породами являются лессовидные средние

суглинки. На крутых и покатых склонах и днищах балок располагаются каштановые солонцеватые средне- и сильносмытые почвы в комплексе с аллювиальными луговыми до 10%, солончаками средне- и легкосуглинистыми, почвообразующие и подстилающие породы: лессовидные тяжелые суглинки. На вершинах водоразделов и увалообразных повышениях располагаются солонцы каштановые средние солончаковые в комплексе с каштановыми солонцеватыми почвами 10-25%, среднесуглинистые. Почвообразующими и подстилающими породами являются лессовидные средние и тяжелые суглинки.

Экотонная зона озера Большое Яшалтинское была обследована в июле 2005 года. Ключевой участок расположен в Яшалтинском районе к югу от озера Большое Яшалтинское (координаты 46°17' с.ш., 42°30' в.д.). Точка 1 находится в 5-10 м от уреза воды. Ассоциация солянковая на солончаках. Проективное покрытие 15%, средняя высота травостоя 15 см. В травостое встречается солерос европейский, он занимает 10%, высотой 15 см, вегетирует, 5% занимает климакоптера супротиволистная. По степени засоления почвы сильнозасоленные, тип засоления – сульфатно-хлоридный [11].

Точка 2. В 10-15 м от уреза воды располагается ассоциация солончаково-полынная с проективным покрытием 60% и средней высотой 50 см. Полынь солончаковая занимает 55%, высотой 40-45 см, в стадии бутонизации; лебеда бородавчатая - 5%, высотой 60 см, вегетирует.

Точка 3. На восточном склоне крутизной 10° к озеру Большое Яшалтинское растительность комплексная: более 90% от общей площади контура занимает разнотравно-ковыльная ассоциация, около 5% солодковые куртины у обрыва из солодки голой и менее 5% тростниковые куртины по балкам из тростника обыкновенного. В разнотравно-ковыльной ассоциации проективное покрытие травостоя занимает 75%, средняя высота – 40-50 см. Ковыль тырса занимает 50% травостоя, высотой 50-60 см, находится в стадии созревания; житняк гребневидный 3%, высотой 25-30 см, плодоносит; пырей ползучий произрастает ближе к низу склона, 1%, высотой 25-30 см, плодоносит; типчак 4%, высотой 8-10 см, плодоносит; полынь австрийская 10%, высотой 15 см, вегетирует; молочай Сегье 3%, высотой 20-25 см, в стадии созревания; тысячелистник обыкновенный 2%, высотой 20 см, плодоносит; кермек Гмелина и синеголовник плоский по 1%, высотой 35-40 см; шалфей степной встречается единично, высотой 25 см, цветет.

По данным геоботанического обследования 1993 года [12] в данном районе растительность также была комплексная и состояла на 60% из очень сильно сбитых петросимониевых ассоциаций

(петросимония супротиволистная), на 20% из среднесбитых полынно-злаковых (овсяница валлийская, пырей ползучий, житняк гребневидный, полынь австрийская) и на 20% – из сильносбитых однолетниково-полынных (костер растопыренный, мятлик луковичный, осока узколистная, полынь австрийская, горец птичий) на темно-каштановых почвах.

17 октября 2007 года в районе озера был заложен другой экологический профиль. Координаты ключевого участка: 46° 14' 56".0 с.ш., 42° 27' 36.1" в.д. У кромки воды расположен пояс голой земли без растительности.

Точка 1. На расстоянии 50 м от кромки озера расположена солеросово-сарсазановая ассоциация. Высота от уровня моря 5 м. Общее проективное покрытие 25%, средняя высота 15 см. Сарсазан шишковатый занимает 15%, солерос европейский 10%. Их высота 15 см. Они находятся в стадии цветения. Тип засоления хлоридный.

Точка 2. Далее до начала склона располагается ассоциация бескильнищевая с полынью солончаковой, она имеет протяженность 20 м. В травостое доминирует бескильница расставленная, полынь солончаковая – содоминант; острец и лебеда занимают в травостое по 1%, а дельфиниум встречается единично и находится в стадии цветения. Тип засоления – сульфатно-хлоридный.

Точка 3. На северном склоне 20° на 27 метров расположена злаковая ассоциация. Общее проективное покрытие составляет 50-55%, средняя высота 30 см. При поднятии по склону происходит понижение уровня засоленных грунтовых вод и увеличивается количество видов. В травостое встречаются пырей 30-35%, высотой 20 см, вегетирует; типчак 20%, подмаренник цепкий 5%.

Точка 4. Типчак ассоциация имеет протяженность 50 м выше по склону. Общее проективное покрытие 45%, средняя высота 10 см. Типчак 40%, высотой 10 см, вегетирует; синеголовник, гвоздика, ромашник, кермек Гмелина – по 1%.

Точка 5. На вершине склона, на высоте над уровнем моря 28 м расположена фоновая полынно-типчак ассоциация. Общее проективное покрытие 40%, средняя высота 10 см. Типчак и полынь белая доминируют.

Геоботанические исследования экотонной зоны озера проводились геоботаниками института Южннигипрозем в 1993 году [11]. Согласно Геоботанической карте растительность на данном участке была представлена: на 50% – типчак-ковыльной ассоциацией (в травостое встречались овсяница валлийская и ковыль Лессинга), и на 50% – сильносбитыми однолетниково-полынными (костер растопыренный, мятлик луковичный, осока узколистная, полынь австрийская, горец птичий) на темно-каштановых почвах.

В 20 км к юго-востоку от озера Большое

Яшалтинское располагается озеро Царык. Оно тоже относится к реликтовым озерам Манычской группы. На берегу озера, в 5 м от обрыва, (ключевой участок Ц-1) располагается лебедовая ассоциация. Общее проективное покрытие 15-20%, средняя высота – 10-15 см. В травостое встречается лебеда 10%, сарсазан шишковатый 5%. солерос европейский 5%, кермек Гмелина 1%. В почве на разрезе видны вкрапления белоглазки.

В 2-3 м от берега озера Царык (ключевой участок Ц-2), расположена злаковая ассоциация с кермек и полынь. Координаты ключевого участка: 46° 1' 30. с.ш., 42 42' 43.9 в.д., высота от уровня моря 6 м. В травостое встречаются типчак, пырей, лебеда, кермек Гмелина, камфоросма, полынь.

В 1 км от озера Царык (ключевой участок Ц-3) на фоновой зональной ассоциации было сделано описание растительности и взят образец почвы. Растительность ковыльно-типчак с разнотравьем. Ключевой участок находится на склоне северной экспозиции 15-20°. Координаты ключевого участка: 46° 12' 01.4 с.ш., 42° 42' 56. в.д. Высота над уровнем моря 28 м. Общее проективное покрытие 60%, средняя высота 15-20 см. В травостое встречается типчак, ковыль, тысячелистник, полынь, кермек Гмелина, гвоздика, молочай Сегье.

Почвенные обследования в этом районе были проведены почвоведом института ЮжНИИгипрзем в 1977 году. Согласно Почвенной карте [13] почвы в районе обследования, непосредственно у кромки воды на лиманных понижениях (как и на озере Большое Яшалтинское), располагаются солончаки в комплексе с солонцами луговыми мелкими 10-25% среднесуглинистыми и тяжелосуглинистыми, почвообразующие и подстилающие породы - лиманно-речные глинистые отложения. На Приманычской террасе располагаются солонцы луговые мелкие в комплексе с луговыми солонцеватыми солончаковыми почвами 20-50%, среднесуглинистые, почвообразующие и подстилающие породы: древнеаллювиальные суглинистые отложения и на склоне к озеру – каштановые солонцеватые почвы в комплексе с солонцами каштановыми глубокими 10-25% и средними 10%. Почвообразующими и подстилающими породами являются древнеаллювиальные суглинистые отложения.

Геоботанические исследования экотонной зоны озера Царык были проведены геоботаниками института ЮжНИИгипрзем в 1993 году [14]. Согласно Геоботанической карте на берегу озера на ключевом участке Ц-1 на солончаке единично произрастали солерос травянистый и петросимония супротиволистная.

На ключевом участке Ц-2 растительность состояла на 60% из сильнообитых однолетниково-солончаково-полынных (в травостое встречался мятлик луковичный, бассия очитковидная, петро-

симония супротиволистная), и на 40% из очень сильнообитых петросимониевых (петросимония супротиволистная) на лугово-каштановых и луговых солончаковых почвах и луговых солонцах.

На ключевом участке Ц-3 растительность была комплексная, состояла на 50% из среднесбитых полынно-злаковых (в травостое встречались овсяница валлийская, пырей ползучий, полынь австрийская) на темно-каштановых и каштановых почвах равнин и на 50% из сильнообитых однолетниково-полынных (клевер пашенный, полынь белая, полынь австрийская, петросимония супротиволистная) на солонцах средних, глубоких и сильносолонцеватых почвах.

Таким образом, сравнивая прибрежную растительность двух реликтовых соленых озер, можно заметить, что в непосредственной близости от кромки воды соленых озер на солончаках произрастает пояс солянковой растительности. При продвижении по склону, при повышении над уровнем моря, растительность меняется: увеличивается флористическое богатство, улучшается качественный состав растительных сообществ. В них увеличивается количество злаков, что значительно повышает кормовую ценность пастбищных травостоев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костенков К.И. Статистическо-хозяйственное описание Калмыцкой степи // Калмыцкая степь Астраханской губернии: по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. СПб, 1868. С. 48–76.
2. Бегучев П.П. Естественная кормовая площадь Калмыцкой степи, ее современное состояние и перспективы рациональной организации // Калмыцкая степь. Астрахань, 1929. №№ 1,2,3. С. 46–66.
3. Бегучев П.П. Производительность кормовых угодий // Калмыцкая степь. Астрахань, 1929. №№ 4,5,6. С. 45–57.
4. Программа и методика биогеоценологических исследований. М.: Наука, 1974. С. 12.
5. Агроклиматические ресурсы Калмыцкой АССР. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 187 с.
6. Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М.: Наука, 1979. 141 с.
7. Моложавенко В.С. Гремучий Маныч. М.: Мысль, 1977. 159 с.
8. Лурье П.М., Панов В.Д., Саломатин А.М. Река Маныч. Гидрография и сток. СПб.: Гидромеиздат, 2001. 160 с.
9. Абушинова Н.Н. Медико-биологическое обоснование системы эффективного применения курортных факторов грязевого месторождения «Озеро Большое Яшалтинское» Республики Калмыкия. Элиста, 2007. 192 с.
10. Почвенная карта колхоза им. Ленина Яшалтинского района Калмыцкой АССР / АПК РСФСР. Росземпроект, ин. ЮжГипрозем, Калмыцкий фил. Элиста, 1987.

11. Ташнинова Л.Н., Богун Н.М., Санджиева А.Г. Наземные исследования степных экосистем в экотонной зоне озера Маныч-Гудило // Современные проблемы аридных и семиаридных экосистем юга России. Ростов/нД. изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 221–232

12. Технический отчет по геоботаническому обследованию природных кормовых угодий колхоза им. Ленина Яшалтинского района Республики Калмыкия / Хальмг Тангч. Госагропром РСФСР, Ин-т ЮЖНИИГИПРОЗЕМ, Калм. фил. Элиста, 1993.

13. Почвенные обследования совхоза «Октябрьский» Яшалтинского района Калм. АССР / Министерство РСФСР, объединение «Росземпроект», Институт ЮЖГИПРОЗЕМ, Калмыцкий фил. Элиста, 1977.

14. Технический отчет по геоботаническому обследованию природных кормовых угодий совхоза Октябрьский Яшалтинского района Республики Калмыкия – Хальмг Тангч. Госагропром РСФСР Институт ЮЖНИИГИПРОЗЕМ, Калмыцкий филиал. Элиста, 1993.

ББК 20

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОЗЕРА МАНЫЧ–ГУДИЛО

А. Г. Санджиева

В статье рассмотрено современное состояние качественного состава воды озера Маныч-Гудило. Данные исследования 2005-2007 гг. свидетельствуют о дальнейшем неустойчивом повышении солей озера примерно в 1,5 раза по сравнению с состоянием в конце 1980 года.

Ключевые слова: водоем, качество воды, повышение солей.

In given article the modern condition of qualitative structure of water of the lake Manich-Gudilo is described. The data of the researches carried out in 2005-2007 testify the further unstable increase of salts of the lake approximately half as much again in comparison with the end of 1980th.

Keywords: Reservoir, quality of water, increase of salts.

Экономическое развитие России и обеспечение высокого качества уровня жизни людей на всей её территории во многом зависят от состояния природной среды и продуктивности наземных и морских экосистем. Это, в первую очередь, относится к территориям с аридными и семиаридными климатическими условиями, которые отличаются богатым ресурсным потенциалом (минеральные, биологические, агроклиматические, рекреационные ресурсы).

Проблемы рационального использования и охраны водных ресурсов приобретают особую значимость в наше время. Сегодня, как никогда, первоочередными задачами становятся бережное, экономически безопасное использование и охрана вод. А укоренившееся отношение к водным ресурсам, как к бесплатному дару природы, неэкономное и расточительное их использование не должно допускаться.

Изучение водной системы Маныч–Чограй, от состояния которой зависят благополучие и перспективы развития нескольких регионов юга России, является актуальной научной проблемой. В первую очередь, необходимо проследить изменения водного баланса и солевого состава, продуктивности и биоразнообразия водных и береговых биоценозов, изменения видового состава под влиянием организмов-вселенцев [1].

Район изучения расположен в зоне резко континентального сухого климата со значительными суточными и годовыми колебаниями

температуры воздуха. За вегетационный период выпадает 200-250 мм осадков, преимущественно в виде кратковременных ливней. Однако природными экосистемами усваивается их незначительная часть, т.к. большая часть воды стекает в балки и пониженные места. В связи с этим, растительность более или менее обеспечена влагой лишь в весенние и осенние периоды, летом она почти всегда переживает длительные периоды засухи, а зимой подвергается воздействию низких температур, зачастую при отсутствии снегового покрова [2].

При таких природных условиях рельеф оказывает существенное влияние на формирование почвенного и растительного покрова. Район Кумо-Манычской впадины представляет собой понижение, простирающееся с северо-запада на юго-восток. На западе впадины располагается долина Западного Маныча, а на востоке – Восточного Маныча и низовья р. Кума.

Современная Манычская долина представляет собой широкое понижение, рассеченное многочисленными мелкими водотоками, озеровидными впадинами и лиманами.

Кумо-Манычская впадина является одной из крупных морфоструктур, наделённых признаками водно-наземного экотона. Экотонные системы здесь формируются как на границе воды и суши (между различными средами), так и на границе различных природных систем (экосистемами и ландшафтами).

Экотоны и формирующиеся на их пространстве экотонные системы столь же типичны для ландшафтного и экосистемного покровов Земли, как зональные ландшафты и экосистемы. Кумо-Манычская впадина – главная геолого-географическая структура юга европейской части России, занимает область аккумулятивных равнин морского происхождения. Она всегда играла важную дренирующую роль для ландшафтов окружающих территорий, аккумулируя соли, сносимые с них грунтовыми и поверхностными водами.

В последние 50 лет впадина значительно реконструирована и используется в целях ирригации, отчасти гидроэнергетики. В западной ее части, на базе вод Западного Маныча сооружены крупные водохранилища (Веселовское, Пролетарское и другие).

Территория исследований расположена в районе Кумо-Манычской впадины в долине рек Восточного и Западного Маныча. В середине третичного периода Кумо-Манычская впадина много раз заливалась морскими водами, образуя пролив, соединяющий Каспийское и Черное моря. Обе долины Маныча имеют пойменную и 3 надпойменные террасы. Пойменная терраса западного Маныча заполнена в настоящее время водами озера Маныч-Гудило и Пролетарского водохранилища, в пойме Восточного Маныча находится Чограйское водохранилище [3, 4, 5].

Озеро Маныч-Гудило, мелководный реликтовый водоём морского происхождения, является одним из самых крупных водоёмов Калмыкии. В естественных условиях оно находилось до 1934 года, до строительства Пролетарского водохранилища, сооруженного на озеровидных плёсах - лиманах р. Западный Маныч. Структурный состав воды озера Маныч-Гудило в значительной степени определен состоянием впадающих в него вод. Питание озера осуществлялось от рек Западный Маныч, Калаус, Большой Егорлык, Джали, Хар-Зуха и Улан-Зуха. В зависимости от водности года озеро сильно меняло свою длину и глубину. В редкие многоводные периоды его длина достигала 160 км, ширина – 12...14 км, а наибольшая глубина – 5,5 м, объем – 2,2 км³, площадь – 800 км². В маловодные годы вода не покрывала всего дна озера и перегонялась ветром от одного берега к другому, а на обсохших участках дна отлагались соли. Средняя минерализация была высокой – до 42 г/л [6]. В середине 60-х – начале 90-х гг. XX в., когда на Северном Кавказе наблюдался самый интенсивный рост орошаемых площадей, соответственно, значительно увеличивались объемы сбросных вод с оросительных систем Ставропольского края, поступающих в озеро, началось увеличение объема озера и снижение уровня минерализации воды. С середины 90-х гг. по настоящее время площади орошаемых земель неуклонно

сокращаются, значительно уменьшалась и подача сбросных вод, а также подпитка из реки Кубань.

Основными источниками подпитки оз. Маныч-Гудило сегодня являются: река Егорлык – среднегодовой объём 1145 млн. м³ (на собственный сток приходится 13%, а остальная часть – вода из р. Кубань); река Калаус – 237 млн. м³, 60% из которых приходится на сброс из левой ветви Право-Егорлыкского канала и Большого Ставропольского канала (подача из р. Кубань). Эти процессы отрицательно влияют на качественный состав воды в озере, т.к. оно бессточное [6].

В сложившихся климатических условиях в районе озера Маныч-Гудило сформировались каштановые и светло-каштановые почвы с полынно-типчаково-ковыльной и типчаково-белопопынной растительностью. На широких выровненных участках водоразделов и на их склонах сформировались суглинистые каштановые солонцеватые почвы в комплексе с солонцами. В ложбинах, лиманах, долинах рек преобладают лугово-каштановые, луговые почвы и солончаки.

На участках с каштановыми почвами сформировались зональные злаковые, разнотравно-злаковые остепненные ассоциации, которые большей частью представлены ковыльными, типчаково-ковыльными, разнотравно-ковыльными группировками. Травостой на солонцах представлен однолетниково-полынными и белопопынными группировками. На луговых, лугово-каштановых почвах господствует злаковая растительность [7].

Уровень воды в озере Маныч изменяется по сезонам. Подпитка озера идет за счет снеговых и дождевых стоков, а затем счет испарения происходит обмеление и засоление воды. Вода озера обладает горько-соленым вкусом. Соленый вкус воде придает поваренная соль, горький – соли магния.

Химический состав обследованного озера формируется как под воздействием неблагоприятных климатических условий, так и современных антропогенных влияний (загрязнение нефтепродуктами, сбросными водами с орошаемых полей).

Минерализация обследованной части озера Маныч-Гудило составляла в среднем 33,1 г/л при колебаниях от 31,4 до 35,4 г/л.

Анализ динамики водно-солевого режима оз. Маныч-Гудило показал, что в нём произошло увеличение запаса солей более чем в 3 раза, что привело к значительному осолонению водоёма. Отношение концентраций Mg^{2+} и Ca^{2+} менялось за эти годы от 1,8 до 2,1 раза (табл. 1). Химический состав воды в озере Маныч-Гудило по соотношению основных солейсодержащих ионов занимает некоторое промежуточное положение

между гидрокарбонатно-сульфатно-кальциевым типом вод континентального засоления и хлоридно-натриевым типом морских вод [8].

Озёрные воды в целом, по классификации Алёкина, относятся к хлоридному классу группы натрия III (магниевого) типа.

Таблица 1. Содержание растворенных ионов в водах оз. Маныч-Гудило (данные 2005 г.)

Уровни концентраций	Жесткость, мг-экв/л	Содержание ионов, г/л/ мг-экв/л						Сумма ионов, г/л/мг-экв/л
		Ca ²⁺	Mg ²⁺	Na ⁺ +K ⁺	Cl ⁻	SO ₄ ²⁻	HCO ₃ ⁻	
X _{ср}	179.00	<u>1.571</u> 25.75	<u>1.864</u> 153.25	<u>8.762</u> 350.52	<u>13.167</u> 371.42	<u>7.325</u> 152.5	<u>0.342</u> 5.60	<u>33.032</u> 1059
Min	169.10	<u>1.503</u> 24.62	<u>1.749</u> 143.87	<u>8.092</u> 323.68	<u>12.400</u> 349.79	<u>6.974</u> 145.2	<u>0.281</u> 4.61	<u>31.400</u> 991.77
max	201.40	<u>1.697</u> 27.82	<u>2.146</u> 176.47	<u>9.200</u> 368.01	<u>14.000</u> 394.92	<u>7.767</u> 161.7	<u>0.781</u> 12.78	<u>35.414</u> 1141.70

По данным анализа проб воды, отобранных в озере Маныч-Гудило во время экспедиции в мае 2005 года, минерализация воды составила в среднем 31–36 г/л. При этом концентрация Ca²⁺ осталась почти на уровне конца 1980-х гг. В водах озера Маныч-Гудило преобладают: Cl⁻ (36-37%), SO₄²⁻ (28-29%), Na⁺+K⁺ и Mg²⁺. На долю ионов Ca²⁺ и HCO₃⁻ приходится соответственно 1,9 и 0,7% от общей суммы ионов. Жёсткость воды исключительно высока, составляет для её основной массы в среднем около 200 мг-экв/л

(по данным ЮНЦ РАН). Вода в озере Маныч-Гудило относится преимущественно к классу хлоридных, натриевой группы третьего типа, обладает горько-соленым вкусом. Соленый вкус воде придают поваренная соль, горький – соли магния.

В 2007 году были проведены экспедиционные выезды (табл. 2) на ключевые участки по изучению водной системы озера Маныч-Гудило, где проводилось описание растительности и почв, отбирались образцы воды.

Таблица 2. Содержание растворенных ионов в водах оз. Маныч-Гудило (данные 2007 г.)

Номер станций	Cl ⁻ , мг/л	HCO ₃ ⁻ , мг/л	SO ₄ ²⁻ , мг/л	Жестк., мг-экв/л	Ca ²⁺ , мг/л	Mg ²⁺ , мг/л	Na ⁺ +K ⁺ , мг/л	Общая минерализация
M2(7)	10635,00	363,68	7108,44	148,00	440,88	1532,16	7649,00	27,73
M3(7)	3190,50	283,13	2881,80	56,00	160,32	583,68	2466,00	9,57
M4(7)	10635,00	317,30	7876,92	166,00	400,80	1775,36	7580,00	28,59
M5(7)	19054,38	329,51	13064,16	264,00	641,28	2821,12	13772,50	49,68
M6(7)	15952,50	251,40	10758,72	224,00	561,12	2383,36	11353,00	41,26

Минерализация в среднем составила 27,7 г/л при пространственных колебаниях от 9,57 до 49,68 г/л.

Обследование системы Маныч-Чограй, выполненное в 2005-2007 гг. исследовательской группой по экологии, свидетельствует о дальнейшем неустойчивом засолонении оз. Маныч-Гудило ещё примерно на 10-15 г/л или 1,5 раза по сравнению с концом 1980-х годов, с вероятным максимумом в 2004 г. и некоторым понижением солёности в

2005 и 2006 гг. Для озера Маныч-Гудило в начале второй половины 1980-х годов была характерна слабо выраженная тенденция опреснения, затем относительная стабилизация, а с конца 1990-х годов – дальнейший рост, с вероятным максимумом в 2004 г. (в среднем до 37-43 г/л) и некоторым распространением (в среднем примерно на 4 г/л до 33-39 г/л) в 2005 и 2006 гг.

В сезонном ходе озера Маныч-Гудило прослеживается достаточно выраженная тенденция

роста минерализации его вод от весны к лету и осени. В частности, в 2004 г. средняя минерализация увеличилась от 37,2 г/л в июле до 42,6 в августе и 47,0 г/л в октябре; в 2005 г. от 33,0 г/л в мае до 36,4 г/л в августе и 39,0 г/л в октябре; в 2006 г. от 33,1 в марте и мае до 35,7 г/л в июле[1], в мае 2007 г. в среднем 27,7 г/л при пространственных колебаниях от 9,57 до 49,68 г/л. Высокая минерализация водоемов системы Маныч-Чограй и тенденция её роста (главным образом, оз. Маныч-Гудило) определяются как природными, так и антропогенными факторами.

Предотвращение солевого загрязнения водоемов и водотоков системы Маныч-Чограй сегодня становится актуальной экологической проблемой, требующей разумного хозяйственного подхода. Этого можно достичь за счет снижения поступления сбросных вод, сокращения площадей орошения, введения водосберегающих технологий, замены приоритетных культур на менее водоемкие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современные проблемы аридных и семиа-

ридных экосистем юга России: Сборник научных статей / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д / Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 624 с.

2. Агроклиматические ресурсы Калмыцкой АССР. Л.: Гидрометеиздат, 1974. 187 с.

3. Федюков А.Н. Природа Калмыцкой АССР. Элиста, 1986. 120 с.

4. Козлов В.И. Экологическое прогнозирование ихтиофауны пресных вод (на примере Понто-Каспийского региона). М.: Изд-во ВНИРО, 1993. 252 с.

5. Лурье П.М., Панов В.Д., Саломатин А.М. Река Маныч. Гидрология и сток. СПб.: Гидрометеиздат, 2001. 160 с.

6. Комплексное использование водных ресурсов Республики Калмыкия / сост. и ред. С.Б. Адьяева, Э.Б. Дедовой, М.А. Сазанова. Элиста, 2006. 200 с.

7. Ташнинова Л.Н., Богун Н.М., Санджиева А.Г. Наземные исследования степных экосистем в экотонной зоне озера Маныч-Гудило // Современные проблемы аридных и семиаридных экосистем юга России. Ростов н/Д. Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 221–232.

8. Алёкин О.А. Основы гидрохимии. Л.: Гидрометеиздат, 1970. 44 с.

9. Миноранский В.А., Габунщина Э.Б. Озеро Маныч-Гудило. Элиста, 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ

УНИКАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ О НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ КАРЛА БЭРА

Л.Н. Ташнинова

Серия научно-библиографической литературы пополнилась уникальным изданием, посвященным жизни и деятельности выдающегося естествоиспытателя, биолога, географа, антрополога, действительного члена Петербургской академии наук Карла Максимовича Бэра (Назаров А.Г., Цуцкин Е.В. Карл Максимович Бэр. 1792–1876 / отв. ред.: В.В. Бабков, И.И. Мочалов. – М.: Наука, 2008. – 539 с.). Ее авторы — Назаров Анатолий Георгиевич, доктор биологических наук, профессор, действительный член Российской академии естественных наук, руководитель Экологического центра института истории естествознания и техники (ИИЕТ) им. С.И. Вавилова РАН, Цуцкин Евгений Васильевич, кандидат географических наук, докторант ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН.

Монография, представляющая крупное научное исследование, состоит из 6 глав, в которых на основании обширного документального материала последовательно изложены сведения о многогранной научной деятельности К.М. Бэра. Один из основателей Императорского Российского Географического общества, К.М. Бэр внёс неоценимый вклад в развитие отечественного и мирового естествознания. Особенно важны работы К.М. Бэра, которые относятся к периоду наивысшего взлёта его комплексных эколого-географических, этнографо-антропологических и историко-научных исследований - Каспийской экспедиции, имевшей, по убеждению академика Л.С. Берга, мировое значение. Поэтому материалы, посвященные каспийской экспедиции К.М. Бэра, представляют для исследователей юга России особый интерес. Авторы знакомят читателей с основными этапами и маршрутами экспедиции, с её участниками, воссоздают особенности каждого из этапов этой экспедиции.

Пристальный интерес к изучению изменяющихся динамических процессов геологии и географии, экономики и социальной этнографии населения свойственен всем работам К.М. Бэра на юге России. Но особое место в исследованиях Каспийской экспедиции занимает изучение феномена Калмыцкой степи, охватывающей обширные степные пространства Волго-Донского междуречья. В дневниках К.М. Бэра описание калмыцких поселений и кочевий относится к районам нижнего течения Волги, долинам рек Маныч и Калаус, Ергенинской возвышенности,

Сарпинской низменности, Черным землям и северо-западному побережью Прикаспия.

Исходя из анализа научного наследия К.М. Бэра, авторы монографии выделяют следующие основные направления его географических исследований в Прикаспии и Калмыцкой степи:

1. Изучение Волго-Каспийского бассейна, дельты Волги, побережий Каспия в связи с проблемой кормовой базы для увеличения прироста каспийской сельди и других рыбных ресурсов.

2. Изучение эколого-географических и экономических условий проживания прибрежного населения Северного и Западного Каспия («прибрежных калмыков») в связи с рыбохозяйственным освоением акватории моря.

3. Изучение географо-геоморфологических особенностей Волго-Каспийского района, Кавказа, условий произрастания флоры и распространения фауны полупустыни и сухостепных территорий Калмыцкой степи.

4. Исследование проблемы взаимосвязей бассейнов Черного и Каспийского морей и возможности их соединения по долине Маныча.

5. Изучение этнографических особенностей быта, хозяйства и духовной культуры калмыков в различных географических районах Прикаспийского региона.

До периода, предшествующему Каспийской экспедиции, объектом научных интересов К.М. Бэра были Новая Земля, Чудское озеро, Балтийское море, Кольский полуостров (Лапландия) и др. Эти периоды работы К.М. Бэра также нашли отражения в монографии. Много места в книге уделено характеристике личности ученого-естествоиспытателя, его друзьям и соратникам. Эта часть книги читается с особым уважением и интересом, так как характеризуют К.М. Бэра как истинного гуманиста.

Книга о К.М. Бэре написана учеными, прекрасно владеющими мастерством научного анализа. Авторы использовали огромные литературные и архивные материалы об ученом, сами совершили ряд поездок по маршрутам экспедиций К.М. Бэра.

Монография хорошо структурирована, содержит большой иллюстративный материал, включая редкие фотографии, карты, а также обширный библиографический список. Книга, несомненно, будет полезна широкому кругу читателей разных профилей, студентам, преподавателям школ и вузов, научным работникам.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАБОТА УЧЕНОГО СОВЕТА

В первом полугодии 2009 года состоялось 7 заседаний Ученого совета КИГИ РАН, на которых рассматривались вопросы планирования научной работы, заслушивались отчеты о выполнении НИР сотрудников Института, утверждались к печати труды КИГИ РАН, обсуждались вопросы, связанные с финансово-хозяйственной деятельностью, а также с подготовкой и проведением Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства.

4 февраля 2009 года состоялась Научная сессия по итогам работы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в 2008 году, посвященная 100-летию со дня рождения ученого-калмыковеда, к.п.н. Бембя Джалыковича Муниева. С докладом «О жизни и деятельности Б.Д. Муниева» выступила директор КИГИ РАН Н.Г. Очирова. В выступлении было отмечено, что «Б.Д. Муниев в 1959 году поступил на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, где более 35 лет проработал в качестве заведующего сектором языкознания, ученого секретаря и практически стоял у истоков становления современного отдела языкознания КИГИ РАН.

За годы работы в Институте Б.Д. Муниев обобщил свой многолетний практический опыт. Тема кандидатской диссертации «Принципы составления учебников чтения для калмыцкой начальной школы и вопросы калмыцкой лексики и лексикографии», которую он защитил в 1968 году, отражает основные направления его научно-исследовательской деятельности – лексикографию и лексикологию калмыцкого языка. В 60-80-е годы под его руководством в Институте осуществлялась планомерная лексикографическая работа по изданию академических словарей – «Русско-калмыцкий словарь» (1964), «Краткий русско-калмыцкий словарь» (1969), «Калмыцко-русский словарь» (1977).

Бембя Джалыкович вошел в историю калмыковедения не только как крупный лингвист, но и как автор многих учебников и методических пособий по родному языку. Он был талантливым педагогом, и его имя неразрывно связано с развитием национального образования Калмыкии.

Будучи ученым секретарем Института, Бембя Джалыкович проявил незаурядные организаторские способности. Он активно пропагандировал научные знания, родной язык на страницах республиканских газет и журналов, по радио и телевидению. Б.Д. Муниева всегда отличали такие качества, как последовательность, целеустремленность и творческое дерзание. Научное и педагогическое наследие Б.Д. Муниева выдержало проверку временем. Бемби

Джалыковича всегда будет занимать видное место в истории нашего Института, в истории развития науки и образования Республики Калмыкия».

В рамках работы Научной сессии были заслушаны доклады сотрудников Института по завершённому в 2008 году темам научно-исследовательских работ, Программам Президиума РАН, а также отчеты о выполнении проектов по грантам.

Завершённые темы НИР:

1. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней (коллективная монография). Исп. отдел истории.

2. Ойраты–предки калмыцкого народа в XIII – первой трети XVII вв. Исп. к.и.н. Санчиров В.П.

3. Формирование и этнический состав населения Калмыцкой степи (1806-1897 гг.). Исп. м.н.с. Оконова Л.В.

4. Новая экономическая политика и ее результаты. Исп. к.и.н. Бадмаева Е.Н.

5. Новые памятники эпохи средневековья на территории Республики Калмыкия. Исп. н.с. Шаральдинов С.В.

6. Калмыцкая поэзия XX века Т.2. Исп. к.ф.н. Салдусова А.Г. Сектор литературы

7. Исследование перевода «Сутры о мудрости и глупости», выполненного О.М. Дорджиевым (Тугмюд Гавджи). Исп. к.ф.н. Музраева Д.Н.

8. Тибетский буддизм в Калмыкии: историко-ведческие аспекты. Исп. м.н.с. Кукеев А.Г.

9. «Калмыцкий героический эпос «Джангар». Том Свода калмыцкого фольклора (кн. 1, 2). Рук. к.ф.н. Овалов Э.Б., исп. к.ф.н. Горяева Б.Б., исп. нс Селеева Ц.Б., исп. м.н.с. Убушиева Д.В.

10. Калмыцкая мифология. Исследование и тексты. Рук. и исп. к.ф.н. Басангова Т.Г.

11. Конституционный строй в Республике Калмыкия в 90-е гг. XX - начале XXI вв. Исп. нс Гунаев Е.А.

Проекты программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»:

1. Республика Калмыкия в условиях трансформации российского общества. Науч. рук. к.полит.н. Очирова Н.Г.

2. Этнокультурная адаптация калмыков среди народов Поволжья и Северного Кавказа. Рук. к.и.н. Батыров В.В.

Гранты РГНФ (завершённые в 2008 году):

1. Фольклорная экспедиция, посвященная 100-летию со дня записи героического эпоса калмыков «Джангар». № 08-04-18002 е. (рук. Басангова Т.Г.)

2. Лингвоэтнографический ландшафт современной Монголии в структурно-типологическом ракурсе: западномонгольские локальные традиции. № 08-04-923-72 е/Г (рук. Очирова Н.Г.)

3. Словарь философско-религиозных терминов (тибетско-калмыцко-русский словарь). № 07-03-36304 а/Ю (рук. Бичеев Б.А.)

4. Калмыцкая обрядовая поэзия. № 07-04-36404 а/Ю (рук. Басангова Т.Г.)

Проекты по грантам Фонда содействия отечественной науке:

1. Номинация «Кандидаты и доктора наук РАН» (Тепкеев В.Т.)

2. Номинация «Лучшие аспиранты РАН» (Борлыкова Б.Х.)

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В рамках подписанного соглашения между Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН и Институтом языка и литературы Академии наук Монголии осуществляется совместный международный проект по изданию рукописных дневников доктора филологических наук Ц.-Д. Номинханова, хранящихся в архиве Института языка и литературы АН Монголии. В первом полугодии 2009 года изданы 3 книги, в которых опубликованы 9 рукописных тетрадей.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ

1. Бакаева Э.П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: Издательский дом «Герел», 2008. 288 с. (18,1 у.п.л.).

В монографии исследуется традиционная система одежды калмыков как многофункциональный компонент материальной культуры, являющийся наследием их этнических предков – ойратов. Проблемы, связанные с семантикой традиционной одежды калмыков, анализируются в контексте исследования системы этнических стереотипов и традиционных представлений о человеке и его месте в мире. Автор приходит к выводу о взаимообусловленном характере связи двух систем ориентации в пространстве в культуре калмыков (исходя из представлений о востоке либо юге как главной стороне света) с представлениями о приоритетности правой и левой сторон, а также с возможной сменой этнических стереотипов в запахе одежды. В книге исследуется и ритуальный костюм, его место в культуре калмыков. Показано, что семантика традиционной обрядовой одежды современных «знающих» связана с архаическими представлениями о племенном божестве-покровителе (которое с включением в буддийский культ стало наделяться мифологической характеристикой общенационального покровителя), а также с системой субэтнических маркеров.

2. Максимов К.Н. Kalmykia in Russia's past and present National policies and administrative system (Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России). Central European

University Press. Budapest, New York. 2008. 439 p. (33 у.п.л.).

Монографическое исследование посвящено вопросам взаимоотношений калмыков с Россией до и после их официального вхождения в состав Российского государства, показаны процессы постепенной интеграции Калмыкии в общероссийскую систему управления. Значительное внимание уделено советской национальной политике и унифицированному развитию Калмыкии в период социализма. Раскрываются проблемы правового статуса и развития Калмыкии в условиях нового российского федерализма.

3. Овалов Э.Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: ЗАОр «НПП» «Джангар», 2008. 303 с. (17,67 у.п.л.).

Монография посвящена сравнительно-типологическому анализу сюжетики и поэтики эпических произведений монгольских народов, их сходств и различий. В книге раскрываются проблемы эволюции образной системы, мотивов, сюжетов и поэтики эпоса «Джангар», его версий и ряда героических произведений монголов, калмыков и бурят. Основные образы героев трех национальных версий эпоса, их функции близки и, вероятно, восходят к древней общемонгольской эпической традиции изображения персонажей. В работе тщательно проанализированы сюжетобразующие мотивы, а также макросюжеты, выявлены их сходства и различия в разнотипных эпических произведениях монгольских народов.

4. Очир-Горяева М.А. Свод археологических памятников волго-манычских степей. Элиста: Издательский дом «Герел», 2008. 500 с. (33,5 у.п.л.).

В монографии впервые проведено комплексное аналитическое исследование археологических памятников Республики Калмыкия от первых научных раскопок в 1929 году до 1998 года. В книге приводится результат статистического анализа в сочетании с пространственным анализом памятников различных эпох по основным ландшафтным зонам волго-манычских степей. Источниковая база исследования оформлена в виде свода памятников, снабженного информацией по 13 позициям. Специальные главы посвящены истории археологических раскопок в республике и очерку по археологии волго-манычских степей от каменного века до средневековья.

7. Сартикова Е.В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке. Элиста: ЗАОр «НПП» «Джангар», 2008. 407 с. (23,71 у.п.л.).

В монографии рассматривается развитие школьного образования в Калмыкии в XX веке: от характеристики его состояния в начале XX века и деятельности просветителей до создания государственной советской школы, осуществления перехода ко всеобщему среднему образованию, совершенствования общеобразовательной системы в целом

(повышения качества учебно-воспитательного процесса, улучшения работы по повышению квалификации учителей, укрепления материально-технической базы школ).

КНИГИ

1. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-калмыков. На калм. яз. / В 3-х томах. Т.3. Элиста: ЗАОр «НПП» «Джангар», 2008. (51,34 у.п.л.).

Данное издание представляет собой третий том российского издания синьцзянской версии эпоса «Джангар». Тексты эпических песен переложены на калмыцкий язык известным востоковедом Б.Х. Тодаевой.

Издание представляет ценный труд по изучению специфики и закономерностей эпического творчества, вопросов генезиса и историзма эпоса, его композиционной структуры и художественной формы. В структуру тома, помимо текстов десяти песен, включены три приложения, содержащие магталы-восхваления, краткие биографии одиннадцати сказителей, нотные расшифровки исполнения эпоса в Синьцзяне; дается информация о бытовании героического эпоса среди ойратов в Синьцзяне, об истории записи и публикации эпоса в Китае, в России и странах Европы.

2. Преданная науке (к 70-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности Р.А. Джамбиновой (серия «Калмыцкая интеллигенция»). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. 214 с. (11,34 у.п.л.).

Книга включает неопубликованную работу Р.А. Джамбиновой «Как создавалась «История калмыцкой литературы», освещающая научную деятельность авторского коллектива по созданию фундаментального труда. В издании опубликованы статьи, рецензии, отзывы, воспоминания коллег и другие материалы, посвященные памяти Р.А. Джамбиновой.

3. Басхаев А.Н., Дякиева Р.Б. Ойраты-калмыки XII-XIX вв. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2008. 160 с. (8,8 у.п.л.).

Книга является учебным пособием по истории и культуре калмыцкого народа, предназначена для общеобразовательных и средних специальных учебных заведений Республики Калмыкия. В работе изложена история ойратов – предков калмыков с момента их появления на исторической арене и до переселения ойратских этнополитических объединений торгутов и дербетов в пределы Российского государства в первой половине XVII века, показаны основные вехи в истории калмыцкого народа до конца XIX века.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ И ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

С февраля 2009 год младший научный сотрудник отдела истории и археологии КИГИ РАН,

к.и.н Д.Г. . Кукеев проходит научную стажировку в Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

ЮБИЛЕИ

24 февраля 2009 года исполнилось 85 лет со дня рождения главного библиографа научной библиотеки КИГИ РАН, талантливого исследователя-краеведа Прасковьи Эрднеевны Алексеевой.

П.Э. Алексеева родилась в 1924 году в ст. Граббевской Зимовниковского района Ростовской области. В 1946 г. успешно закончила историко-филологическое отделение Башкирского государственного учительского института, в 1950-м – исторический факультет Башкирского государственного пединститута. Многолетняя трудовая деятельность П.Э. Алексеевой, которая началась в 1960 году с должности заведующей научной библиотекой КНИИЯЛИ (ныне – КИГИ РАН), является ярким примером глубокой преданности калмыцкой науке и однажды выбранному пути. Благодаря подвижническому труду П.Э. Алексеевой в КИГИ РАН удалось создать уникальную научную библиотеку, которая является крупнейшим в республике хранилищем востоковедной литературы – свыше 55 тысяч томов, в том числе одну треть ее составляют редкие издания XVIII–XIX вв.

П.Э. Алексеева активно занимается исследовательской деятельностью, популяризацией духовного наследия калмыцкого народа, постоянно выступает с сообщениями в СМИ, участвует в организации и проведении республиканских конкурсов и научных форумов. Она – автор более 80 научных работ, в том числе 12 монографий и ряда публикаций в научных сборниках.

Подвижнический труд П.Э. Алексеевой высоко оценен в республике. П.Э. Алексеева – Почетный Гражданин Республики Калмыкия, Заслуженный работник культуры Калмыцкой АССР, награждена Почетными грамотами РК и Правительства РК.

5 мая 2009 года исполнилось 60 лет со дня рождения кандидата искусствоведения Батыревой Светланы Гарриевны. С.Г. Батырева работает в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН с 2000 года. Многолетний опыт музейного сотрудника С.Г. Батырева успешно применила в организационной и экспедиционной работе в качестве заведующего Музеем традиционной культуры им. Зая-пандиты КИГИ РАН. Она активно занимается пропагандой духовного наследия калмыцкого народа. Область научных интересов Батыревой С.Г. – история культуры калмыцкого народа, изобразительное искусство и традиционная культура. Она - автор более 100 научных работ, в том числе 6 монографий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаева Ногана Валерьевна – младший научный сотрудник Центра этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Бачаева Саглар Егоровна – к.ф.н., научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Белоусов Сергей Степанович – к.и.н., заведующий Лабораторией этносоциальных исследований Южного научного центра РАН

Богун Наталья Михайловна – научный сотрудник Института аридных территорий Южного научного центра РАН

Буваев Дмитрий Алексеевич – младший научный сотрудник Института аридных территорий Южного научного центра РАН

Гунаев Евгений Александрович – научный сотрудник Центра этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Джеваков Мерген Владимирович – аспирант Северо-Кавказской академии государственной службы

Иджаева Баира Владимировна – младший научный сотрудник Центра этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Кичикова Байрта Анатольевна – к.ф.н., доцент Калмыцкого государственного университета

Кукеев Адьян Геннадьевич – младший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Мулаева Нина Михайловна – к.ф.н., научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Намруева Людмила Васильевна – к.соц.н., старший научный сотрудник Центра этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Тепкеев Владимир Толтаевич – к.и.н., научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Санджиева Александра Григорьевна – научный сотрудник Института аридных территорий Южного научного центра РАН

Соловьёва Алевтина Андреевна – научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Ташнинова Анна Анатольевна – научный сотрудник Института комплексных исследований аридных территорий

Ташнинова Людмила Николаевна – к.ф.н., старший научный сотрудник Института аридных территорий Южного научного центра РАН

Убушаев Мерген Борисович – к.э.н., научный сотрудник Института аридных территорий Южного научного центра РАН

Улзий М.С. – д.ф.н., профессор отделения монгольского языка Центрального университета национальностей, г. Пекин, КНР

Шантаев Бемб Александрович – научный сотрудник сектора этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

Шарманджиев Дорджи Адьянович – к.п.н., научный сотрудник Центра этносоциальных исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются результаты фундаментальных исследований в области гуманитарных наук.

Материалы принимаются в бумажном варианте (1 экз.) и в электронном (только на диске или по e-mail) в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала, на странице 28 строк, в строке 60 знаков, включая пробелы. При наборе использовать только стандартные гарнитуры шрифтов: Times New Roman. Электронный вариант статьи должен строго соответствовать бумажному. В электронном варианте не допускается расстановка переносов. Страницы обязательно должны быть пронумерованы. После названия статьи обязательно указываются Ф.И.О. автора(ов). Распечатка статьи должна быть завизирована «живыми» подписями всех авторов. Электронный вариант должен состоять из трех файлов: статья, реферат, сведения. Названия файлов должны состоять только из фамилии автора и «статья, реферат, сведения». Например: Иванов-статья.doc, Иванов-сведения.doc, Иванов-реферат.doc. Если в статье несколько авторов, название файлам дается по первому автору.

Рисунки предоставляются на диске отдельными файлами (в форматах jpg (без сжатия), tiff) с распечаткой и перечнем подрисовочных подписей или в редакторе Word внутри текста статьи (только если рисунки сделаны в самом Word). Все обозначения на рисунках должны быть четкими и хорошо отличимыми друг от друга.

Все таблицы должны быть пронумерованы, привязаны к тексту и иметь названия. Принимаются только таблицы, созданные в редакторе Word.

Литература должна быть затекстовая. Вся литература обязательно должна быть привязана к тексту. Нумерация - по мере упоминания в тексте в квадратных скобках. Оформление интернет-источников производится в соответствии с ГОСТом. В литературе при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге. При ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка. Ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи. Статьи без списка литературы не принимаются.

К материалу прилагаются: реферат на русском и английском языках (с использованием рефератных оборотов - анализируется, показано, автор приходит к выводу и т.д. - и обязательным переводом на английский названия статьи); ББК; ключевые слова; сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); научная степень; научное звание; должность (с указанием полного названия кафедры и ВУЗа); телефоны (кафедры, домашний, сотовый) с указанием кода города; почтовый адрес (домашний и вуза) с указанием почтового индекса; e-mail, паспортные данные. Все сведения и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках.

Сведения предоставляются не в виде анкеты, а одним предложением:

Иванов Иван Иванович - кандидат филологических наук, доцент кафедры университета, адрес..., тел..., e-mail... На английском языке точно также.

Ключевые слова даются в 1 строчку - отдельная строка для русских, отдельная для английских.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редакции: 358000, Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8

Учреждение Российской академии наук

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

Тел. (84722) 3-55-06, факс: 2-37-84 .

E-mail: kigiran@elista.ru

Адрес в Интернете: www.kigiran.com

**Вестник
Калмыцкого института гуманитарных
исследований РАН**

№ 1, 2009

Сдано в набор 11.06.2009. Подписано в печать 2.07.2009. Формат бумаги 60x84 1/8.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11.5. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель: Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Отпечатано в КИГИ РАН, Республика Калмыкия 358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8